ISSN 0131 — 0097

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 13 МАРТ 1989

КТО ХОЗЯИН СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ?

ПЛАНЕТА ПЕТРОВА-ВОДКИНА

ЗАКОН ТАЙГИ

РЕАЛИЗМ ФАНТАСТА

ЗЕМЛЯ — КРЕСТЬЯНАМ, ФАБРИКИ — РАБОЧИМ, ВЛАСТЬ — СОВЕТАМ НА ДЕЛЕ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 13 (3218)

25 МАРТА — 1 АПРЕЛЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
фото Игоря ГАВРИЛОВА.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА
при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 03.03.89. Подписано к печати 21.03.89. А 10411. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 200 000 экз. Заказ № 270. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

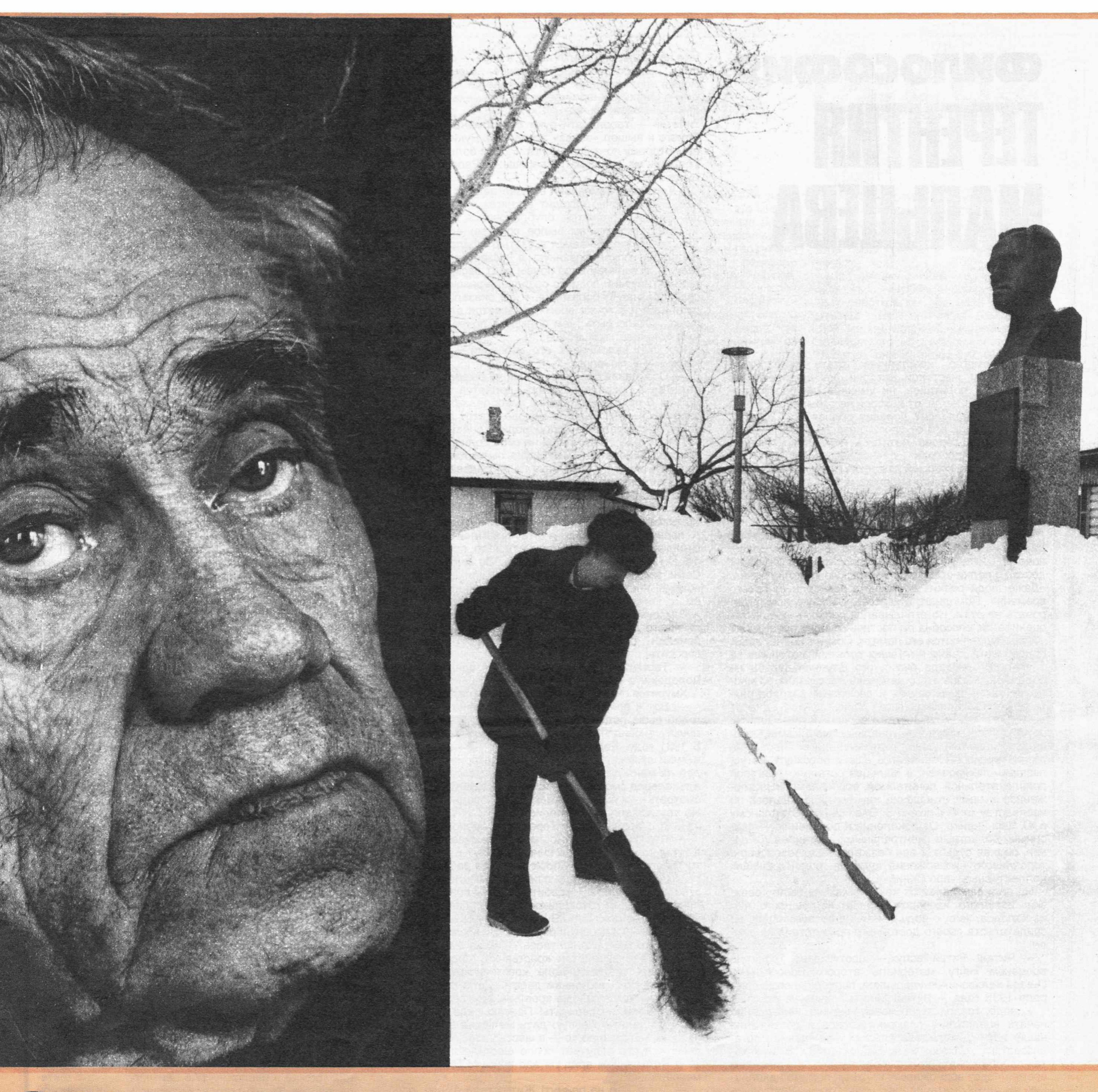
Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный)
(095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349
«Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ФИЛОСО
ТЕРЕНТИЯ М

...ФИЯ ...АЛЬЦЕВА

Замира ИБРАГИМОВА
Сергей ПЕТРУХИН (фото),
специальные корреспонденты «Огонька»

— Не сплю по ночам, плачу.
— О чем, Терентий Семенович?
И в первый раз глаза оживают. Потеплело общение, которое он выстраивает сурово. Но слова были жестки и безжалостны:
— Две угрозы над человечеством,— говорит Мальцев,— атом и экология. Вторая страшнее. Атомная смерть — быстрая смерть, экологическая — умирание постепенное. Ресурсы природы уменьшаются и уменьшаются. А все ресурсы для будущей жизни — горсточка земли. Безжизненной земли на Земле все больше...
Вопросов к Терентию Семеновичу много. Человек уникальный! Звездный долгожитель времени, ни со звездами, ни со сроками не церемонившийся.

ФИЛОСОФИЯ ТЕРЕНТИЯ МАЛЬЦЕВА

Что помогло крестьянину стать счастливым избранником жестокой истории, не щадившей ни изощренных политиков, ни умников, ни простодушных работяг? Земля, от которой не отрывался? Хлеб, на который молился? Деревня родная?

Что охранило его от злого глаза да лютого указа, коими немилосердно метились и метились судьбы «классов», «прослоек», личностей, характеров?

Плуг ли, за который впервые стал мальчишкой? Пшеничное ли зерно, надежда и боль крестьянской бессонницы? Гибкий ли, приметливый ум пахаря, вышколенный терпением, природой отобранный на жизнестойкость?

В лоб не спросишь, как, дескать, удалось уцелеть? Да еще не в тени, не в тиши, а при внимании, славе, почете!.. Я и не рискнула спросить, но он вдруг достал с полки старую философскую книгу и прочел: «Даже люди редких достоинств зависели от своего времени». Помолчал. Мудрость книжную комментировать не стал. Но вглядывался цепко — дошло ли, оценила ли, способна ли постичь глубину признания?

Люди удивляются его памяти. Помнит имена, даты, подробности давно минувших событий, которыми за девяносто три года бытия его штучная судьба не обделила. Жизнь этого человека рассказана во многих книгах — и им самим, и десятками авторов разных публицистических эпох, отличавшихся одна от другой системами общественных ценностей, характером и дозами «правды», тональностью письма. Отрицался прожитый день, развенчивались вчерашние герои, горько высмеивалась еще и обсохнуть не успевшая «лакировка», а Мальцев оставался фигурой привлекательной, почитаемой, воспеваемой. Восторженное к нему отношение как бы передавалось по наследству от Г. Фиша и В. Овечкина А. Стреляному и Ю. Черниченко. От поколения к поколению — районным, областным, центральным газетчикам... Редкая, редкая судьба в век безжалостных переоценок, торопливого низвержения кумиров, ошеломляющих коллективных «прозрений»...

Но он и сам далек от какой бы то ни было «ревизии» прошлого, наоборот, черпает из прошлого, как из колодца, живую воду — нет, не воспоминаний, но свидетельств своего достойного присутствия на земле.

— Читай! Читай вслух,— протягивает тронутую временем книгу, материалы второго Всесоюзного съезда колхозников-ударников, проходившего в феврале 1935 года.— Читай! Мне и сейчас не стыдно.

«...надо, товарищи, по моему мнению, немедленно начать внедрять в практику колхозов достижение наших научно-исследовательских учреждений... организовать в колхозах хаты-лаборатории... В этих хатах-лабораториях колхозник-опытник с течением времени даст возможность колхозу, помимо накопления научных материалов, размножить наилучшие сорта наилучших культур, которые будут стойко выдерживать почвенные, рельефные, климатические и другие условия полей данного колхоза...»

Он там, в том времени. Нас еще и на свете не было. И строчки, которые он, возможно, знает наизусть, дороги ему тогдашним признанием, прозвучали смело и свежо. И восприняты были как знак нового крестьянского мышления. Мы, перегруженные открытиями нашего времени, на такую реакцию уже не способны — знаем, не одним энтузиазмом цементировались те годы — после выстрела в Кирова прошло три месяца... Неловко, право, не оправдывать ожиданий почтенного собеседника, однако ни он, ни я не властны над этим разрывом. Какая тут поможет философия?

Впечатление производят руки Мальцева. Сцепленные на столе, они притягивают к себе — сухие, жилистые, наработавшиеся, наверное, очень сильные. Позже впечатление подтверждается рукопожатием — крепким, энергическим, без намека на немощь. Руки выразительные. Скульптор — труд десятилетий — творил эти руки без обмана и фальши. Отчего и вышел «образ» эпическим. Руки крестьянина, которому почти сотня лет. Руки с большой буквы. Глядишь на эти Руки и веришь: с Работой они не лукавили...

А Терентий Семенович все заставляет читать давнее. Безошибочно находит в книгах нужные страницы. Впервые, кажется, опубликовался в 1934 году. И представляет нам былое собственными думами. Мы вместе погружаемся в статью «Философия земледелия», опубликованную в «Известиях» в 1961 году: «...в верхнем слое почвы идет весьма сложный диалектический процесс созидания-разрушения. Это своеобразная лаборатория, я бы сказал, кухня, где готовится и в то же время запасается для растений пища... Стало быть, чем больше в почве растительных остатков, тем лучше...»

Как это напоминает его утренний — живой, не книжный — монолог:

— Созидания без разрушения не бывает. И наоборот. Так в природе делалось, делается и будет делаться. В природе созидание преобладает над разрушением. А деятельность человека этот закон нарушает. Естественное плодородие почвы идет на убыль. И вину за это люди на себя должны взять. Не природа виновата — мы! Наука пытается подремонтировать почву, а надо научиться создавать ее заново. Земледелие — это что? Землю делать! А нас надо называть землепользователями — мы только используем землю. А пора бы земледелием заняться! Вопрос так в науке нигде не стоял — делать землю. А пора начинать. Песня эта с землей долгая, не складывается пока. Но начинать надо, искать, экспериментировать, опыты заложить. Во многих точках. Сами землю делать не можем — должны природе помочь! Учиться управлять созиданием и разрушением...

Эти суждения тиражированы, а за окошками его книжного дома — иные времена с живыми противоречиями, острыми проблемами. Рискую все-таки спросить:

— Терентий Семенович, что надо сделать, чтобы молодежь в деревне оставалась?

Хмурится. Раздражается. Взрывается.

— Вот и вопрос, что делать!.. В конце двадцатых годов была подписка на велосипеды. Я тоже помаленьку вносил — и вот он пришел мне, пензенский. В 1931 году. Ездить я не умел, но не падал, а все в ямки заезжал... Кто-то из города приехал, поглядел на меня да и говорит: ты под колесо смотришь, а ты вперед смотри! Яму-то и объедешь. Стал вперед смотреть — и ямы объезжаю. Дальновидность нужна. Не только для велосипедиста.

— А с арендой как, Терентий Семенович?

— Что ты меня об остром спрашиваешь, когда я тут в комнате своей с книгами сижу? Если аренда, то только бригадой... Сорок два года работаю депутатом. Народу у меня тысячи перебывало. Большинство с жалобами. Потребителя из человека сделали — ему бы на готовенькое на все... Грамоту дали, а к труду не приучили. В деревне учебный год начинать надо не с 1 сентября, а с 1 октября. И кончать 1 мая. Что май, что сентябрь — такие месяцы в деревне разве за партой крестьянину сидеть? Пусть ребятишки учатся в поле крестьянской грамоте... Стали пенсии крестьянам давать! Дело хорошее. Но думала ли когда раньше крестьянка, чтобы в пятьдесят пять лет не работать! Пенсию надо бы на три доли разделить. Первую дать женщине в пятьдесят пять лет. Вторую долю — в шестьдесят. А уж полную пенсию пусть получает после шестидесяти пяти...

— Колхозницы вряд ли вас поймут, Терентий Семенович.

— То-то, что не поймут! Жить стали лучше, работать хуже. Если бы прежний хозяин поглядел на нынешнюю жизнь, подивился бы. Хорошо, подумал бы, живут. Машины, дороги, электричество... Но и привычкам бы нынешним подивился. Никакая хозяйка хлеба не печет — в магазин все бегут. Мясо раньше ели в редких случаях; летом — картошка, овощи, суп ячменный, постов столько разных круглый год. Теперь без мяса редко кто живет. Раньше яички копят к пасхе, покрасят да подадут в праздничек, а теперь...

Пошел разговор по формуле «возрастной нормы»: раньше, дескать, и дождь мокрей, и солнце жарче... Но что мы знаем об этой норме, когда Мальцев у нас один такой на всю страну? Землепашец, родившийся за десять лет до первой русской революции. Целехоньким, хоть и через плен, вернувшийся с первой мировой; благополучно переживший коллективизацию и... озабоченный сегодня наиактуальнейшими экологическими проблемами? Кому и сравнивать, как не ему, родившемуся «при керосине и царе»? И называющему перестройку «интересным временем»? В коротких ворчливых репликах, подаваемых неохотно, «философия» Мальцева обнажает себя куда более впечатлительно, чем в выправленных текстах или многажды говоренных речах. Философия человека, для которого «земля» значит «жизнь», а «жизнь» есть не что иное, как «работа».

Двор его дома очищен от снега. Аккуратные поленницы дров. Летом, говорят, огород в таком порядке, что загляденье! И все сам — на десятом десятке, неподалеку от бюста, коего удостоился при жизни как дважды Герой Социалистического Труда.

По дому ходит босиком. На мороз без опаски выскакивает раздетым. Чай пьет крепкий, свежезаваренный. Подвижен, в настроениях переменчив, но неизменно под рукой книги. Они помогают ему, защищают его, говорят за него.

В один из заходов наших, когда разговор уж совсем никак не клеился — ни про прежнюю жизнь, ни про нынешние заботы, ни про завтрашние катастрофы,— он вдруг взаимную эту нашу маету прикончил стихами. Заставил читать вслух Ганса Сакса, да не что-нибудь, а «Девять вкусов в браке»! Именно те строчки, которые подчеркнуты им во всю длину строки:

Весьма соленый вкус, поверьте:
Спешит болезнь, предвестник смерти,
Чем больше трудятся врачи,
Тем дольше свой недуг влачи...
Как в мире стал он одинок,
Для всех чужой, от всех далек:
Ведь на земле нет ничего,
Что утешало бы его...

Погладил книжную страницу: «Вот так и я...» Глядел в окошко несколько долгих секунд, повернулся ко мне, точно вспомнил, что он должен поведать людям:

— Охота мне с ученым миром встретиться! Надо общими силами обсудить, как землетворением заниматься. Как заставить природу естественно создавать плодородие. Чтобы философы были, экономисты, биологи, химики, физики... Может, Марчук нас соберет?

За Марчука ответить не могла.

Он добавил для убедительности:

— Я-то самоучка. С тридцатых годов начал заниматься философией. Не с целью быть философом, а с целью к практике подходить философски. Надо ученым вместе со мной поразмышлять. Атомом поиграли — наигрались. Опасная штука. А то, о чем я говорю, вечно!..

Крестьянский дом с библиотекой в пять тысяч книг. Крестьянские руки с пожизненным «земельным» стажем. Крестьянская привязанность к полю — тому самому, на которое впервые вышел вместе с отцом. Когда это было?.. Песни свадебные и величальные, встречальные и провожальные — все песни жизни тут звучали, в деревне, которую, не поддавшись многим соблазнам, не променял Терентий Семенович ни на выгоду, ни на удобства городского проживания. Вечен труд, вечно поле, вечна пшеница. Вечны ли?

На прощание сказал:

— Главное, дать мне возможность показать... Небольшой бы клочок своей земли и людей добродушных, которые бы работали по моим советам. И в мои бы советы верили... Покажу им, как можем жить в наших условиях. Если мои советы будут добросовестно выполняться, будем намолачивать не меньше сорока центнеров с гектара...

Ссорится Мальцев последние годы с руководителями колхоза. Кажется ему, что они не так дела делают, а с его опытом не считаются. Хотя последний урожай и неплох — 17,5 центнера зерна с гектара против 11 центнеров в среднем по Курганской области, да могло быть лучше. Так и сами колхозники считают: маловато для нас, говорят. Но два последних года погода подсаживала — то шибко мокро, то шибко сухо. А Терентий Семенович о непогоде молчит. Он людей винит: не так с землей обращаются...

И взял крестьянин Мальцев бригаду. Тысячи две гектаров! Шесть полей, на которых и будет хозяйничать так, как считает нужным...

Вот и вся философия — иметь поле. Свое. И показать, на что способны земля и человек на ней. При сердечной привязанности и полном взаимопонимании!

Скоро заботы посевные. А там и урожайная страда подоспеет. Вечный круг крестьянского бытия... Здоровья Вам, Терентий Семенович!

Юрий ЧЕРНИЧЕНКО:

«НАКОРМИТЬ САМИХ СЕБЯ»

Я читал материалы Пленума и выступление на нем М. С. Горбачева, сравнивал их с октябрьским Пленумом 1987 года. Меня поразило, как за 1,5 года прояснилась оценка того, что мы называем сталинской коллективизацией. Прямо говорится о ее принудительном характере, о тяжелых последствиях, истоки которых берут начало в 29 — 31-м годах, о голоде!

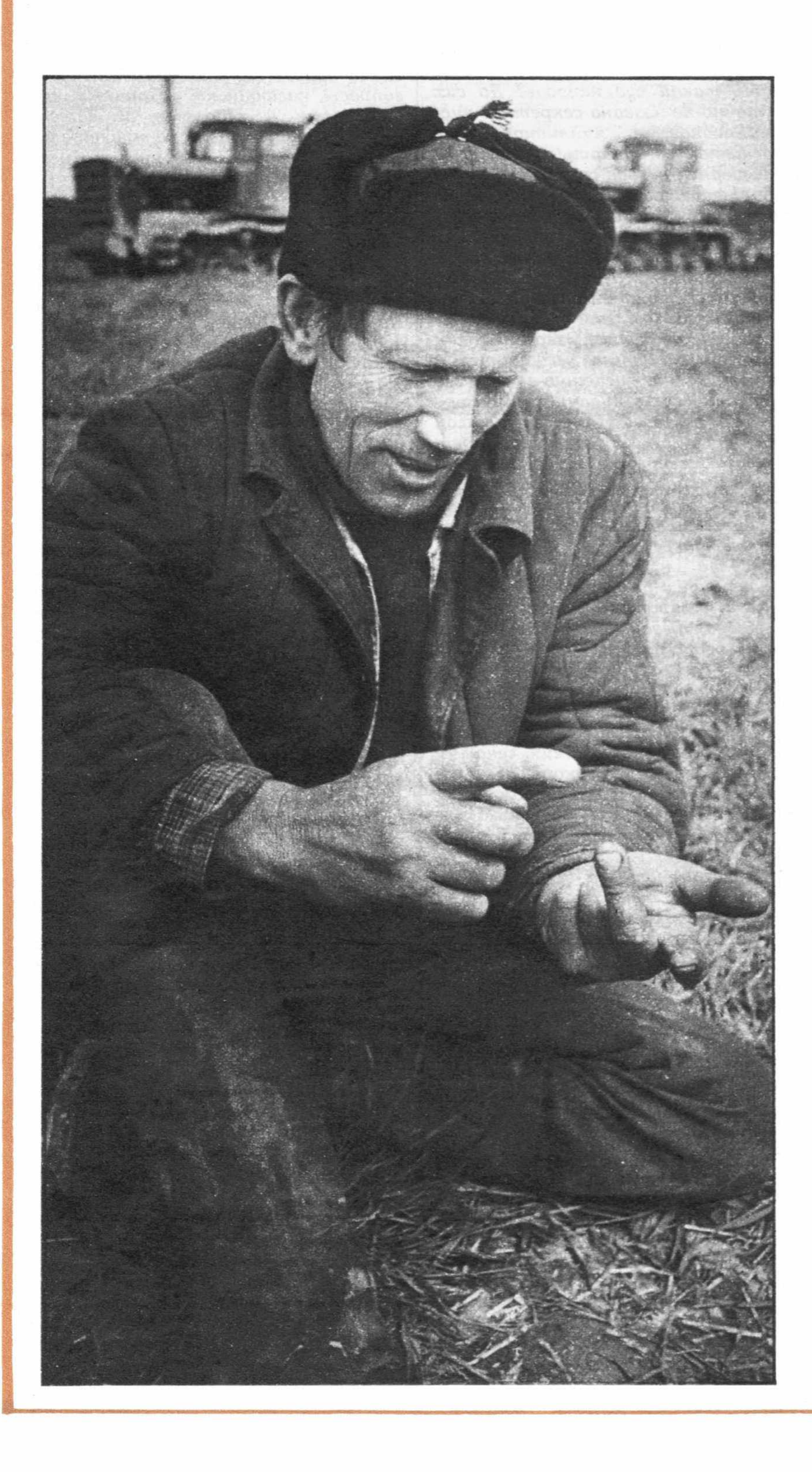
Я порадовался за нашу публицистику, которая была разведчиком новых идейных территорий. Она писала об этом немало лет назад! И сейчас очень часто происходит по-написанному. Наконец-то кошку назвали кошкой. Мы открыто признаем, что тракторов мы выпускаем больше, чем в США, и качество их возмутительно плохое; что Минводхоз привел к гибели миллионы гектаров земли. В. В. Карпова и меня в 1983 году очень крепко отругали, когда мы сказали об этом вслух. Тогда наше выступление было объявлено ошибочным.

На Пленуме впервые была произнесена формула «крестьянское хозяйство». Раньше мы обходились туманным определением «личное подсобное хозяйство», то есть усадьба и земля — это что-то второстепенное, а главное — служба в конторе или уборщицей в клубе. И еще меня увлекло в докладе М. С. Горбачева то, что впрямую были названы противники аренды.

По своему жизненному опыту я знаю, кто это. С одной стороны — это многие колхозные вожаки, наделенные наградами, властью и успокоившиеся в славе. С другой — привыкшие к гарантированной оплате равнодушные поденщики, имя которым — легион. Главное, что соединяет этих людей, — вопрос о власти и собственности. Человек-поденщик и человек абсолютной власти друг без друга не жильцы. Хорошо, что доклад утверждает роль хозяина на земле, закладывает фундамент долговечному, красивому крестьянскому дому для многих поколений.

Надо одного — скорых и ощутимых результатов. Страна, которая ежемесячно тратит миллиарды долларов на покупку съестного из-за границы, страна продовольственных карточек, именуемых «талонами», страна, которая так радовалась провозглашению Продовольственной программы, откладывать свою «сытость» на потом не может.

На Пленуме ЦК КПСС в октябре 1987 года М. С. Горбачев сказал: «Сейчас надо работать так, как мы в Чернобыле работали. Есть проблема — садись, решай. Не хватает дня — сиди ночью. Революция, она не бумагами и записками пишется, она не понимает тех, кто хочет все расписывать от сих до сих. Если у нас революция и мы ее возглавляем, то надо и действовать по-революционному, и трудиться так». В приложении к сельскому хозяйству эти слова более современны, чем к чему-либо.

АТАКА ПРОТИВ ГЛАСНОСТИ ●
НУЖЕН СУД НАРОДОВ ●
КАК СЧИТАЕТ ГОСКОМСТАТ? ●

■

Если вообще можно говорить о каких-то гарантах перестройки, то первым таким гарантом следует считать гласность. Сама по себе гласность не накормит, не напоит и дома не построит, но если прекратится гласность, то уж точно не будет нам ни еды, ни дома, ни перестройки,— ничего нам не будет, кроме всевластия ведомств да старого, знакомого, застойного болота.

Гласность — единственное пока РЕАЛЬНОЕ достижение перестройки. Страшно подумать, но стоит сейчас сменить редколлегии десятка журналов и газет, и мы моментально окажемся отброшены на десяток лет назад: словно и не было ничего, ни новой оттепели, ни надежд, ни забрезжившей было перспективы. Гласность надо беречь: у нас пока, кроме нее, ничего нет. И она торчит поперек глотки тайных и явных певцов застоя, словно кость, которую они не могут ни выплюнуть, ни проглотить. А как хотелось бы!

Январское «Положение о порядке допуска и пребывания представителей средств массовой информации в местах проведения мероприятий по обеспечению общественного порядка» — это очередная атака против гласности, слегка лишь прикрытая розовым туманом успокаивающих комментариев. От слов по поводу «распоясавшейся прессы» заинтересованные ведомства переходят к делу. Не нужно особенно напрягать фантазию, чтобы представить себе, как теперь будут развиваться события. Ведомства начнут делить журналистов на хороших и плохих (со своей, разумеется, ведомственной, точки зрения). «Хорошие» журналисты получат пропуска, плохие не получат, а если «хороший» позволит себе напечатать лишнее, его пропуска лишат на самом что ни на есть казенно-законном основании...

Впрочем, все это детали. Суть же дела состоит в том, что очередное ведомственное положение НЕ служит расширению гласности, НЕ помогает работе средств массовой информации, оно служит ведомствам, оно им удобно, оно помогает им дозировать информацию, а значит, набрасывает на гласность новую узду.

Поразительна позиция Союза журналистов! Он не просто позволил взнуздать себя ведомствам, он с готовностью помог им это сделать! Конечно, это не может быть позицией всего Союза, конечно, сотни и сотни настоящих журналистов, подлинных бойцов за перестройку, сознающих свой долг и понимающих опасность, поднимут свой голос против этой ведомственной акции. Мы присоединяемся к ним и зовем присоединиться всех, кому дорого свободное слово и дело подлинной перестройки нашего общества.

Аркадий СТРУГАЦКИЙ,
Борис СТРУГАЦКИЙ
Ленинград — Москва

■

Наше обращение вызвано глубоким возмущением действиями работников Кировоградского горисполкома, допустивших варварское разрушение склепа героя Отечественной войны 1812 года генерала Эмануэля Г. А., а также предположительно 12 могил советских солдат-освободителей.

О заслугах и самоотверженном служении России генерал-лейтенанта Г. А. Эмануэля, получившего это звание и золотую шпагу за взятие Парижа, организатора первой научной экспедиции на Эльбрус и почетного академика, подробно рассказывается во многих русских, советских и зарубежных изданиях.

Разве допустимо, чтобы память о герое-патриоте, командире Киевского драгунского полка, друге Багратиона, защищавшем Шевардинский редут и Багратионовы флеши, была так кощунственно порушена и стерта с украинской земли подобно беспрецедентному разрушению склепа Багратиона.

Парадоксально, что подобное совершено над памятью героя-патриота, командовавшего воинами Украины, а их же потомки, забыв об этом, совершили такой вандализм. Они должны были помнить, что в память славного патриота в годовщину этого сражения в 1912 году все лучшие сыны Украины и России приехали на могилу героя и торжественно отметили столетие Бородинского сражения.

Эмануэль приехал в Россию волонтером по зову сердца и достиг всего, как писал генерал Ермолов, благодаря исключительной личной храбрости, благородству и честному служению России. Он был награжден почти всеми высшими орденами, кавалер (один из нескольких десятков) офицерского Георгиевского креста трех степеней. Командуя всей Кавказской линией с 1825 по 1831 год, Эмануэль проводил там мудрую и дальновидную политику. В память о нем была отлита чугунная доска на Луганском заводе в 1929 году и установлена в Пятигорске, где также иваны, не помнящие родства, ее уничтожили.

Надеемся, что в наше время не будет допущено такое глумление и светлая память о патриотах двух Отечественных войн будет священна и неприкосновенна. Поэтому мы просим вас принять срочные меры для восстановления и увековечения святой памяти доблестных и честных защитников Отечества, на примере которых должны воспитываться наши современники и потомки. Помощь в восстановлении надгробий и могил готовы оказать общественность города Кировограда, его молодежный центр, все мужественные люди, а также потомки генерала, проживающие и в Венгрии.

С глубоким уважением и верой, что слова теперь у нас не расходятся с делом.

Участники Великой Отечественной войны:
В. КОРСУН,
генерал-майор авиации,
А. ЭММАНУЭЛЬ,
ветеран 2-й Московской, 129-й Орловской дивизии,
Е. СИМОНОВ,
член Советского бюро Международной федерации журналистов,
Р. ЛЮБАРСКИЙ,
педагог-организатор Кировоградского ГМЦ — ТОМ

■

Нашему обществу необходим гласный суд всех советских народов, больших и малых: русского и грузинского, литовского и калмыцкого, эстонского и крымско-татарского, чеченского и латышского, еврейского и немецкого, ингушского и белорусского, украинского и кабардинского, балкарского и армянского, азербайджанского и черкесского... Всех без исключения народов, против которых столько лет осуществлялся плановый геноцид, ставший «правовой» нормой. Против всех: рабочих и крестьян, интеллигентов и священнослужителей, отцов и детей, молодых и старых, жен и мужей, братьев и сестер... Независимо ни от чего. Воистину равенство всех перед «законом»!

Достаточно ли оснований, чтобы начать такой суд народов? До сих пор точно не названо секретное число миллионов, но... миллионов. Разве недостаточно? Начать! А далее — исследование в ходе самого судебного разбирательства. И только после этого должно назвать всех поименно: жертву и палача, обвиняемого и судью, оклеветанного и доносчика, зека и вертухая... Поименно назвать со всеми обстоятельствами. Потому что и в самом деле страна должна знать как своих «героев», так и каждого из сонма беззащитных, с кем эти «герои» успешно воевали во всеоружии своего кулачного права.

И это вовсе не бросит и малой тени на честного адвоката, совестливого следователя, доброго начальника тюрьмы, которые были, несмотря ни на что. Наперекор и вопреки всему были! Их и назвать в первую очередь.

Здесь-то и должны начаться, в угоду одной лишь правде, исследования неангажированных историков.

Правовая бездна десятилетий народной беды должна быть названа бездной — кромешной, ночной.

Только тогда — после такого признания — станет внятным смысл нравственного императива сегодняшних правовых исканий, генотип которых, бесспорно, укоренен в почти забытом Юстиниановом кодексе, возрожденном в правовых институтах постфеодальных обществ; институтах, все еще подозрительно именуемых буржуазными. Только тогда путь от революционного правопорядка к правовому государству выпрямится, прояснится. Только тогда можно будет с чистой совестью и в полной правоте сказать: революция продолжается...

Вадим РАБИНОВИЧ,
член Союза писателей СССР,
доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник Института философии АН СССР

■

Трагедия в детской больнице г. Элисты стала возможной благодаря нерешительности и «осторожности» Минздрава СССР в борьбе со СПИДом. До последнего времени наша страна выглядела оазисом спокойствия в охваченном тревогой мире.

Создается впечатление, что это министерство боялось не столько болезни, сколько правдивой и своевременной информации о ней! Как дорого обходится нам чиновничья боязнь «паники среди населения». Если опросить по примеру телерепортеров случайную группу прохожих на улице, лишь немногие окажутся знакомыми с вопросами борьбы со СПИДом.

В обстановке успокоительных заявлений, тщательно дозированной информации не только население, но и часть медицинских работников поверили, очевидно, в нереальность угрозы эпидемии, ослабили бдительность. А отсюда лишь шаг к преступной халатности...

Думаю, что бюрократическая машина сейчас закончит период «раскачки» и начнет действовать оперативно. Но этого недостаточно. Проблема борьбы со СПИДом включает вопросы, касающиеся различных министерств и ведомств, и может быть решена только на правительственном уровне. Так, нужны чрезвычайные меры для увеличения выпуска медицинского оборудования и препаратов по диагностике СПИДа, а также одноразовых шприцев и игл (для чего можно, наверное, использовать некоторые предприятия оборонной промышленности). Но, поскольку времени в запасе уже нет, нужно выделить валюту для закупки всего необходимого за рубежом, в количестве, достаточном для удовлетворения наших потребностей до момента, когда с этой задачей справится отечественная промышленность.

В связи с дефицитом валюты следует, если нет другого выхода, пойти на пересмотр номенклатуры наших зарубежных закупок — вопрос борьбы с эпидемией СПИДа слишком важен, ведь здесь речь идет не об удовлетворении потребностей человека, а о самом его существовании.

А в качестве экстренной меры (не требующей расхода валюты и вообще каких-либо средств) необходимо, чтобы Министерство здравоохранения СССР выполнило рекомендацию академика АМН СССР В. И. Покровского разрешить лицам, получающим инъекции, иметь собственные шприцы и ходить с ними в поликлинику (думаю, что такое разрешение надо дать и тем, у кого берется венозная кровь для анализа).

Для уменьшения вероятности заражения СПИДом при переливании крови необходимо в кратчайший срок наладить промышленное производство так называемой «голубой крови» — заменителя, который может применяться в ряде случаев вместо донорской крови любой группы и свободен от вирусов.

В. НЕСТЕРОВИЧ,
участник Великой Отечественной войны, ветеран труда
Мариуполь

■

Статья «В осаде», опубликованная в № 5 «Огонька», многим, надеюсь, прояснит кое-что насчет сверхвысоких порой кооперативных

цен. Почему государственная столовая вправе тоннами переводить приличные продукты в «комплексные обеды», после которых никакой гастроэнтеролог не поможет, а кооператив вынужден покупать их втридорога и зачем после этого удивляться обеду, который стоит соответственно при куда как более приличном качестве?

Кстати, еще не поздно додуматься до очень простой вещи. Коли разрешили кооперацию и ИТД, стоило бы довести эксперимент до конца; полностью отменить для них все эти инструкции двадцатых, тридцатых и более поздних годов и разработать новые, предельно сжатые, конкретные и емкие, которые в случае их успеха смогли бы стать базой для всей страны. Мне кажется, что это лучше и проще, чем отменять отдельные циркуляры, да ведь и те сдаются только тогда, когда последнему чиновнику из министерства становится очевидной их абсурдность. Раз уж строим новый дом, давайте не будем тащить в него старый хлам, тем паче что есть прекрасная возможность попробовать жить без него.

Ну, и раз уж высказывать мнение, позволю себе еще одно конструктивное предложение. Мне кажется, что вопросы сдачи помещений в аренду кооперативам должен решать не инженер исполкома по нежилым помещениям, а РЭУ, причем при обязательном участии жильцов соседних домов. Можно объявить аукцион: есть подвал, кто хочет? И получит его не тот, кто сунет самую толстую пачку в карман исполкомовским взяточникам, а тот, кто возьмет на себя обязательство за счет фирмы озеленить двор, сделать детскую площадку и организовать помощь инвалидам (это не фантазия, большинство кооператоров за помещение охотно готовы финансировать социальные программы, прецеденты уже есть, и «Огонек» о них писал).

В кооперативном деле хватает, конечно, и негатива, но стоит ли слишком сердиться на ребенка, если он залез в лужу, тем более что ребенку всего-то два годика?

В. ЩУКИН,
28 лет, свободный кооператор
Москва

■

Не знаю, как читатели, а я, один из авторов сборника «День поэзии 1988», ждал этого выпуска с нетерпением. В нем должно было появиться мое стихотворение, которое в недавние времена напечатано быть не могло.

Раскрываю сборник и не верю своим глазам. Стихотворение изуродовано, сокращено почти наполовину. Эта насильственная ампутация выставляет автора эдаким отчаянным мизантропом.

Я вспомнил, что, отбирая стихи, составитель «Дня поэзии» А. Бобров наложил на полях этого стихотворения характерную резолюцию: «Хорошо! Но Моисея-то зачем сюда приплел?» Ему показалось непонятным да и ненужным упоминание о ветхозаветном пророке. «Пока, как Моисеевы скрижали, не соберет нас подлинный словарь». Составитель, видимо, не знает, что на «Моисеевых скрижалях» были начертаны десять заповедей, которые легли в основу христианской морали.

Основная мысль стихов примерно такая: мы, русские, говорящие как будто бы на одном языке, часто не понимаем друг друга. Непонимание, разобщение достигли крайнего предела. Спасти положение могут только нравственные устои, закон, понятный на всех языках, то есть в стихотворении есть альтернативная позиция автора, далекая от человеконенавистнической.

Именно альтернатива озадачила составителя, и он ее отрубил. Самое печальное в этой экзекуции то, что она может быть совершена из благих намерений. Вероятно, А. Бобров, сам пишущий стихи, считает свой вкус непогрешимым, а личное вмешательство в чужой текст — благодеянием. Неужели бескорыстие остановило его своевременно поставить меня об этом в известность? Вот и гадаешь теперь, чего больше в его поступке: альтруизма, предубеждения или обыкновенного невежества?..

Случай, впрочем, нередкий. Произвол редактора велик и безнаказан, особенно если редактор имеет дело с малоизвестным автором. Их сотрудничество превращается в противоборство, а исход схватки предрешен. Не раз мне приходилось ее проигрывать в прошлые времена... Цензуры вроде бы не стало. Неужели сегодня предприимчивый редактор (в данном случае — составитель) тайно и беспардонно берет ее бразды правления в свои руки?

Полистав сборник, я все-таки нашел недостающую часть своего стихотворения. Принципиально «отредактированная», она оказалась в подборке Олега Алексеева на с. 12. Вот уж действительно «не знаешь, где найдешь, а где потеряешь...».

Александр ЗОРИН,
поэт, член СП СССР

■

Вот уже четвертый год сотрудники сектора социальных проблем молодежи Института социологии АН СССР занимаются изучением материального положения молодежи, тщетно пытаясь использовать данные Госкомстата СССР для выявления объективной картины уровня жизни этой группы населения в нашей стране. До эпохи гласности решить такую задачу было совершенно невозможно. Но вот теперь, когда цифры растут в прессе как грибы после дождя и создается видимость полной гласности, мы решили не отстать от времени и докопаться до истины. Не тут-то было!

Чтобы нас не упрекали в голословности, приведем пример. В газете «Известия» от 16 января было опубликовано интервью зампреда Госкомстата СССР В. И. Гурьева, в котором он поведал, что «еще более 6 млн. человек получают менее 80 рублей в месяц». Спустя двенадцать дней (28 января) в газете «Аргументы и факты» на размышление читателям со ссылкой на то же ведомство представлена «несколько» отличная информация: «в 1988 г. у 3 млн. человек средний заработок составлял до 80 руб. в месяц». Где же правда? Мы уже не спрашиваем, какую долю среди этих людей составляет молодежь. Данные в разрезе по социально-демографическим группам пока еще за семью печатями. Но даже если брать всех скопом, то сколько же все-таки у нас малообеспеченных — три миллиона или шесть? Или для нашего многонаселенного государства разница в три миллиона малоимущих такая безделица, на которую и внимания-то обращать не стоит?

Можно было бы как-то еще смириться с неразберихой в цифрах, если бы дело касалось неправильности математических операций. Но здесь напрашивается еще один вопрос: не в том ли отчасти причина трагически тяжелого положения трех (а может быть, шести?) миллионов человек, что работники Госкомстата СССР просто «съедают» их заработок. Ежегодно они проводят бюджетные обследования 62 тысяч семей, а раз в пять лет — 310 тысяч семей, что стоит государству, в том числе и тем самым малоимущим, огромных денежных затрат! Но каков смысл этих затрат, если о результатах проводимых обследований мы ничего не знаем, а если что-то и проскакивает на полосу, то с разницей в плюс-минус три миллиона?

М. МАЛЫШЕВА,
кандидат философских наук,
В. СЕМЕНОВА,
кандидат философских наук

■

Государство в неоплатном долгу перед невинно репрессированными и их семьями. До сих пор невозможно ознакомиться с теми нормативными актами, в которых определялась государством мизерная материальная помощь и другие виды компенсации. Я лично с этим столкнулась. Неужели в справке о реабилитации (этом абсолютно бесчеловечном документе, о котором тоже надо хлопотать) нельзя было хотя бы указать, что реабилитированным или их родственникам полагается двухмесячная зарплата (во столько оценена человеческая жизнь) и как и где об этом можно узнать. Необходимо опубликовать это как можно скорее, чтобы оставшиеся в живых могли воспользоваться хотя бы этой малостью.

Восстановление справедливости по отношению к жертвам беззакония должно быть не только политическим и нравственным, но и материальным, и надо, чтобы за это не каждый лично хлопотал, потому что часто он уже не имеет здоровья, сил, знаний. Само государство обязано найти каждого, как оно находило в прежние времена, даже если ты ехал в поезде или путешествовал в горах. Полностью поддерживаю мнение вашей корреспондентки Н. Г. Пойгиной («Огонек» № 45, 1988) о том, что условия жизни оставшихся в живых жертв необоснованных репрессий должны быть по меньшей мере не хуже, чем у их палачей, и эти жертвы должны быть приравнены в правах к инвалидам и ветеранам Великой Отечественной войны.

Надеюсь на публикацию моего письма ради оставшихся в живых.

Э. ТИТОВА
Ленинград

■

Наши учителя любят повторять, что нам, молодежи, принадлежит будущее. Мне глубоко симпатично такое будущее, о каком говорят на переговорах руководители нашего государства, верой в которое полны люди, участвующие в телемостах и международных встречах.

Но ведь в школе нас готовят не к такому будущему.

Учительница литературы говорит нам, что нам лучше не читать журналы «Огонек», «Новый мир», «Знамя», острые письма в вашем журнале и, как истинный педагог, подает пример: не читает их сама. До всего довела, по ее мнению, «гнилая интеллигенция» (себя, как это можно понять, она к интеллигенции не относит). На уроках истории нам до сих пор вбивают в головы, что наша страна впереди, а загнивающий капитализм в постоянном и углубляющемся кризисе.

Начиная с 4-го класса самым важным и ответственным мероприятием становился смотр строя и песни. А с 9-го отставные полковники на военной подготовке запугивают коварными врагами, учат, куда лучше лечь головой, если рядом ядерный взрыв. В учебниках красуются портреты Брежнева, Устинова, как я понимаю, тех людей, которые непосредственно принимали решение по Афганистану. И, наконец, какие чудеса (я не шучу) может творить атомная бомба!

Нас учат тупо повторять устаревшие оценки действительности, словно мы живем не в годы нового мышления, а в разгар Карибского кризиса, учат слепо повиноваться чужой воле.

Я сочиняю и пою антивоенные песни. На недавнем концерте в школе вместе со мной их пели все ребята в зале. Учителями это было расценено как песни без согласования.

Почему-то считается, что военная подготовка делает из нас настоящих мужчин, а мне кажется, что основное направление ее — воспитать культ силы и желание подчиняться, не размышляя.

Человек должен быть смелым, ловким и сильным, а также иметь независимое, гордое мышление и использовать эти качества на благо народу и обществу.

Андрей ГУБИН
Москва

ПОСЛЕ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Согласно принятому директивными органами решению, оплата перевозки пассажиров, багажа и грузов при ликвидации последствий землетрясения в Армении предусмотрена за счет организаций.

В то же время на место землетрясения по собственной инициативе следовали отдельные группы и специалисты с оплатой за перевозку за счет собственных средств или общественных фондов.

Учитывая экстремальность ситуации, Министерство гражданской авиации и авиапредприятия в ряде случаев принимали решения на оформление бесплатной перевозки отдельных групп, специалистов и их багажа.

Министерство при получении квитанции платного багажа или авиабилета, а также адреса заявителей готово вернуть стоимость оплаты за сверхнормативный багаж группы спасателей, письмо которых было опубликовано под рубрикой «Слово читателя» в четвертом номере журнала «Огонек».

В. М. ФУРСОВ,
заместитель начальника
Главного управления
авиационных работ и перевозок

Наш адрес: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

СТРАТЕГИЯ ОБНОВЛЕНИЯ

С ДИРЕКТОРОМ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ АКАДЕМИИ НАУК СССР АКАДЕМИКОМ ЛЕОНИДОМ ИВАНОВИЧЕМ АБАЛКИНЫМ БЕСЕДУЕТ СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА» ЛЕОНИД ПЛЕШАКОВ

— В последнее время наши средства массовой информации стали более открыто обсуждать проблемы нелегкого положения народного хозяйства страны, анализировать острые вопросы, накопившиеся в предшествующие десятилетия, пытаются предсказать перспективы.

Региональный хозрасчет, самофинансирование, самоокупаемость, арендный подряд, договорные цены и так далее — все это постоянные темы наших газет, журналов, радио, телевидения... как совсем недавно говорилось о бригадном подряде, об экономических преобразованиях 1979 года, новых формах учета экономической деятельности предприятий, об НЧП, первой и второй моделях хозрасчета... А еще раньше — об эффективности хозяйственной реформы 1965 года. А до этого о замечательной новинке — совнархозах... И еще о многом-многом другом, если заглянуть в глубь истории нашей страны — этому перечню конца и края нет.

Смотреть со стороны — мы все время находимся в состоянии перманентного, непрерывного эксперимента, постоянной неугасимой надежды изобрести нечто такое, что сразу даст невообразимый эффект, решит все наши проблемы. И когда, спустя короткое время, мы вдруг убеждаемся, что очередная наша затея не дала ожидаемого результата, мы бросаем ее, не доведя до логического конца, и с не меньшей энергией пускаемся в очередные новации, с не меньшей страстью начинаем доказывать, что они-то уж наверняка принесут удачу.

Вот и сейчас, когда в нашу жизнь как гром среди ясного неба — спасибо гласности — вдруг ворвались такие непривычные явления, как инфляция, огромная несбалансированность рынка, дефицит государственного бюджета, мы вновь кинулись искать и внедрять очередные реформы, которые способны единым махом спасти наше хозяйство от неожиданных напастей.

Не знаю, согласитесь вы со мной или нет, но мне кажется, что большинство наших рассуждений о преимуществах того или иного новшества у нас обычно касаются лишь частностей, не затрагивая главного — рынка, то есть сферы товарного обмена, и основных элементов этого механизма: ЦЕНЫ, СПРОСА, ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Не решив этих вопросов, мне кажется, нельзя переходить к тому же региональному хозрасчету, арендному подряду и так далее. Как вы считаете, правомочен такой вывод?

— Я согласен, что перечисленные вами вопросы — региональный хозрасчет, самофинансирование, самоокупаемость, арендный подряд и прочее — все это частные вопросы, за которыми стоит нечто более общее, фундаментальное. Но этим общим и фундаментальным я считаю все-таки не рынок...

— А что?

— Таким более общим и основополагающим, на мой взгляд, является то, что можно определить как реальные отношения собственности. Именно здесь кроется необходимость самых радикальных обновлений, которые нужны нам сегодня.

Мы часто употребляем выражение «ничейная собственность», понимая под ней чужую, казенную, «нашу». Когда-то я очень любил эту формулировку, часто ее употребял, она казалась мне красивой, своего рода обнажающей образ, четко передающей состояние деформации. Но однажды коллеги сказали мне: «Леонид Иванович, а не кажется ли вам, что собственность «ничейной» не бывает? И если она не принадлежит или ею реально не распоряжаются трудящиеся, трудовые коллективы, региональные ассоциации граждан, класс или народ в целом, то задумайтесь, чья она. «Ничья» — это легко сказать. Но если не ничья, то чья?»

И если действительно додумать эти вопросы, то размышления приводят к тому, что хозяином собственности является тот, кто ею реально, а не формально распоряжается, кто принимает о ней решения, кто отправляет функцию хозяина этой самой собственности. И вывод напрашивается: такой собственник — административный аппарат. Именно на этом основана и деформация политической системы, когда исполнительный орган, исполком, подминает под себя саму государственную власть — Советы.

Поэтому если говорить о реформе политической системы в нашей стране, то она не должна ограничиться только процедурой выборов. Для глубокого преобразования в политической системе мало выбрать одного депутата из нескольких кандидатов. Главное: какие функции будут отправлять избранные депутаты. Будут ли они обладать истинной властью, правом принимать решения об использовании капитальных вложений, финансовых ресурсов, материальных средств. Иными словами, под реальную демократизацию в политической сфере должен быть подведен прочный фундамент экономической независимости или, еще точнее, экономической защищенности.

— Защищенность в каком смысле?

— В том, что если, предположим, предприятию, арендному коллективу или региону установили налоги (допустим, двадцать или тридцать, не важно, сколько процентов прибыли), то известно точно: все остальное — его. И никто с ним больше ничего сделать не может, дальше он начинает сам крутиться.

И лишь на этой стадии, как следующая ступенька, возникает проблема рынка. Но тоже не только в качестве чисто экономического фактора (соревнование, борьба за спрос населения, за лучшее его удовлетворение, за более высокий доход), но и как необходимое звено в демократической организации всей экономической и политической жизни.

Рынок в реальном содержании дает экономическую свободу. Чем он отличается от «нерынка». Вроде и там и там — купля-продажа. Но рынок — это непосредственная связь между покупателем и продавцом, связь без по-

средника-распределителя. Если же в отношения между ними включается некто и говорит: вам это положено и столько-то, а вот ваша доля — такая-то, это означает, что рынка больше нет. И не важно, в какой форме выглядит это распределение: в виде карточки, фондов, лимитов на ресурсы — все равно. Распределение, даже если расчеты ведутся деньгами или товарами, — это связь нерыночная, хотя и принимающая облик товарно-денежных отношений.

— Но посредником может выступать оптовая торговля...

— Конечно. Но как равноправный партнер, оказывающий услуги и имеющий свою выгоду. Эта связь естественна. Допустим, хлебозавод не сам продает вам хлеб, а ваша связь с ним опосредована магазином, но магазин выступает не как организация, отоваривающая карточку, а как торговый посредник.

Таким образом, рынок обеспечивает свободу выбора. Я могу купить, могу не купить, могу купить здесь, могу там. Могу купить этот товар, могу — тот. Могу купить у этого поставщика, могу — у другого. И приобрету, естественно, то, что мне нужно, что более выгодно. Значит, рынок — это тот механизм, который обеспечивает движение, реализацию более глубинных отношений — отношений собственности.

Нередко в чисто методических целях я разыгрывал со своими студентами такой вопрос: есть известная классическая формула о необходимости при социализме полного благосостояния и всестороннего свободного развития человека. Спрашиваю: зачем нужно слово «свободного»? Ведь полное благосостояние и всестороннее развитие мы обеспечиваем — чего еще нужно-то? Почему и Маркс, и Ленин всегда добавляли «свободного»? Казалось бы, вас кормят досыта, хорошо одевают, обеспечивают всестороннее развитие: с семи до девяти — физкультурные занятия, с девяти до одиннадцати — образование. С одиннадцати до трех — производительный труд, после него — занятия художественной самодеятельностью, спортом...

— Получается фаланстер Шарля Фурье, четвертый сон Веры Павловны...

— Да, фаланстер, но все есть. Накормлен досыта, хорошо одет, жилье имеешь и телевизор в комнате, и видеосистема, всестороннее развитие обеспечено: физический труд сочетается с занятиями самодеятельным искусством, повышением образования, посещением музеев по графику: на этой неделе — изобразительного искусства, завтра — народного творчества... Все по распорядку...

— И довезут на автобусе группой, с перекличкой...

— Да! Все есть!.. А вот свободы — непременного компонента социализма — нет. Именно поэтому самый лучший фаланстер — принуждение личности. И как показали анализ истории, осмысление опыта, не только нашего, но даже, пожалуй, общечеловеческого — это мы возвращаемся к нашей экономической теме — именно рынок и система товарно-денежных отношений являются необходимым компонентом, гарантирующим свободу выбора, прямую связь покупателя и продавца, возникающую на этой основе соревновательность, состязательность между производителями товара за потребительский рубль. И вы уговариваете меня, чтобы я купил ваш товар, а не чей-то другой.

Поэтому рынок всегда предполагает насыщенность товарами. Если нет сбалансированности между спросом и предложением, сразу же вводятся ограничители: карточки, фонды, продажи по заказам коллективов, выездная торговля...

— Закрытые магазины, ателье, столовые...

— И все прочее. Я говорю даже не о каком-то элитарном снабжении, которым пользуется, мол, только начальство. Я о простой, и даже вроде бы понятной и оправданной, в нашем представлении, форме распродаж: талонах на дефицитные товары для отличников производства, организации выездных ярмарок в передовых коллективах. Это делается не обязательно для начальства — для всех, для рядовых работников предприятия или учреждения. Так что тут дело не в начальстве, а в системе, структуре отношений. Это не рыночные отношения, не рыночная связь. Она опосредована через распределитель: этому он выделил лимиты, а другим не дал...

— И тем самым как бы обрел власть над ними...

— Естественно... Рынок всегда, возвращаюсь к своей мысли, должен функционировать с запасом. Не важно, чего это касается. Допустим, хлеба в магазинах должно быть больше, чем его сегодня съедят. Это необходимо для того, чтобы покупатель мог свободно выбирать. Количество мест в кинозалах должно быть больше, чем количество реально желающих посмотреть фильм. Когда утверждается хозрасчет кинотеатра, надо сделать его с учетом заполняемости зала, скажем, на 70 процентов, а не на все сто. Если же администрация сумела организовать какую-то культурную программу, предложить хороший репертуар, установила для комфортности зрителей кондишен в зале и фойе и тем самым добилась притока зрителей сверх расчетных семидесяти процентов, то дополнительная выручка должна повысить заработки служащих кинотеатра. Но, опять-таки, мы должны помнить, что на сто тысяч потенциальных зрителей, которые могут пойти в кино, надо иметь 120 тысяч мест в кинотеатрах. Без избытка предложения не может быть свободы выбора, теряется момент состязательности, являющейся непременным элементом рынка. Соревнование за рубль потребителя заставляет производителя товара или услуги повышать качество, расширять ассортимент, изыскивать какие-то дополнительные меры, чтобы обойти партнеров — и все это становится двигателем прогресса и эффективности.

— Значит, все-таки рынок...

— Да, рынок. Но я хочу объяснить, почему выхожу на него не прямо. Даже здесь, в бесспорной ситуации признать его приоритет надо всем, меня сдерживает то неуемное желание некоторых людей найти одно простое решение, которое может спасти все сразу. Этакая палочка-выручалочка. Мы — неисправимые тактики. В нас это качество сидит неистребимо, просто на генетическом уровне. Я называю это «кукурузным мышлением». Помните, когда-то мы «открыли» кукурузу, решили: начнем ее сеять, будет много кормов; будут корма — будет мясо, молоко, все проблемы снабжения отпадут сами собой. И что же? Начали сеять кукурузу от Краснодара до Мурманска — результаты известны. Теперь смеемся над той эпопеей. Но когда сегодня говорим, что всех крестьян страны — от Эстонии до Владивостока, от Узбекистана до Архангельска — надо перевести на семейную аренду, и уверены, что это революционное мероприятие решит сразу все наши проблемы, это есть не что иное, как поиск все той же палочки-выручалочки, тот же самый тип «кукурузного мышления». Конечно, аренда — прекрасная вещь. Она воспитывает хозяйское отношение, дает быстрый и значительный результат и в сельском хозяйстве, и в промышленности. Но...

Но, во-первых, формы организации хозяйства могут и должны быть разными, оставлять свободу выбора. И во-вторых, для своего успеха нам нужно иметь совершенно иную, чем сейчас дорожную сеть. А это не вопрос арендных коллективов, не они должны решать эту проблему. Нам нужно заменить, полностью обновить породы скота. Потому что коровы, которых имеем, нередко только переводят корм и по семь тысяч литров молока в год не будут давать ни при каких условиях. Нам нужны совершенно новые породы скота. Совершенно другие, более урожайные сельскохозяйственные культуры. Нужна очень крупная система семеноводства, селекции, система внедрения земледельческой культуры. Все это не решается арендой, как, собственно, не решается и чисто рыночными методами. Поэтому, когда мы говорим о рынке, я — за рынок, за его всемерное развитие. Но не в виде какой-то автономной системы или панацеи на все случаи жизни. Он должен быть лишь встроенным элементом сложной, более обширной системы.

Недавно я вернулся из Люксембурга, где вместе с крупнейшими западными советологами мне довелось обсуждать ход перестройки в нашей стране. На этот, по западным меркам, очень крупный форум специалистов в области экономики и общественных отношений собрались ученые, которые довольно хорошо и глубоко знают наши проблемы: Бергс, Алек Ноу, Хьюет, Хаф, Голдмен — имена всемирно известные. Был там и американский экономист Джон Кеннет Гэлбрейт, избранный в канун 1989 года почетным членом АН СССР. Примерно 25 лет назад он написал книгу «Новое индустриальное общество», в которой довольно убедительно доказал, что рынок — это только один из секторов современной западной экономики, что иные представления по этому поводу — не более чем иллюзии. Действительно, на внутренний оборот крупнейших транснациональных корпораций ныне приходится более половины мировой торговли...

— То есть в экономическом плане они как бы являются государством над государствами?

— Примерно. И отношения между участниками этих корпораций — это уже не чисто рыночная модель отношений, потому что все они достаточно жестко завязаны в своей деятельности технологическими процессами, кооперационными поставками, стандартами и так далее. Так что сегодня представлять себе рыночную модель в классическом ее виде неверно, а в виде всеобщей спасительницы — просто наивно.

Любопытно, что участвовавший в этой встрече другой крупнейший советолог Хьюет, анализируя в своем выступлении нашу перестройку, особо отметил одно обстоятельство. Он сказал, что мы, совершенно справедливо критикуя централизм (который нам здорово навредил) можем отказаться — такая опасность, как он считает, есть — от планирования даже в тех сферах, где оно объективно необходимо. Правда, я его успокоил: такая опасность нам не грозит.

Но тут интересна не сама дискуссия, а ход их мысли, их мнение, что с помощью рынка решить можно далеко не все. Между прочим, во всем мире, в Японии, например, имеются колоссальные национальные программы, которые в плановом порядке позволяют решать многие общегосударственные проблемы.

Так что, возвращаясь к нашей теме, я вижу в рынке явление совершенно обязательное и необходимое. Но когда мы говорим о переходе к рыночной модели экономики, это в большей степени все-таки собирательный образ, характеризующий господствующий тип экономических связей. Кстати, и аренда в наших условиях — это тоже собирательный образ, ибо классическая аренда у нас почти невозможна.

— Почему?

— Поясню на примере. Допустим, коллектив взял в аренду промышленное предприятие на двадцать лет. Заключил арендный договор. Платит арендную плату, самостоятельно ведет хозяйство, что-то производит и продает. Полный порядок. Через двадцать лет истекает срок арендного договора. Все, что взяли в аренду, — станки, машины, оборудование — надо вернуть в надлежащем виде арендодателю. Но по прошествии двадцати лет все основные фонды развалены, разрушены. Позвольте, скажет арендодатель, вы должны покрыть нанесенный мне ущерб.

А кто покроет? За двадцать лет четыре раза переизбирали директора. При текучести кадров в десять процентов дважды обновился коллектив. Как он может отвечать? Капиталистический арендатор отвечает за взятое предприятие всем своим капиталом. Если он не выполнил свои обязательства, описывают его личное имущество, продают с молотка, а самого сажают в долговую яму. Вот классическая аренда. Кому у нас предъявить претензии? Чье имущество описывать для возмещения убытков?

Поэтому аренда — это во многом образ, который характеризует действительно прогрессивную модель самостоятельности, предприимчивости. Можно назвать это третьей моделью хозрасчета. По сравнению с первой и второй моделями это более или менее настоящий хозрасчет, достаточно свободный, снимающий многие барьеры, дающий право самостоятельно перераспределять прибыль, доходы, строить отношения с органами управления на договорной основе.

Как видите, мы снова вернулись к вопросу, с которого начали разговор: об отношениях собственности. Я убежден, что до тех пор, пока нынешняя реформа или любая будущая не обновит отношения собственности, до тех пор она остается обратимой. Чтобы реформа стала необратимой и действительно радикальной, она должна поменять не какие-то внешние детали — заменить, допустим, товарную продукцию на реализованную, одно министерство — другим, она должна реально обновить отношения собственности. Проблема нашего сельского хозяйства — это не проблема капитальных вложений, создания АПК или других организационных структур. Это проблема базисных экономических отношений. Изменения могут быть радикальными только тогда, когда они касаются базиса. Надежда на то, что мы все-таки придем к этому, пока не утрачена. Во всяком случае, сегодня ситуация позволяет надеяться, что мы начинаем это осознавать.

— У вас есть уверенность, что не появится снова такой или такие, кто захочет необратимое сделать обратимым? Новый вариант «великого перелома»...

— Все может быть в истории. Никто ни от чего не застрахован. Но если базисные изменения будут жестко завязаны на новую политическую систему, можно ждать положительных результатов. К тому же мы сейчас стали другими. Что отличает нас от наших предшественников из того времени? Прежде всего уроки исторической памяти, которых они не имели. Теперь мы знаем, к чему это может привести. Правда, мы мало чему учимся у истории — это другое дело. Но мы хотя бы признаем: прошлые уроки идут нам на пользу.

Как видите, не совсем все пропадает в исторической памяти народа.

Или взять общекультурный и даже образовательный уровень населения тогда, когда половина населения страны была неграмотной, и сегодня — это тоже разные вещи. Все другое: поколение людей, представления, взгляды. Мы смотрим шире, видим больше, имеем возможность сравнивать.

В Люксембурге во время моей часовой телебеседы с Гэлбрейтом — она транслировалась без монтажа на 40 миллионов зрителей — первый его вопрос был: «У вас в стране идет процесс перестройки, чем мы можем вам помочь?»

Я ответил: «Вы нам уже помогаете. И очень хорошо помогаете».

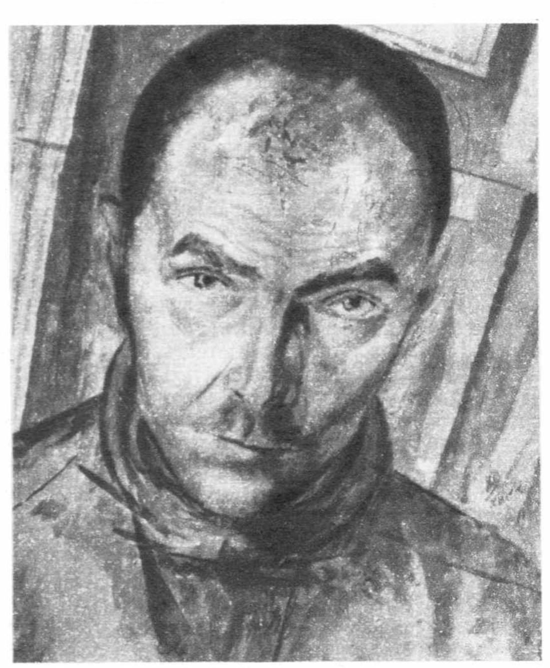
Тогда он мне: «Как? Чем?»

Я ему: «Тем, что вы существуете. Тем, что мы видим реально, что можно

Продолжение на стр. 18.

КУЗЬМА СЕРГЕЕВИЧ ПЕТРОВ-ВОДКИН

Русская философия, поэзия, искусство начала двадцатого века часто мыслили вселенскими, даже космическими масштабами. Николай Федоров в своей знаменитой «Философии общего дела» мечтает о «расширении регуляции на солнечную и другие звездные системы для их воссоздания и управления разумом». Велимир Хлебников (который, как известно, и именовал-то себя «Председателем Земного Шара») буквально пронизывает самую ткань своих стихотворений вселенскими образами («Прибои моря — простыня, а звезд ряды — ночное одеяло»; «Язык любви над миром носится, и Песня песней в небо просится» и т. д.). Владимир Маяковский даже вступал в прямые собеседования с мировыми стихиями, наделяя их человеческими обликами: «Эй, вы, Небо! Снимите шляпу! Глухо. Вселенная спит, положив на лапу с клещами звезд огромное ухо»...

А художники зримо воплощали эту всеохватность, вселенский размах фантазии. Уже врубелевский Демон изображается как бы посреди звездных пространств. Герои Марка Шагала, преодолевая закон тяготения, обретают счастье в свободном полете над Землей. В произведениях В. Кандинского, К. Малевича, В. Татлина создаются новые модели мира.

Кузьма Сергеевич Петров-Водкин — в том же ряду мастеров русской культуры нынешнего столетия. Он вспоминает в своей известной книге «Пространство Эвклида» (которая по праву считается значительным явлением литературы), что еще в детстве «увидел землю как планету... я очутился как бы в чаше, накрытой трехчетвертьшарием небесного свода. Неожиданная, совершенно новая сферичность обняла меня на затоновском холме».

Такое острое самосознание в мире впоследствии стало ведущей художественной концепцией «планетарности», как говорил сам живописец о своем видении мира. Петров-Водкин сложился как символист и все свое ощущение и переживание жизни, современных событий, предметного окружения чаще всего выражал при помощи тонких и сложных поэтических метафор, получающих «планетарную», «сферическую» всеобщность. К зрителям его полотен приходило чувство преобразующегося, ищущего новые гармонии мира, которое так характерно для духовной жизни России в первые тридцать лет нынешнего века.

К. С. Петров-Водкин не сразу нашел свою неповторимую поэтику. В конце 1890-х — начале 1900-х годов он получил великолепную школу мастерства в Московском Училище живописи, ваяния и зодчества, где его основными наставниками были В. А. Серов и К. А. Коровин, а ближайшими товарищами по учению — П. В. Кузнецов и М. С. Сарьян. Недолговременные занятия в студиях Мюнхена и Парижа не добавили что-либо существенное к московским навыкам. Но чрезвычайно значительными для художника были музейные впечатления, особенно от живописи итальянского Ренессанса. Из старших русских современников ему были близки М. Врубель и В. Борисов-Мусатов, а из классиков отечественной живописи — А. Иванов. Внимательно изучил художник творчество некоторых французских мастеров XX века, особенно Анри Матисса. Грандиозное, во многом определяющее значение имело для Петрова-Водкина знакомство с древнерусской иконописью, которую в начале десятых годов начали извлекать из забвения, реставрировать и показывать на выставках.

Весь этот сплав традиций стал основой живописного стиля мастера в десятые годы. Чуть раньше, в таких картинах, как «Элегия» (1906), «Берег» (1908), «Сон» (1910), он лишь приближается к этому стилю. Впрочем, некоторые интонации, которые будут свойственны зрелому творчеству мастера, есть уже и тут. Так, в композиции «Сон» три аллегорические фигуры расположены в условной пейзажной среде, похожей на театральный задник. Тихие линии пустынного ландшафта, его дымчатые краски созвучны тому чувству предрассветного томления, которым пронизаны персонажи. Мечтательная фантазия и реальность, явь и видения сплетаются, причем действие происходит на некоей неопределенно-огромной арене, широко развернувшейся перед взглядом. Такой образный строй мы встретим и в более поздних работах Петрова-Водкина, но более глубоких по своему философско-поэтическому содержанию. Пока же он варьирует приемы и образы несколько салонного европейского символизма.

Коренной перелом происходит в начале десятых годов, когда современные впечатления и размышления Петрова-Водкина обретают стилевую оправу, основанную на опыте старой и новой классики — от условно-композиционных приемов иконописи до декоративных обобщений Матисса. Впрочем, в «Играющих мальчиках» 1911 года, которые оказались как бы начальной вехой творческих открытий мастера, самое главное не в оригинальной стилистике, но в том ощущении разворота самых обычных явлений жизни на фоне мирового простора, которым проникнута картина. Пейзаж в его полотне имеет реальные черты, но вместе с тем это часть планеты с круглящейся сферой. Игра мальчиков обладает живой непосредственностью, но в ней есть очевидная символика просыпающегося сознания, приобщения к огромному, неведомому миру. Такое чувство, очень характерное для русской культуры начала нынешнего века, вместе с тем тяготеет и к психологической структуре иконописи, которая всегда стремилась перевести в высший духовный план любые изображаемые события. В большой мере от нее идет и то качество «сдержанности, улаженности между тонами», которое сам мастер связывал с искусством древних изографов. Если чистые тона абсолютно господствуют, если нет никаких оттенков и переходов цвета, это, в сущности, означает отказ от всего мимотекущего, преходящего, приобщает к вечному.

Такого рода качества получили высочайшее выражение в знаменитом шедевре Петрова-Водкина «Купание красного коня». Можно изыскать и привести десятки убедительнейших доказательств стилистической связи этой картины с множеством художественных источников прошлого и современности. И все же главное, определяющее свойство ее поэтики — мечта об идеальном мире, которая безраздельно царила в душах русских интеллигентов начала XX века, этой неповторимой поры канунов и надежд. Было бы сущей нелепицей видеть в композиции какие-то буднично-жанровые моменты. Действие происходит словно в счастливом сне, пейзаж до странности нереален, все пропорции условны, перспектива своевольна. Почти весь первый план занимает фигура скосившего огромный зрачок огненно-красного коня, на котором сидит хрупкий, задумчивый подросток. В этом Коне — и отголоски фольклора, который именно с таким образом связывал надежды на великие перемены в судьбе, и грозная сила скакуна Георгия Победоносца, и «гордый конь» российской государственности, как о ней писал Пушкин, и мечтательная «степная кобылица» Блока... Словом, образ глубоко национален, уходит корнями в русскую историю. Вместе с тем это метафора «новой планеты», преображенной, счастливой и как-то странной в своем вдохновенном упоении бытием.

Национальные мотивы вскоре получат у Петрова-Водкина и более открытое выражение в таких картинах, как «Мать» (1913 и 1915), «Богоматерь Умиление злых сердец» (1914—1915), «Девушки на Волге» (1915). Русская типология изображенных характеров тут очевидна и бесспорна. Но именно в те же годы окончательно складывается у художника как бы охватывающая единым взглядом всю планету «сферическая» перспектива на полотнах мастера. Их пространство теперь практически всегда условно, построено на таком соотношении наклонных вертикалей и круглящихся поверхностей, что изображение всякий раз кажется фрагментом мира в целом, а может быть, и общей его картиной.

Восприняв Октябрьскую революцию как закономерное осуществление тех высоких пророчеств, которыми воодушевлена русская мысль, русские поэзия и искусство на рубеже XIX—XX веков, К. Петров-Водкин в своих произведениях 1918-го и последующих годов стремится понять новые взаимоотношения человека и мира, новую гармонию «планетарного бытия». Это вовсе не было отстранением от конкретной общественной проблематики: художник соприкасается с ней постоянно и разносторонне. Но для него и социальная справедливость была частным моментом еще более общих начал, всеохватывающей философии мироздания. Размышляя в революционную эпоху о перспективах жизни, художник писал: «В хаосе Строительства всякому, не поглощенному в личные счеты, всякому, проглядывающему за пределы личного замешательства, звучит надеждой одна струна:

Будет прекрасная жизнь!..
Прекрасная жизнь будет».

Убежденный, что после революционных перемен «русский человек, несмотря на все муки, устроит вольную, честную жизнь», художник — особенно в годы гражданской войны — ищет начала и грани этой будущей жизни. Он призывает в современность образы далеких веков (панно для праздничного оформления улиц — «Микула Селянинович», «Степан Разин»), сращивает художественные формулы прошлого с остроактуальной тематикой.

При этом мастер отыскивал новые связи человека и мира, считая, что «наше чувство просвещено ясным взглядом на Вселенную» и что необходимо наконец осознать «в схеме мирового, космического движения, какое же движение будет моим». Иными словами, Петров-Водкин в пространственно-ритмических и цветовых взаимоотношениях каждого отдельного объекта с целостной системой мира отыскивает своего рода новый алфавит духовности, с помощью которого можно строить широкие образные обобщения.

КУПАНИЕ КРАСНОГО КОНЯ. 1912.

Это видно, например, в «Розовом натюрморте» 1918 года. Пересекающая всю композицию ветка с яблоками лишь соприкасается со скатертью, но живет своей особой жизнью. Такой же отдельностью, изолированностью обладают и другие детали натюрморта — граненый стакан, сливы, репродукции. Между столом и стеной нет никакого пространственного разрыва; такое нарушение обычных перспективных соотношений тем и объясняется, что каждый из объектов изображения показан как бы по отдельности и с разных точек зрения. А стол, покрытый розовой скатертью, также изображен сверху и с одного (правого) бока, так что он разворачивается в плоскости, не параллельной полу, которого вообще не видно.

Вся эта сложная и причудливая пространственная ситуация для того и понадобилась художнику, чтобы показать мир, сдвинутый со своих привычных основ и как бы образующийся заново. При этом каждый предмет, высвобожденный из цепи ординарных связей, получает особую весомость и значительность. И неожиданный характер образа. Например, кажется естественным видеть в написанном тогда же, в 1918 году, натюрморте Петрова-Водкина «Селедка» память о «голодном пайке» тех лет. Верно! Но ведь так выглядит только «первая линия» образного смысла натюрморта. Эта серо-рыжая селедка на синей подстилке, горбушка хлеба, две картофелины — детали аскетически-скудной трапезы — показаны откуда-то с небес. Благодаря своему замедленному ритму и свободному пространственному расположению они исполнены спокойной гордости и значительности. Погруженные в розовое сияние скатерти, они и сами переливаются светом, оттенками красочных сопоставлений. Иными словами, происходит постепенное опровержение внешней сюжетно-предметной ситуации. Этот самый «голодный паек» как бы включен художником в общую атмосферу эпохи, вобрал в себя ее радостные тона, приобщение к величию времени. Сходный образный замысел, только решенный на иной лад, у «Натюрморта со скрипкой», где само сопоставление резко вынесенного на первый план инструмента и скошенного, словно потерявшего равновесие городского пейзажа за окном обладает явственным символическим смыслом: музыка здесь оказывается самым реальным и значительным элементом жизни, пожалуй, даже ее организующим началом (такое понимание роли музыки было в ту пору программным — вспомним формулу Блока «музыка революции», призыв поэта, восклицавшего, что в эти судьбоносные времена «дело художника, обязанность художника — видеть то, что задумано, слушать ту музыку, которой гремит «разорванный ветром воздух»...).

Завершением и обобщением цикла послереволюционных произведений К. Петрова-Водкина явилась его прославленная «Петроградская мадонна» («1918 год в Петрограде»), написанная в 1920 году.

Это одно из первых сюжетных полотен на темы жизни советского государства. Но в нем нет и оттенка документального репортажа, бездумной «правды факта» и т. д. Правильнее всего отнести композицию к жанру философской лирики. Эпоха показана тут из некоего созерцательного отдаления; это не столько изображение увиденного, сколько размышление о происходящих событиях, осознанных в масштабе и контексте мировой истории да и всего бытия.

От такого философски-лирического, «размышляющего» подхода идет своеобразное наслоение времен и сюжетных мотивов в драматургии картины. На конкретный образ матери-пролетарки времен Октября в картине накладываются проекции «вечных» образов мадонны, Матери-родины, наконец, просто Матери, дающей начало новой жизни.

В какой-то мере подобная многозначность свойственна и той части полотна, которая изображает жизнь города. Тут есть, конечно, достаточно явственные черты и детали Петрограда 1918 года — декреты на стенах, одежда горожан, облик зданий в глубине. Но вместе с тем это несколько странный город «вообще», похожая на театральную выгородку

СМЕРТЬ КОМИССАРА. 1928.

площадь событий, которые могли произойти и в иных местах.

Фигура Матери повернута спиной к городу, находится в другом пространственном плане и словно врезана в пейзаж. Правда, система цветовых и ритмических повторов (аркада одного из зданий вторит контуру фигуры Матери; цвет дома справа в облегчении соответствует цвету накидки на ее платье и т. д.) как-то связывает оба плана, но создается впечатление, что фон несколько призрачен, может смениться, а мать с ребенком будут оставаться всегда, причем такими же, как мы их видим,— они будто бы стали неотъемлемой частью самого облика мира.

Так кто же она, эта вынесенная к переднему краю картины женщина с ребенком на руках — работница 1918 года, иконная богоматерь, возрожденческая мадонна? И то, и другое, и третье. Обобщенное время полотна вобрало в себя прошлое, настоящее и будущее времена, многие облики. И все это вознесено над эпохой Революции как образ вечного обновления жизни, который сопоставлен со всем миром, со всем, что изведало и пережило человечество.

В концовке «Двенадцати» Александра Блока неожиданно появляется Христос. Какой бы странной параллелью по отношению к революционному времени это ни выглядело, но для Блока такой образ оказался единственно подходящим воплощением высшего нравственного начала и возвеличением происшедших в жизни перемен.

Продолжение на вкл. 3.

НАТЮРМОРТ СО СКРИПКОЙ. 1918.

В 1983 году пошла в производство моя первая книга «Имена мостов». Пролежала она в издательствах 16 лет! Сначала в Ленинграде, а затем в Москве. Дошла однажды до плана редподготовки, но грянули события с альманахом «Метрополь», и книга промедлила еще 5 лет. И вот когда она была собрана, почти подписана в набор, дружественный мне редактор вспомнил о стихотворении «Монастырь».

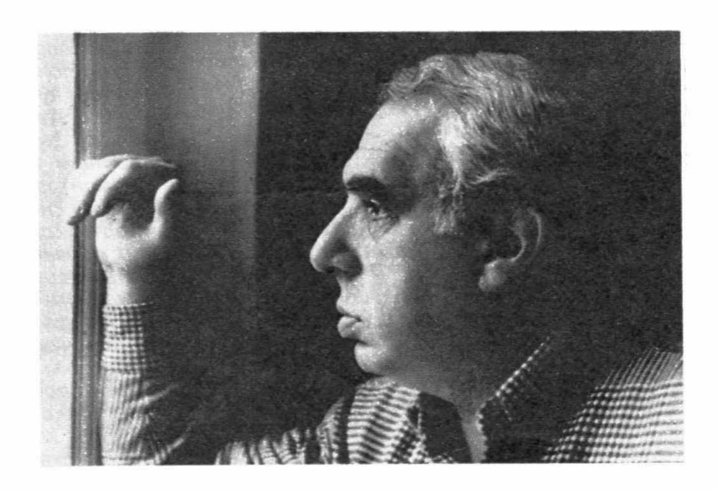
И тут случилось нечто, о чем я раздумываю и по сей день. «Монастырю» исполнилось 10 лет. Все эти годы, почти не публикуясь, я продолжал писать стихи, вкусы мои и манера, естественно, изменились. Мне показалось, что «Монастырь» надо подтянуть к более поздним стихам. Вместе с тем я и мои издатели без особых дискуссий понимали, что некоторые строчки «пройти» не могут. Какая-то грозная сила, неуловимые, неназываемые «они» — не пропустят. Более того, книга подвергнется скрупулезному анализу, а уж тогда...

Заменено было даже название, выпущены целые двустишия. Но для меня важнее внешних обстоятельств мое собственное заблуждение — попытка улучшить стихи через 10 лет. Напрасная попытка. Теперь для меня очевидно, что они должны быть такими, как написались первоначально. Недаром Баратынский говорил, что «поэзия есть полное ощущение известной минуты». Можно ли повторить это ощущение? Вряд ли.

Я помню Лужники и Политехнический музей в 50-х годах, толпу, внимавшую поэтам у памятника Маяковскому. Сейчас на вечере поэзии аудитория в 50—70 человек кажется мне идеальной. Поэзия как бы вернулась к самой себе, на естественную территорию.

И сегодня к стихотворной строке могут прислушиваться миллионы.

Но не обязательно.

Появились стихи, занятые внутренними проблемами словесности, образа, языка, наполненные многослойными цитатами. Но и эти новейшие стихи тоже разделены не границей новаторства, а старой, извечной мерой — таланта, искренности, силы. Мне кажется, что новая волна интереса к стихам приближается.

Гете записал удивительную догадку: «В ритме есть что-то колдовское; он даже вселяет в нас веру, что возвышенное принадлежит нам». В этой мысли содержится, возможно, и прогноз на будущее нашей поэзии. Ведь у общества, идущего вперед, нет шансов, если оно откажется от возвышенного.

Евгений РЕЙН

МИНУТА ДО ОТПЛЫТИЯ

МОНАСТЫРЬ

«Приду к таинственным вратам,
Как Волги вал белоголовый
Доходит целый к берегам!»
Н. М. Языков

За станцией «Сокольники», где магазин мясной
И кладбище раскольников,
был монастырь мужской.
Руина и твердыня, развалина, гнилье —
В двадцатые пустили строенье под жилье.
Такую коммуналку теперь уж не сыскать.
Зачем я переехал, не стану объяснять.
Я, загнанный, опальный, у жизни на краю
Сменял там отпевальню на комнату свою...
Шел коридор верстою, и сорок человек,
Как улицей Тверскою, ходили целый день.
Там газовые плиты стояли у дверей,
Я был во всей квартире единственный еврей.
Там жили инвалиды, ночные сторожа,
И было от пол-литра так близко до ножа.
И все-таки при этом, когда она могла,
С участьем и приветом там наша жизнь текла.
Там зазывали в гости, делились рублем,
Там были сплетни, козни,
как в обществе любом.
Но было состраданье, не холили обид...
Напротив жил Адамов, хитрющий инвалид.
Стучал он рано утром мне в стенку костылем,
Входил, обрубком шарил
под письменным столом,
Где я держал посуду кефира и вина,—
Бутылку на анализ просил он у меня.
И я давал бутылки и мелочь иногда,
И уходил Адамов. А рядом занята
Рассортировкой семги, надкушенных котлет,
Закусок и ватрушек, в неполных двадцать лет
Официантка Зоя, мать черных близнецов.
За нею жил расстрига Георгий Одинцов.
Служил он в гардеробе издательства Гослит
И был в литературе изрядно знаменит.
Он Шолохова видел, он Пастернака знал,
Он с Нобелевских премий на водку получал,
Он Юрию Олеше галоши подавал.
Но я-то знал: он тайно крестил и отпевал.
Но дело не в соседях,
типаж тут ни при чем,—
Кто эту жизнь отведал, тот знает, что — почем.
Почем бутылка водки и чистенький гальюн,
А то, что люди волки, сказал латинский лгун.
Они не волки. Что же? Я не пойму, бог весть.
Но я бы мог такие свидетельства привесть,
Что обломал бы зубы и лучший богослов.
И все-таки спасибо за все — за хлеб и кров
Тому, кто назначает нам пайку и судьбу,
Тому, кто обучает бесстыдству и стыду,
Кто учит нас терпенью и душу каменит,
Кто учит просто пенью и пенью аонид,
Тому, кто посылает нам дом или развал
И дальше посылает белоголовый вал.

ЗАВТРАК НА БАЛКОНЕ

Поздно утром на торцевом балконе
Голубого курятника в приморском парке —
Яйца всмятку, редиска и во флаконе
Зарубежном — напиток домашней варки.
Плюс геополитика в свежей «Правде»,
Плюс письмо из имперской былой столицы.
Это слишком, и я понимаю, вряд ли
Я сумею свое взять и поделиться
С этим мальчиком в перелицованных брюках,
Что обменивал хлебный талон на марки,
Со студентом, канал обходившим Крюков
И шептавшим Брюсова без помарки,
Бестолковым любовником, что однажды
Влез в кровать по расшатанному карнизу,
С тем, у коего все навсегда отнявши,
Бог удачи продлил золотую визу.
Они были лучше, чем я, атлеты,
Тот бегун, тот стайер в соленой майке,
Потому сейчас, в середине лета
Сообщаю это им без утайки.
— Что ж вы робко теснитесь под тентом,
тени?
Все здесь ваше, а я заказал лишь столик.
Так раскиньте в плетеных креслах колени,
Громовержец, шептун, сластолюбец, стоик.

ЭЛЕКТРИЧКА НОЛЬ СОРОК

В последней пустой электричке
пойми за пятнадцать минут,
что прожил ты жизнь по привычке,—
кончается этот маршрут.

Выходишь прикуривать в тамбур,
а там уже нет никого.
Пропойца, спокойный как ангел,
тулуп подстелил наголо.

И видит он русское море,
стакан золотого вина,
и слышит, как в белом соборе
его отпевает страна.

МОРСКОЙ ВОКЗАЛ

На теплоходик «Волгобалт»
я провожал жену и сына,
нас словно кто-то оболгал,
и маялась душа, повинна.
Вокруг шумел Морской вокзал,
но в ресторане было пусто.
Сквозняк над нами полоскал
паласы, и тускнела люстра.
А сталинский военный флот
непобедимою эскадрой
свершал последний переход
на фреске тесной и нарядной.
Флажками говорил «Марат»,
и желтый адмиральский катер
мутил меня, что лимонад,
раскачивая дебаркадер.
Флот уходил в последний бой,
«Марат» пылал, «Гангут» дымился,
и я разгромлен был судьбой
и безнадежно утомился.
Я думал мальчику сказать,
что виноват, и взять на плечи,
но трудных губ не мог разжать
и поступил куда полегче:
купил пирожных и пивка,
и заливную осетрину.
И вот теперь издалека
что я скажу об этом сыну?
«Прости, что падший адмирал
губами не припал к матроске
твоей, что мало целовал
твои горячие ладошки.
Прости — разгромленный линкор
забыл в сраженье об эсминце
и опрокинутый ликер
залил на галстуке Вестминстер.
Милорд, матросик мой, малыш,
запомни этот день в норд-весте!
Я знаю — ты не укоришь
меня в обдуманном злодействе».
Но сам себе я говорю:
«О, деточка, милорд, матросик,
за то я и сейчас горю,
что слышу долгий отголосок
невнятной жалобы твоей».
Вот до отплытия минута,
и грохот якорных цепей,
и гибель старого «Гангута».

Владислав Ходасевич (1886—1939) — один из крупнейших русских поэтов нашего века. Имя его стоит в одном ряду с именами Ахматовой, Пастернака, Мандельштама, Цветаевой. Однако случилось так, что лишь недавно он занял (вернее, начинает занимать) в сознании нашего читателя это по праву принадлежащее ему место. Пока к читателю вернулась лишь малая часть его художественного наследия. Как это ни парадоксально, первой книгой Ходасевича, изданной у нас после почти семидесятилетнего перерыва, стало не собрание его поэтических творений, а вышедшая одновременно в двух издательствах («Мысль» и «Книга») художественная биография Державина. Впрочем, особого парадокса тут нет: «Державин» — одно из высших художественных достижений Ходасевича и, быть может, вообще одна из лучших художественных биографий в русской литературе XX века.

Владислав Ходасевич не только замечательный поэт, но и замечательный мастер прозы. «Лета к суровой прозе клонят, лета шалунью рифму гонят»,— говорил Пушкин, и в той или иной степени эта пушкинская формула приложима к творческому развитию каждого большого поэта. Но именно в той или иной степени. У одних поэтов путь к прозе — это начало совершенно нового этапа их творчества, и этот новый этап по своему значению оказывается столь же плодотворным и значительным, как первый (Пушкин, Лермонтов). У других прозаические опыты не занимают сколько-нибудь существенного места в их творческой биографии (Ахматова, Есенин). У одних обращение к прозе знаменует попытку овладеть новым, принципиально иным типом художественного мышления («Доктор Живаго» Пастернака). Другие, отказавшись от «шалуньи рифмы» и прочих компонентов стихотворной речи, и в прозе сохраняют все неповторимые особенности своего поэтического, лирического мышления. (Такова проза Марины Цветаевой.)

Проза Ходасевича не стала новым этапом в его художественном развитии, как это было у Пушкина, Лермонтова, даже у Пастернака. Но в то же время проза его — это совсем не то, что именуют обычно «прозой поэта». Обращаясь к различным прозаическим жанрам, Ходасевич строго придерживается определенных жанровых границ. В отличие, скажем, от той же Цветаевой Ходасевич в своих статьях о Пушкине выступает перед нами не как поэт, выплескивающий из глубины души мощный поток очень личных, предельно субъективных идей и эмоций, а как строгий и честный исследователь, скрупулезный аналитик, делящийся с читателем плодами своих многолетних наблюдений.

Казалось бы, если поэт решил рассказать о жизни другого поэта, ему сам Бог велел быть свободным, раскованным, даже субъективным. Он ведь не ученый сухарь, не чеховский профессор Серебряков. Да и биографию он пишет не научную, а художественную. Но загляните в книгу Ходасевича «Державин». Вы не найдете в ней ни одной приметы так называемой художественной прозы: ни намека на пейзаж, ни единого диалога — всех этих «он сказал», «она сказала», многим кажущихся непременным признаком художественности. Высокая художественность этой биографии определяется совсем другими признаками: глубинным проникновением в сознание героя, тонким пониманием его личности и самого духа его времени, абсолютным чувством свойственного этому времени языка, притом без малейшего намека на стилизацию.

Пастернак или Цветаева в своих статьях и письмах — совершенно те же, что в своих стихах. Они даже не стараются быть другими. Ходасевич в своих критических опытах стремится быть критиком, в биографии — биографом, в воспоминаниях — честным и строгим мемуаристом. Но, меняя способ выражения, он не изменяет себе. Как и Пастернак, как и Цветаева, он всюду остается самим собою.

У Ходасевича смолоду была репутация человека язвительного, злого. «У него,— говорил о нем Виктор Шкловский,— муравьиный спирт вместо крови... В крови его микробы жить не могут. Дохнут».

Не знаю, как обстояло дело с палочками Коха или стафилококками, но в «муравьином спирте» всеразъедающей иронии Ходасевича и в самом деле не могли жить микробы лжи, пошлости, сусальности, той восхищенной умилительности, без которых редко обходится биография великого человека или воспоминания о нем.

«Перед тем, как послать в редакцию «Современных записок» свои воспоминания о Валерии Брюсове,— рассказывает Ходасевич,— я прочел их Горькому. Когда я кончил читать, он сказал, помолчав немного:

— Жестоко вы написали, но — превосходно. Когда я помру, напишите, пожалуйста, обо мне.

— Хорошо, Алексей Максимович.

— Не забудете?

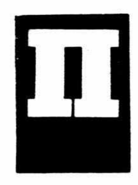
— Не забуду».

По-моему, это самый высокий комплимент мемуарной прозе Ходасевича. И никаких других слов тут больше не надо.

Главы из воспоминаний Ходасевича, которые мы предлагаем вашему вниманию, в Советском Союзе печатаются впервые.

Владислав ХОДАСЕВИЧ

ТОРГОВЛЯ

Перед так называемыми интеллигентными профессиями, особливо перед всякими художествами, торговля имеет то неоспоримое и высокое преимущество, что на сем скромном поприще люди и вещи называются настоящими своими именами, а деяния имеют естественные последствия. Честный человек называется честным человеком, а мошенник мошенником, и если ему даже удается ускользнуть от правосудия, то с ним, по крайности, избегают иметь дело. Вот почему все более тянет меня к коммерции и почему все более радужными красками расцвечиваются мои воспоминания о немногих случаях, когда доводилось мне заниматься торговлей.

Мне было лет шесть, мы жили на даче в Богородском, возле Сокольников. Там свел я дружбу с Алешей и Колей Щенковыми, детьми С. В. Щенкова, гласного московской городской думы. Отличные были мальчики, настоящие краснокожие, национальные могикане. Им подарили лоток с весами и гирьками. На лоток положили мы лопухов, изображавших капусту, какой-то пушистой травки, олицетворявшей укроп, еще чего-то — и превратились в разносчиков. Кухарки, няньки и матери должны были разыгрывать покупательниц. Часа через два мы им совершенно осточертели. Тогда я (именно я, на этом настаиваю!) придумал дело более прочное и занятное. В складчину образовали мы оборотный капитал примерно копеек в сорок. Купили на пятачок подсолнухов, плитку шоколада за пятачок, десяток папирос за шесть копеек, несколько карамелек — и открыли торговлю в парке, на широкой аллее, ведущей к танцульке. Мы продавали каждую папиросу за три копейки, каждую карамельку за пятачок, одну треть шоколадной плитки за пятачок же — и так далее! День был воскресный. Гуляющая публика так и теснилась вокруг нас — приходилось то и дело бегать в лавочку за новым товаром. Словом, у нас было уже рублей семь денег к тому горестному моменту, когда стоустая молва о нашей фирме дошла до слуха родителей. Все кончилось грубою реквизицией товара, конфискацией капитала и трехголосым ревом. Видит Бог, мы ревели не оттого, что лишились денег. Не жадность нас окрыляла, но высокое спортивное чувство. Не мечта о богатстве, но сказочный рост самого предприятия — вот что восхищало нас, возбуждая любовь к труду, изобретательность, предприимчивость. Увы, современники нас не оценили...

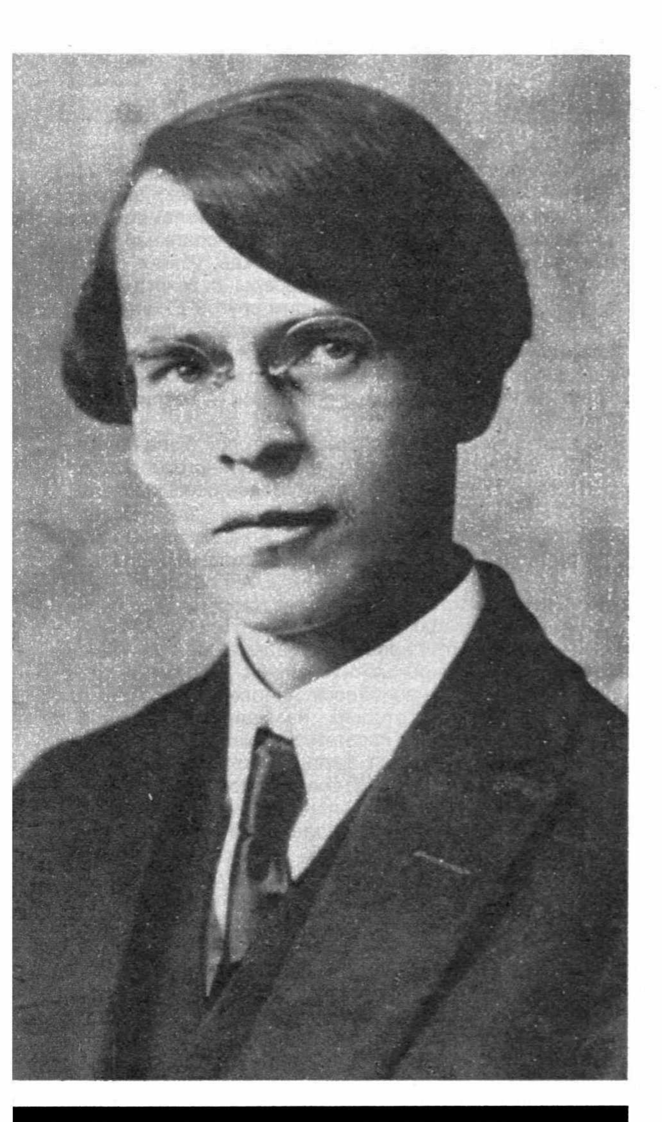
Четверть века спустя, в 1918 году, довелось мне вновь стать за прилавок — в московской Книжной Лавке Писателей. Подробно о ней рассказывать не буду, потому что на сей счет существует уже целая литература, страдающая, на мой взгляд, сильными преувеличениями в сторону «идейности». Судя по тому, что писалось о Книжной Лавке, можно подумать, будто это было какое-то необыкновенно возвышенное предприятие, ставившее себе единственно культурные цели,— чуть ли не луч света в темном царстве военного коммунизма. Не отрицаю, что коекакую культурную роль лавка сыграла, но, разумеется, ее сознание определялось бытием, а не наоборот, то есть, попросту говоря, возникла она потому, что писателям нужно было жить, а писать стало негде.

После этого торговал я еще два раза, но уже торговля моя носила характер эпизодический. В первый раз дело было так. В ноябре 1920 г., собираясь переселиться в Петербург, я обнаружил, что валенки у меня есть, а сапог нет и что, следовательно, весной в Петербурге наступит кризис. Не надеясь на легкое разрешение его, постановил я обзавестись башмаками заблаговременно и с этою целью отправился к Луначарскому. Наркомпрос находился тогда в здании Лицея, у Крымского моста. В ту пору была война, и вся Москва покрыта была плакатами с надписью: «Не сдадимся, выдержим, победим». Такой плакат красовался и над дверью в кабинет Луначарского, отличаясь от прочих тем, что на нем слово «сдадимся» был записано через «з»: «не *здадимся*». Луначарский принял меня как нельзя более любезно и тотчас продиктовал машинистке записку, куда следовало, о том, что он просит оказать мне содействие в приобретении башмаков. В благодарность я вывел Луначарского из кабинета и обратил его внимание на плакат, который над дверью в кабинет министра народного просвещения имел вид уж очень компрометантный. Луначарский всполошился, созвал секретарш и приказал плакат переделать либо убрать. Мы простились.

На другой день я отправился на Мясницкую, в учреждение, ведавшее распределением обуви. Путешествовать туда с Девичьего Поля, где я жил, было нелегко. Доплелся я до места, измученный вдребезги, и узнал, что на моей записке недостает какой-то печати или еще чего-то. Пришлось опять идти к Луначарскому, опять часа два дежурить в его приемной — и опять часа два любоваться на тот же плакат, который остался совершенно таким же, как был прежде, только висел теперь не над дверью, а рядом с ней. Луначарский велел написать мне новую записку, и я ушел, на сей раз уже ничего не сказав о плакате.

При втором посещении сапожного центра я там выстоял в двух очередях часа по три в каждой. Зато добился важного результата: узнал, что фактически обувь имеется только в «распределителе № 1», куда и необходимо получить ордер, ибо если я получу ордер на «любой распределитель», то буду безрезультатно ходить по городу до скончания века. Уж не помню, какими чудесами и происками, но получил я ордер именно в этот заветный «распределитель № 1». Одновременно со мной такой же ордер получил человек замечательного и неожиданного вида: это был старик огромного роста, лысый, без шапки, с высоченным посохом, с иконою на груди и — в веригах, которые на нем гремели при всяком движении. Таких классических странников не много случалось мне видеть и в прежние времена. Каким образом он уцелел и через кого получил свой ордер — не представляю себе.

Мы вместе вышли на улицу и вместе отправились в распределитель, который был не что иное, как

В последний раз торговал я весной 1922 года.

Раз в неделю я брал холщовый мешок и отправлялся на Миллионную, в Дом Ученых, за писательским пайком. Получающие паек были разбиты на шесть групп — по числу присутственных дней. Мой день был среда. Паек выдавался в подвале, к которому шел длинный коридор; по коридору выстраивалась очередь, представлявшая собой как бы клуб. Здесь обсуждались академические и писательские дела, назначались свидания. К числу «средников» принадлежали, между прочим, Ю. Н. Тынянов, Б. В. Томашевский, Виктор Шкловский, а из поэтов — Гумилев и Владимир Пяст. Случалось, что какой-нибудь пайковой статьи (чаще всего — масла и сахару) не выдавали по нескольку недель, возмещая ее чем-нибудь другим (увы, подчас — просто лавровым листом и корицей). Однажды, сильно задолжав перед получателями пайков, Дом Ученых выдал нам сразу по полпуда селедок. Предстояла, следовательно, задача продать селедки и на вырученные деньги купить масла. Дня через два я отправился на Обводный канал. Рынок шумел. Я выбрал место, поставил на землю мешок, приоткрыв его, чтобы виден был мой товар, и стал ждать покупателей. Конечно, надо было бы кричать: «А вот, а вот свежие голландские сельди! А вот они, сельди где!» — или что-нибудь в этом роде. Но я чувствовал, что из этого у меня ничего не выйдет. Меж тем отсутствие рекламы, сего двигателя торговли, давало себя знать. Люди шли мимо, не останавливаясь. Глядя по сторонам довольно уныло, шагах в двадцати от себя я увидел высокую, стройную женщину, также молча стоявшую перед таким же мешком. Это была Анна Андреевна Ахматова. Я уже собирался предложить ей торговать вместе, чтобы не скучно было, но тут подошел покупатель, за ним другой, третий — и я расторговался. Селедки мои оказались первоклассными. Чтобы не прикасаться к ним, я предлагал покупателям собственноручно их брать из мешка. Потом руками, с которых стекала какая-то гнусная жидкость, пропитавшая и весь мешок мой, они отсчитывали деньги, которые я с отвращением клал в карман. Несмотря на высокое качество моих селедок, некоторые покупатели (особенно женщины) капризничали. Еще со времен Книжной Лавки Писателей я усвоил себе золотое правило торговли, применяемое и в парижских больших магазинах: «Покупатель всегда прав». Поэтому я не спорил, а предлагал недовольным тут же возвращать товар или обменивать, причем заметил, что только что забракованное одним приходилось как раз по душе другому. Впрочем, должен отметить и другое мое наблюдение: покупатели селедок несравненно сознательней и толковее, нежели покупатели книг.

Распродав все и купив масло, я уже не нашел Ахматовой на прежнем месте и пошел домой. День был веселый, солнце уже пригревало, я очень устал, но душа радовалась. Впереди меня шла нарумяненная проститутка, в блестящих туфельках, с папиросой в зубах. На ходу она крепко, ритмически раскачивала тугими бедрами, причем правым как-то особенно поддавала с некоторой задержкой, так что в общем походка ее слагалась в ритмическую фигуру, образуемую анапестом правого бедра и ямбом левого. Идя за нею, невольно в лад сочинил я стихи — как бы от ее имени:

Ходит пес
Барбос,
Его нос
Курнос,
Мне вчерась
Матрос
Папирос
Принес.

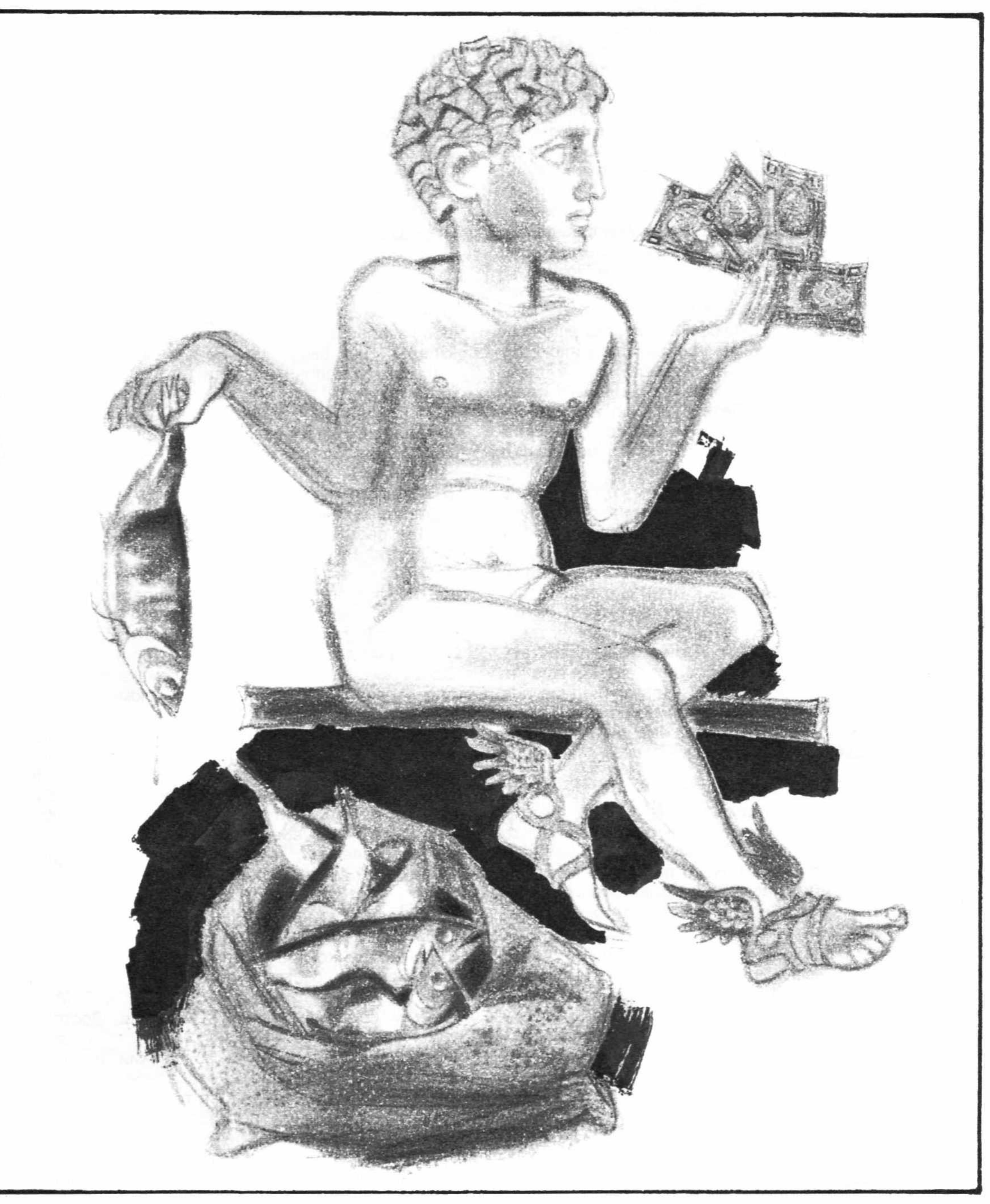
Так долго мы шли, пока на каком-то перекрестке не разошлись пути наши.

27 февраля 1937 г.

бывший «Английский магазин» Шанкса на Кузнецком мосту — самый фешенебельный из московских магазинов. Теперь в нем была ледяная пустыня. В витринах ничего не было. В какой-то дальней комнате мы нашли несколько обувных коробок и скучающего приказчика, который со старорежимной вежливостью преклонил пред нами колено. Я снял свои валенки; странник, скинув лапти, принялся разматывать онучи. Выбор был невелик: кроме лакированных полуботинок американской фирмы «Вера», ничего не оставалось. Размеров было лишь два — самый большой и самый маленький. Старик взял большой и ушел, стуча по паркету посохом и лакированными туфлями. Я взял маленькие. Они мне жали, но я про себя уже решил в Петербурге обменять их.

В последний год его жизни случалось Пушкину, выйдя из дому, повернуть налево, пройти по набережной Мойки до Полицейского моста и повернуть налево еще раз, по Невскому. Тут же, в угловом доме с колоннами, принадлежавшем Голландской церкви, находился книжный магазин Фердинанда Беллизара. Впоследствии принадлежал он фирме Мелье, под именем которой (перейдя уже, впрочем, к третьему владельцу, С. Н. Трофимову) просуществовал до 1918 г. В 1920 г. дом был необитаем. У подъезда его день и ночь толклись папиросники — мальчишки и девчонки, наперебой кричавшие: «А вот, а вот харьковская махорка! А вот, а вот «Ира»! А вот, а вот старая толстая «Сафо»! (Говорят, одна пожилая писательница, проходя мимо, была очень обижена, приняв последнее восклицание на свой счет.)

После налетчиков папиросники были самыми богатыми людьми того времени. В Московском цирке ежевечерне заполняли они все ложи и первый ряд. Клоуны Бим и Бом, выходя на арену, отвешивали им поклон: «Именитому московскому купечеству — наше нижайшее!» В Петербурге был у них ночной клуб на Михайловской площади — с ликерами и шампанским. Я жил у Полицейского моста — как раз по диагонали от магазина Мелье. С папиросниками у меня были отличные отношения. Я предложил им туфли, но покупателя не нашел. Мне дали, однако ж, дельный совет: поискать «шкета», то есть малолетнего сутенера. С этой категорией граждан папиросники были тесно связаны: почти все девочки-папиросницы занимались и проституцией. Я отправился на рынок, и действительно через каких-нибудь четверть часа туфли были мной проданы парню с неслыханно великолепным коком, выбивавшимся из-под каскетки, и в таких широченных «клешах», что издали можно было принять их за юбку.

«ДОМ ИСКУССТВ»

I

В 1920—1922 годах общество «Старый Петербург» (впрочем, его официальное название было, кажется, не совсем таково) переживало эпоху расцвета, который поистине можно было назвать вдохновенным. Причин тому было несколько. Одна из них, простейшая и, так сказать, материальная, заключалась в том, что коллекции общества внезапно и резко стали пополняться: в них поступило большое количество предметов из частных собраний и архивов. Однако мне кажется, что еще большую роль тут сыграли обстоятельства более отвлеченного характера. Во-первых, по мере того как жизнь уходила вперед, все острее, все пронзительнее ощущалась членами общества близкая и неминуемая разлука с прошлым, отсюда возникало желание как можно тщательнее сберечь о нем память. Во-вторых (и это может показаться вполне неожиданным для тех, кто не жил тогда в Петербурге), именно в эту пору сам Петербург стал так необыкновенно прекрасен, как не был уже давно, а может быть, и никогда. Люди, работавшие в «Старом Петербурге», отнюдь не принадлежали к числу большевиков. Некоторые из его руководителей впоследствии были расстреляны; достаточно назвать хотя бы П. П. Вейнера. Но как и все другие, обладавшие чувством, умом, пониманием, они не могли не видеть, до какой степени Петербургу оказалось к лицу несчастье.

Москва, лишенная торговой и административной суеты, вероятно, была бы жалка. Петербург стал величествен. Вместе с вывесками с него словно сползла вся лишняя пестрота. Дома, даже самые обыкновенные, получили ту стройность и строгость, которой ранее обладали одни дворцы. Петербург обезлюдел (к тому времени в нем насчитывалось лишь около семисот тысяч жителей), по улицам перестали ходить трамваи, лишь изредка цокали копыта либо гудел автомобиль, и оказалось, что неподвижность более пристала ему, чем движение. Конечно, к нему ничто не прибавилось, он не приобрел ничего нового, но он утратил все то, что было ему не к лицу. Есть люди, которые в гробу хорошеют: так, кажется, было с Пушкиным. Несомненно, так было с Петербургом.

Эта красота временная, минутная. За ней следует страшное безобразие распада. Но в созерцании ее есть невыразимое, щемящее наслаждение. Уже на наших глазах тление начинало касаться и Петербурга: там провалились торцы, там осыпалась штукатурка, там пошатнулась стена, обломилась рука у статуи. Но и этот еле обозначающийся распад еще был прекрасен, и трава, кое-где пробивавшаяся сквозь трещины тротуаров, еще не безобразила, а лишь украшала чудесный город, как плющ украшает классические руины. Дневной Петербург был тих и величествен, как ночной. По ночам в Александровском сквере и на Мойке, недалеко от Синего моста, пел соловей.

В этом великолепном, но странном городе жизнь протекала своеобразно. В смысле административном Петербург стал провинцией. Торговля в нем прекратилась, как всюду. Заводы и фабрики почти не работали, воздух был ясен, и пахло морем. Чиновный, торговый, фабричный люд отчасти разъехался, отчасти просто стал менее виден, слышен. Зато жизнь научная, литературная, театральная, художественная проступила наружу с небывалой отчетливостью. Большевики уже пытались овладеть ею, но еще не умели этого сделать, и она доживала последние дни свободы в подлинном творческом подъеме. Голод и холод не снижали этого подъема, может быть, даже его поддерживали. Прав был поэт, писавший в те дни:

И мне от голода легко,
И весело от вдохновенья.

Быть может, ничего особенно выдающегося тогда не было создано, но самый пульс литературной жизни был приметно повышен. Надо прибавить к этому, что и общество, у которого революция отняла немало обывательских навыков и перед которым поставила ряд серьезных вопросов, относилось к литературе с особым, подчеркнутым вниманием. Доклады, лекции, диспуты, вечера прозы и стихов вызывали огромное стечение публики. Между тем культурная жизнь Петербурга сосредоточивалась вокруг трех центров: «Дома ученых», «Дома литераторов» и «Дома искусств», которые для нее служили прибежищами не только в отвлеченном, но и в самом житейском смысле, потому что при каждом из них были общежития, где разместились многие люди, сдвинутые революцией с насиженных мест. Каждый из трех «Домов» имел свой особый уклад и быт. Я расскажу о том, который мне был знаком особенно близко и непосредственно: о «Доме искусств», или о «Диске», как иногда его называли. Рассказ мой коснется, однако, лишь внешних черт его жизни: для изображения внутренних, очень своеобразных, нужна бы иная, вероятно, беллетристическая, форма.

Помещался «Диск» в том темно-красном доме у Полицейского (в старину — Зеленого) моста, что выходит тремя фасадами на Мойку, Невский проспект и Большую Морскую. До середины XVIII столетия на этом месте находился деревянный Зимний дворец. Отсюда Екатерина двинулась со своими войсками в Ораниенбаум свергать Петра III. Дом этот огромный, состоящий из нескольких домов, строенных и перестроенных, вероятно, в разные эпохи. Перед революцией в нем помещался «Английский магазин», а весь бельэтаж со стороны Невского занимал банк, название которого я не упомню, хотя это неблагодарно с моей стороны (почему, будет сказано ниже).

Под «Диск» были отданы три помещения: два из них некогда были заняты меблированными комнатами (в одно — ход с Морской, со двора, в другое — с Мойки); третье составляло квартиру домовладельца, известного гастрономического торговца Елисеева. Квартира была огромная, раскинувшаяся на целых три этажа, с переходами, закоулками, тупиками, отделанная с рыночной роскошью. Красного дерева, дуба, шелка, золота, розовой и голубой краски на нее не пожалели. Она-то и составляла главный центр «Диска». Здесь был большой зеркальный зал, в котором устраивались лекции, а по средам — концерты. К нему примыкала голубая гостиная, украшенная статуей работы Родена, к которому хозяин питал пристрастие,— этих Роденов у него было несколько. Гостиная служила артистической комнатой в дни собраний; в ней же Корней Чуковский и Гумилев читали лекции ученикам своих студий — переводческой и стихотворной. После лекций молодежь устраивала игры и всяческую возню в соседнем холле; Гумилев в этой возне принимал деятельное участие. Однажды случайно я очутился там в самый разгар веселья. «Куча мала!» — на полу барахталось с полтора десятка тел, уже в шубах, валенках и ушастых шапках. Фрида Н., маленькая поэтесса, показала мне пальцем:

— А эта вот — наша новенькая студистка, моя подруга.

— А как фамилия?

— Б-ва.

— Да которая же? Тут и не разберешь.

— А вот она, вот, в зеленой шубке. Вот, видите, нога в желтом ботинке? Это ее нога.

К гостиной примыкала столовая, отделанная дубовой резьбой, с витражами и камином, как полагается. Обеды в ней были дорогие и скверные. Кто не готовил сам, предпочитал ходить в столовую «Дома литераторов». Однако и здесь часов с двух до пяти было оживленно: сходились сюда со всего Петербурга ради свиданий — деловых, дружеских и любовных. Тут подавались пирожные — роскошь военного коммунизма, погибель Осипа Мандельштама, который тратил на них все, что имел. На пирожные он выменивал хлеб, муку, масло, пшено, табак — весь состав своего пайка, за исключением сахара; сахар он оставлял себе.

Пройдя из столовой несколько вглубь, мимо буфетной, и свернув направо, попадали в ту часть «Диска», куда посторонним вход был воспрещен: в коридор, по обеим сторонам которого шли комнаты, занятые старшими обитателями общежития. Здесь жил кн. С. Ухтомский, один из хранителей Музея Александра III, немного угрюмый с виду, но обаятельный человек, впоследствии арестованный и расстрелянный вместе с Гумилевым; жил пушистый седой старик Липгардт, говоривший всегда по-французски, историк искусства, известный великой щедростью по части выдачи «сертификатов» на старинные картины. Ходил анекдот о том, как некто, владелец какого-то очередного шедевра, просил Липгардта удостоверить, что картина принадлежит кисти Греко. «Ну, зачем Греко? — будто бы сказал Липгардт.— Это же дутая величина! Уж давайте, я вам напишу, что это Тициан!»

Из своей комнаты в кухню и обратно то и дело с кастрюлечкой шмыгала маленькая старушка — М. А. Врубель, сестра художника. Соседкой ее была Е. П. Леткова-Султанова, свояченица К. Е. Маковского, в молодости знавшая Тургенева, Достоевского, сама писавшая в «Русском богатстве». Жил еще в том же коридоре Аким Волынский, изнемогавший в непосильной борьбе с отоплением. Центральное отопление не действовало, а топить индивидуальную «буржуйку» сырыми петросоветскими дровами (по большей части еловыми) он не умел. Погибал от стужи. Иногда целыми днями лежал у себя на кровати в шубе, в огромных калошах и в меховой шапке, которой прикрывал стынущую лысину. Над ним по стенам и по потолку, в зорях и облаках, вились, задирая ножки, упитанные амуры со стрелами и гирляндами; эта комната была некогда спальней г-жи Елисеевой. По вечерам, не выдержав, убегал он на кухню вести нескончаемые беседы с сожителями, а то и просто с Ефимом, бывшим слугой Елисеевых, умным и добрым человеком. Беседы, однако же, прерывались долгими паузами, и тогда в кухне слышалось только глухое, частое топотание копыт: это ходил по кафельному полу поросенок — воспитанник Ефима.

Коридор упирался в дверь, за которой была комната Михаила Слонимского — единственного молодого обитателя этой части «Диска». Здесь была постоянная толчея. В редкий день не побывали здесь Всеволод Иванов, Михаил Зощенко, Константин Федин, Николай Никитин, безвременно погибший Лев Лунц и семнадцатилетний поклонник Т. А. Гофмана — начинающий беллетрист Вениамин Каверин. Тут была колыбель «Серапионовых братьев», только еще мечтавших выпустить первый свой альманах. Тут происходили порой закрытые чтения, на которые в крошечную комнату набивалось человек по двадцать народу: сидели на стульях, на маленьком диване, человек шесть — на кровати хозяина, прочие — на полу. От курева нельзя было продохнуть. Сюда же в дни дисковских маскарадов и балов (их было два или три) укрывались влюбленные парочки. Богу одному ведомо, что они там делали, не смущаясь тем, что тут же, на трех стульях, не раздеваясь, спит Зощенко, которому больное сердце мешает ночью идти домой.

Комната Волынского потому еще была холодна в особенности, что она примыкала к библиотеке, которая ничем не отапливалась. Книги в ней были холодны, как железо на морозе. Однако их было довольно много, и они были недурно подобраны, так что обитатели «Диска» порой могли наводить нужные справки, не выходя из дому.

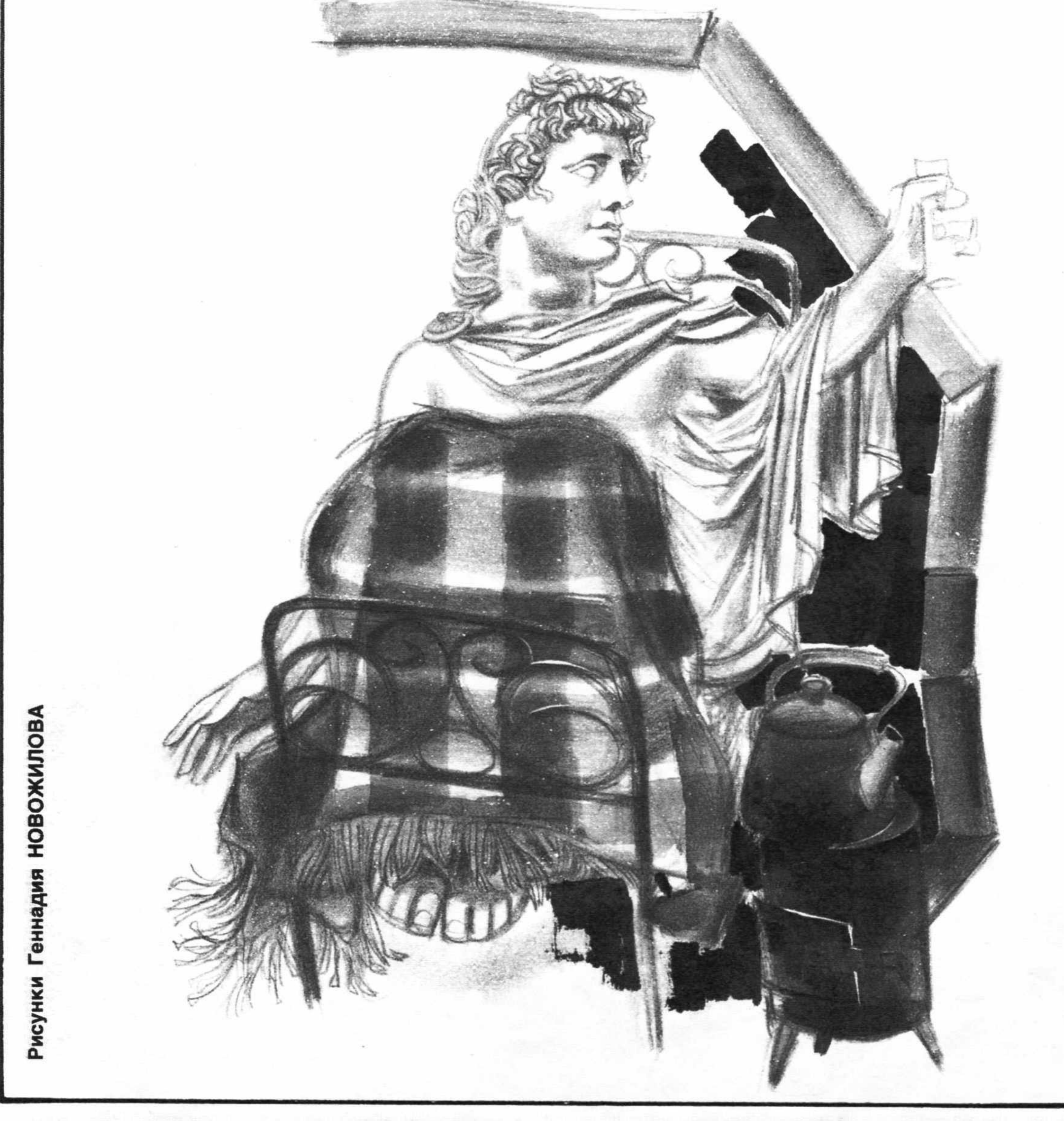
Наконец, в том же коридоре помещалась ванная, излучавшая пользу и наслаждение, которые трудно оценить в достаточной мере. Записываться на ванну надо было у Ефима, и ждать очереди приходилось долго, но зато очутиться, наконец, в ней и смотреть, как вокруг, по изразцовой стене, над иссиня-черным морем с белыми гребнями носятся чайки,— блаженства этого не опишешь!

Раз в неделю приходил парикмахер, раскидывавший свою палатку в той же ванной, и тогда тотчас образовывался маленький клуб из бреющихся, стригущихся и ожидающих очереди. Пришел парикмахер и в самый тот день, когда начался штурм Кронштадта. Георгий Иванов, окутанный белым покрывалом, предсказывал близкий конец большевиков. Я ему возражал. Прибежала молодая поэтесса Ирина Одоевцева, на тоненьких каблучках, с черным огромным бантом в красновато-золотых волосах. Повертелась, пострекотала, грассируя, и убежала, пообещав подарить мне кольд-крему. Кольд-крема этого, впрочем, я и по сей день не дождался... О, люди!

II

Пройдя через кухню и спустившись этажа на два по чугунной винтовой лестнице, можно было очутиться еще в одном коридоре, где день и ночь горела почерневшая электрическая лампочка. Правая стена коридора была глухая, а в левой имелось четыре двери. За каждой дверью узкая комната в одно окно, находящееся на уровне тесного, мрачного колодцеобразного двора. В комнатах стоял вечный мрак. Раскаленные «буржуйки» не в силах были бороться с полуподвальной сыростью, и в теплом, но спертом воздухе висел пар. Все это напоминало те зимние помещения, которые в зоологических садах устраиваются для обезьян. Коридор так и звался «обезьянником». Первую комнату занимал Лев Лунц; вероятно, она-то отчасти и сгубила его здоровье. Его соседом был Грин, автор авантюрных повестей, мрачный, туберкулезный человек, ведший бесконечную и безнадежную тяжбу с заправилами «Диска», не водивший знакомства почти ни с кем, и, говорят, занимавшийся дрессировкой тараканов. Последнюю комнату занимал поэт Всеволод Рождественский, в ту пору — скромный ученик Гумилева.

Между Грином и Рождественским помещался Владимир Пяст, небольшой поэт, но умный и образованный человек, один из тех романтических неудачников, которых любил Блок. Пяст и был Блоку верным и благородным другом в течение многих лет. Главным несчастьем его жизни были припадки душевной болезни, время от времени заставлявшей помещать его в лечебницу. Где-то на Васильевском острове жила его жена с двумя детьми. Весь свой паек и весь скудный заработок отдавал он семье, сам же вел

Рисунки Геннадия НОВОЖИЛОВА

существование вполне нищенское. Высокий, довольно плотный, с красивым, несколько «дантовским» профилем (высокий лоб, нос с горбинкой, слегка выдающийся подбородок), носил он шапку с наушниками и рыжий короткололый тулуп, не доходивший ему до колен. Из-под тулупа видны были знаменитые серые клетчатые брюки, известные всему Петербургу под именем «пястов». На ногах прикрученные веревками остатки какой-то обуви, столь, однако же, гремевшей при ходьбе, что громыхание пястовских шагов всегда слышно было за несколько комнат. Подобно Волынскому, он не умел управляться со своею печуркой, а впрочем, кажется, нечем было и управляться, потому что он и дрова свои отдавал семье. Томимый морозом, голодом и тоской, до поздней ночи, а то и всю ночь он бродил по «Дому искусств», порой останавливаясь, ломая руки и скрежеща зубами. Когда все укладывались, он отправлялся в концертный зал, громыхал по нему так, что звенели подвески хрустальных канделябров, и голосом, отдававшимся в рояле, читал стихи, которые вскоре переходили в дикие, одному ему понятные импровизации. Кончилось тем, что зал стали запирать на ночь. Тогда разыгралась маленькая история, которую не следовало бы рассказывать, потому что она до крайности жалка, но которую я расскажу, потому что самая жалкость в ней покрывается безысходным человеческим страданием. Дело в том, что после концертного зала Пяст нашел себе прибежище в помещении, совершенно противоположном по размерам и назначению. Находилось оно в том коридоре, где жили дисковские «нотабли». В нем было тепло, но оно было рядом с комнатою Султановой и поблизости от комнаты Волынского. Вой Пяста не давал спать всему коридору. Состоялся «военный совет», на котором было постановлено помещение запирать, а ключ класть в условное место. В первую же ночь Пяст долго туда ломился, потом понял, в чем дело, и впал в подлинное отчаяние. С воплями он помчался по всему «Диску», по двору, выбежал на Морскую, пробежал по Невскому на угол Мойки и, взлетев на третий этаж, очутился там, где жил я. С хлопаньем дверей, с грохотом остановился он в передней и, обливаясь слезами, ломая руки, закричал:

— Окаянные! Что они со мной сделали! Одно место у меня было, одно место осталось на всей земле — отняли, заперли! О проклятые!

Та часть «Дома искусств», где я жил, была когда-то занята меблированными комнатами, вероятно, низкосортными. К счастью, владельцы успели вывезти из них всю свою рухлядь, и помещение было обставлено за счет бесчисленных елисеевских гостиных: банально, но импозантно и, уж во всяком случае, чисто. Зато сами комнаты за немногим исключением отличались странностью формы. Моя, например, представляла собою правильный полукруг. Соседняя комната, в которой жила художница Е. В. Щекотихина (впоследствии уехавшая за границу, там вышедшая замуж за И. Я. Билибина и вновь увезенная им в Советскую Россию), была совершенно круглая, без единого угла,— окна ее выходили как раз на угол Невского и Мойки. Комната М. Л. Лозинского, истинного волшебника по части стихотворных переводов, имела форму глаголя, а соседнее с ней обиталище Осипа Мандельштама представляло собою нечто столь же фантастическое и причудливое, как и он сам. Это странное и обаятельное существо, в котором податливость уживалась с упрямством, ум — с легкомыслием, замечательные способности — с невозможностью сдать хотя бы один университетский экзамен, леность с прилежностью, заставлявшей его буквально месяцами трудиться над одним неудающимся стихом, заячья трусость — с мужеством почти героическим — и т. д. Не любить его было невозможно, и он этим пользовался с упорством маленького тирана, то и дело заставлявшего друзей расхлебывать его бесчисленные неприятности. Свой паек, как я уже говорил, он тотчас же выменивал на сладости, которые поедал в одиночестве. Зато в часы обеда и ужина появлялся то там, то здесь, заводил интереснейшие беседы и, усыпив внимание хозяев, вдруг объявлял:

— Ну, а теперь будем ужинать!

Соседями нашими были художник Милашевский, обладавший классическими гусарскими штанами, не менее знаменитыми, чем «пясты», и столь же гусарским успехом у прекрасного пола; поэтесса Надежда Павлович, общая наша с Блоком приятельница, круглолицая, черненькая, непрестанно занятая своими туалетами, которые собственноручно кроила и шила — вкривь и вкось — одному Богу ведомо из каких материалов, а также О. Д. Форш, начавшая литературную деятельность уже в очень позднем возрасте, но с великим усердием, страстная гурманка по части всевозможных идей, которые в ней непрестанно кипели, бурлили и пузырились, как пшенная каша, которую варить она была мастерица. Идеи занимали в ее жизни то место, которое у других женщин занимают сплетни: нашептавшись «о последнем» с Ивановым-Разумником, бежала она делиться философскими новостями к Эрбергу, от Эрберга — к Андрею Белому, от Андрея Белого — ко мне, и все это совершенно без устали. То ссорила, то мирила она теософов с православными, православных — с сектантами, сектантов — друг с другом. В особенности любила всякую религиозную экзотику. С упоением рассказывала об одном священнике, впоследствии примкнувшем к так называемой живой церкви.

— Нет, вы подумайте, батька-то наш какое коленце выкинул! Отпел панихиду по Блоку, а потом вышел на амвон да как грохнет:

Я послал тебе черную розу в бокале
Золотого, как небо, аи!

Это с амвона-то! Вы подумайте! Ха-ха-ха, ну и прелесть!

Достоинством нашего коридора было то, что в нем не было центрального отопления: в комнатах стояли круглые железные печи доброго старого времени, державшие тепло по-настоящему, а не так, как «буржуйки». Правда, растапливать их сырыми дровами было нелегко, но тут выручал нас банк. Время от времени в его промерзшие залы устраивались экспедиции за картонными папками, от регистраторов, которых там было какое-то неслыханное количество. Регистраторы эти служили чудесной растопкой, как и переплеты столь же бесчисленных копировальных книг. Папиросная же бумага, из которой эти книги состояли, шла на кручение папирос. Этой бумагой «Диск» снабжал весь интеллигентский Петербург. На нее же порой можно было выменять пакетик махорки у мальчишек и девчонок, торговавших на Невском. Один листок этой бумаги сохранился у меня по сей день.

С этими маленькими торговцами (предшественниками будущих беспризорников, которых я не застал и не видел) связано у меня одно воспоминание, не столь идиллическое. Как я уже говорил, во дворе елисеевского дома некогда находились еще одни меблированные комнаты. Их помещение тоже принадлежало «Диску», но им почти не пользовались по той причине, что оно уже было кем-то разгромлено и загажено. По человеческой жестокости поселили там одну старую, тяжело больную хористку Мариинского театра. Она день и ночь лежала в своей конуре, под грудой тряпья, ожидая смерти. Ей по очереди носили еду. Весной 1921 года приехал в Петербург из Казани поэт Тиняков, начавший литературную деятельность еще лет восемнадцать тому назад, но давно спившийся и загрязнивший себя многими непохвальными делами. Ходили слухи, что в Казани он работал в чрезвычайке. Как бы то ни было, появился он без гроша денег и без пайка. Голодал начисто. Не без труда удалось устроить его соседом к умирающей певице. Вскоре он сумел пустить корни (опять по сомнительной части), раздобылся деньжонками и стал пить. Девочки, торговавшие папиросами, почти все занимались проституцией. По ночам он водил их к себе. Его кровать тонкой перегородкой в одну доску, да и то с щелями, с которых сползли обои, отделялась от кровати, на которой спала старуха. Она стонала и охала, Тиняков же стучал кулаком в стену, крича:

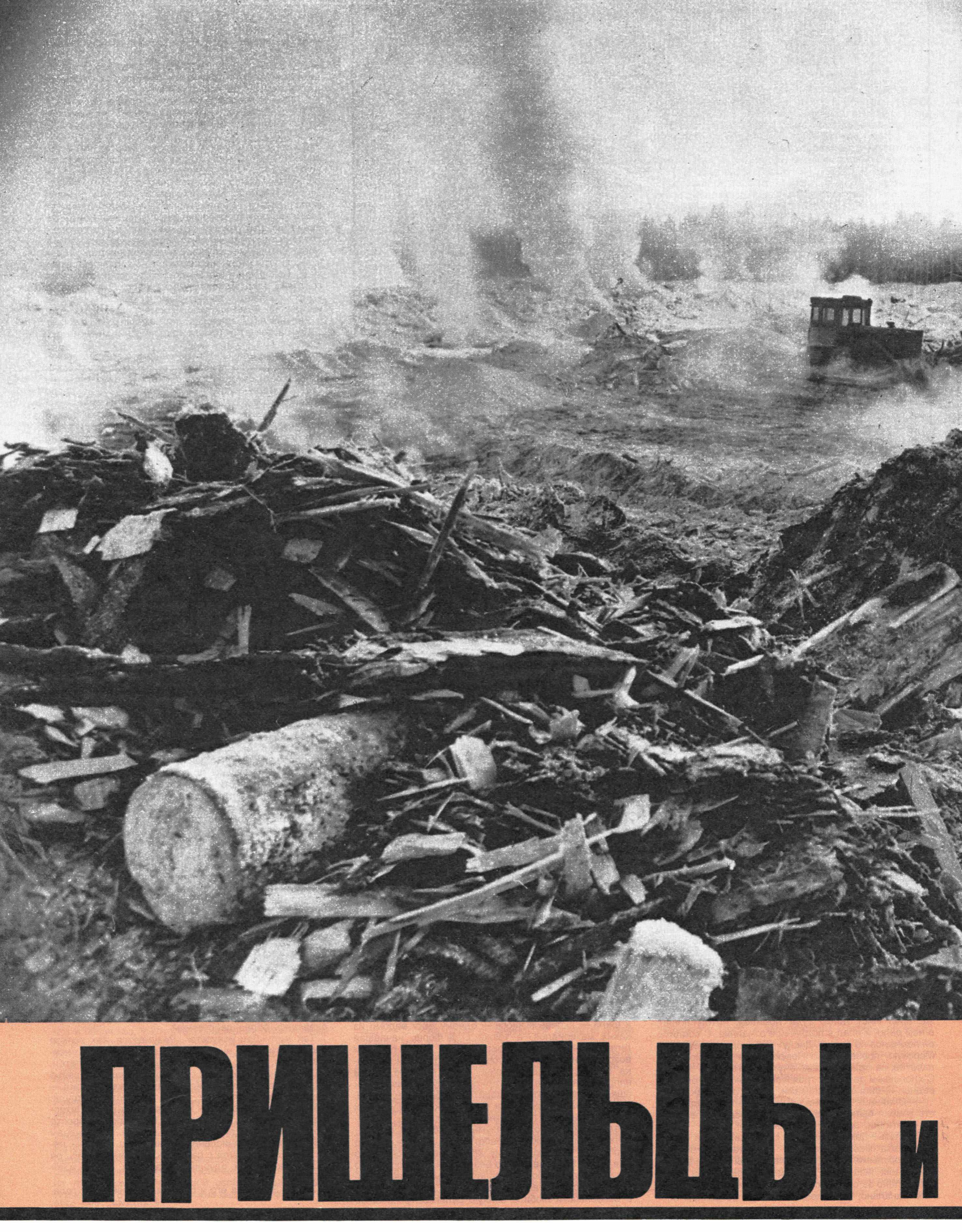
— Заткнись, старая ведьма, мешаешь! Заткнись, тебе говорю, а то вот сейчас приду и тебя задушу...

Прежде чем закончить этот очерк, вернемся еще раз в елисеевскую квартиру. Было в ней несколько комнат, расположенных в разных этажах и как бы выпадающих из основного плана. Так, из главного коридора шла деревянная винтовая лестница в верхний этаж. Поднявшись по ней и миновав нечто вроде маленькой гимнастической залы, попадали в бывшую спальню домовладельцев, занятую Виктором Шкловским. Этажом ниже коридора, в просторной, но несколько мрачной комнате, отделанной темным дубом, жила баронесса В. И. Икскуль, к которой не всем был доступ, но которая умела угостить посетителя и хорошим чаем, и умной беседой — по большей части воспоминаниями о своей долгой и хорошо наполненной событиями жизни. Не раз я ее уговаривал записать или продиктовать хоть отрывки, но она только махала рукой и отмалчивалась с горьковатой улыбкой. В противоположном конце квартиры имелась русская баня с предбанником; при помощи ковров ее превратили в уютное обиталище Гумилева. По соседству находилась большая холодная комната Мариэтты Шагинян, к которой почему-то зачастил старый, седобородый марксист Лев Дейч. Мариэтта была глуха. С Дейчем сиживали они, тесно сдвинув два стула и накрывшись одним красным байковым одеялом. «Я его учу символизму, а он меня — марксизму»,— говорила Мариэтта. Кажется, уроки Дейча оказались более действенны.

Так жил «Дом искусств». Разумеется, как всякое «общежитие», не чужд он был своих мелких сенсаций и дел, порой даже небольших склок и сплетен, но, в общем, жизнь была очень достойная, внутренно благородная, главное же — как я уже говорил — проникнутая подлинным духом творчества и труда. Потому-то и стекались к нему люди со всего Петербурга подышать его чистым воздухом и просто уютом, которого лишены были многие. По вечерам зажигались многочисленные огни в его окнах — некоторые видны были с самой Фонтанки,— и весь он казался кораблем, идущим сквозь мрак, метель и ненастье.

За это Зиновьев его и разогнал осенью 1922 года.

14 апреля 1939 года.

ПРИШЕЛЬЦЫ и

ПАРМА

Виталий ЕРЕМИН
Дмитрий ДЕБАБОВ (фото)

В начале века не было никакого лесоохранного закона. Сами лесорубы по доброй воле оставляли по берегам каждой реки, речушки, ручья лесные водоохранные полосы шириной в две версты. Чтобы не разрушались берега, не пересыхали ручьи, не мелели реки. Сегодня оставляют в лучшем случае 200-метровые полосы.

Не так давно было найдено бронзовое изображение солнечного календаря, относящегося к XII веку, когда коми находились в даннических отношениях с Великим Новгородом. Год начинался с весеннего равноденствия и делился на периоды. Период медведя, оленя, горностая, россомахи, лося, выдры, белки, куницы. И существовавшая тогда промысловая мораль запрещала начинать охоту, прежде чем закончится выводковый период того или иного зверя.

Собаке, замеченной с зайчонком в зубах, давали отраву. Охотника-браконьера награждали презрительным прозвищем. А если продолжал шкодить, наказание было строгим. В рукава просовывалась палка и крепко привязывалась. В таком положении выбраться из глухой тайги было невозможно.

Промысловая мораль охватывала не только животный, но и растительный мир. Парма (так на языке коми называется тайга) была главным языческим идолом и считалась священной. Никто не смел брать у пармы зверя, птицу, ловить рыбы больше, чем воспроизводится. Никто не рубил ни одного лишнего дерева. Неписаный закон требовал: бери у пармы, но знай меру. За соблюдением промысловой морали следило все население, каждый отдельный человек.

В мае 1984 года, в день открытия одного важного совещания, за Владиславом Борисовичем Лариным пришли два милиционера и отвезли в психиатрическую больницу. Пробыл он там всего две недели и был выписан с диагнозом «психически здоров» только благодаря своей предусмотрительности. Письмо Ларина с предположением, что с ним могут сделать, опущенное им в почтовый ящик тем памятным утром, хоть и с опозданием, но попало к первому секретарю Коми обкома партии, и тот принял меры.

Кому было выгодно объявить Владислава Ларина, заведующего лабораторией лесоведения Коми научного центра, сумасшедшим — это тема отдельного разговора. Но чем он так испугал? Тем, что хотел выступить на том важном совещании и вместо привычного «одобряем» бросить кое-кому в лицо обвинения в самых настоящих экологических преступлениях. Прочел слова К. У. Черненко о том, что не надо молчать и лицемерить, принял их всерьез и ни от кого не скрывал, что собирается выйти на трибуну, даже если ему не дадут слова.

Сохранилась часть выступления, которое подготовил Ларин.

«Мы до сих пор безмятежно купаемся в лесном сырье. Наше сознание развращено хвастливой уверенностью, что наша страна сказочно богата «зеленым золотом», что у нас половина мировых запасов самого ценного хвойного леса...

Причем наша расточительность буквально планируется. Госплан РСФСР вынуждает лесодобывающие ведомства вырубать ежегодно сверх расчетной лесосеки свыше миллиона кубометров древесины. Но если вы придете в Госплан и спросите, зачем они это делают, вам ответят: виноваты не мы, а безобразная организация труда лесозаготовителей. Из десяти спиленных деревьев до потребителя доходит в виде конечной продукции не более пяти. Остальное бросается в лесосеках, тонет в реках, гниет на складах, валяется вдоль дорог... Лиственная древесина пользуется меньшим спросом, поэтому ее вывозят с делянок в последнюю очередь, а то и вообще бросают, и чтобы лесная охрана не наложила штраф, распиливают на части, закапывают, сжигают. По нашим подсчетам, за годы одиннадцатой пятилетки в лесосеках оставлено около 175 миллионов кубометров лиственной древесины.

А вот какова судьба пользующихся преимущественным спросом хвойных деревьев. Каждый леспромхоз работает под лозунгами: добудем столько-то тысяч кубометров в самые сжатые сроки! Выполним и перевыполним обязательства по сверхплановой добыче! Но вот обязательства выполнены, планы перевыполнены, премии получены, и немалые, страсти поутихли, и что же мы видим? Сотни тысяч кубометров не обработанной для хранения древесины остаются не вывезенными с верхних складов, расположенных в верховьях таежных рек, и ожидают иногда отправки годами.

Страшно то, что мы берем от пармы больше, чем она может воспроизвести. В некоторых районах спелых лесов осталось всего на 15—20 лет. Вместо того чтобы передавать парму потомкам по наследству, мы берем ее в долг. И уже задолжали не только детям, но и внукам.

Впрочем, долг, наверное, не то слово. Раньше экологическим сознанием народа управляла промысловая мораль, определенные рамки поведения были по отношению к парме. Теперь они отброшены. Мы не в долги влезаем. Мы занимаемся самым настоящим экологическим вредительством...»

Ему не дали тогда сказать, заткнули рот, как затыкали рот многим другим. И сегодня Ларин говорит мне с болью о том, что не смог сказать тогда.

— Ведь лес — это прежде всего среда обитания всего живого. Затонувшая древесина гниет, уменьшая в воде содержание кислорода. За последние 15 лет в бассейне реки Мезень уловы семги снизились в 15 раз. Уловы рыбы в реке Вычегде упали в три раза. В Печоре, считающейся самой экологически чистой семужьей рекой Европы, уловы семги, чира, пеляди, нельмы снизились в два раза. Частично или полностью утратили рыбохозяйственное значение реки Воркута, Колва, Кожва, Ижма, Вуктыл, Локчим, Елва. Ухта уже практически мертва. Уловы рыбы ценных пород составили в 1987 году, вы не поверите, всего 25 тонн. За восемь месяцев 1988 года выловлено 18 тонн.

Но самое непоправимое происходит с образом жизни, психологией и нравами таежного населения. Раньше основным занятием коми была охота и рыболовство. За последние двадцать лет число охотников сократилось в двадцать раз. А на кого охотиться?!

Вы спросите, а чем же занимаются оставшиеся в таежных поселках люди? Некоторым нашли такую работу. Бродят коми по берегам, сталкивают в воду прибитые волнами бревна. За последние пять лет собрали 900 тысяч кубометров затонувшей древесины. А в свободное время... Коми остаются детьми природы. Река притягивает, как магнит, а ловить рыбу нельзя. Ловят, конечно, потихоньку. А вечером зажигают костры, заливают душу кто чем горазд... Не знаю уж, чем закусывают: на полках ларьков-то шаром покати.

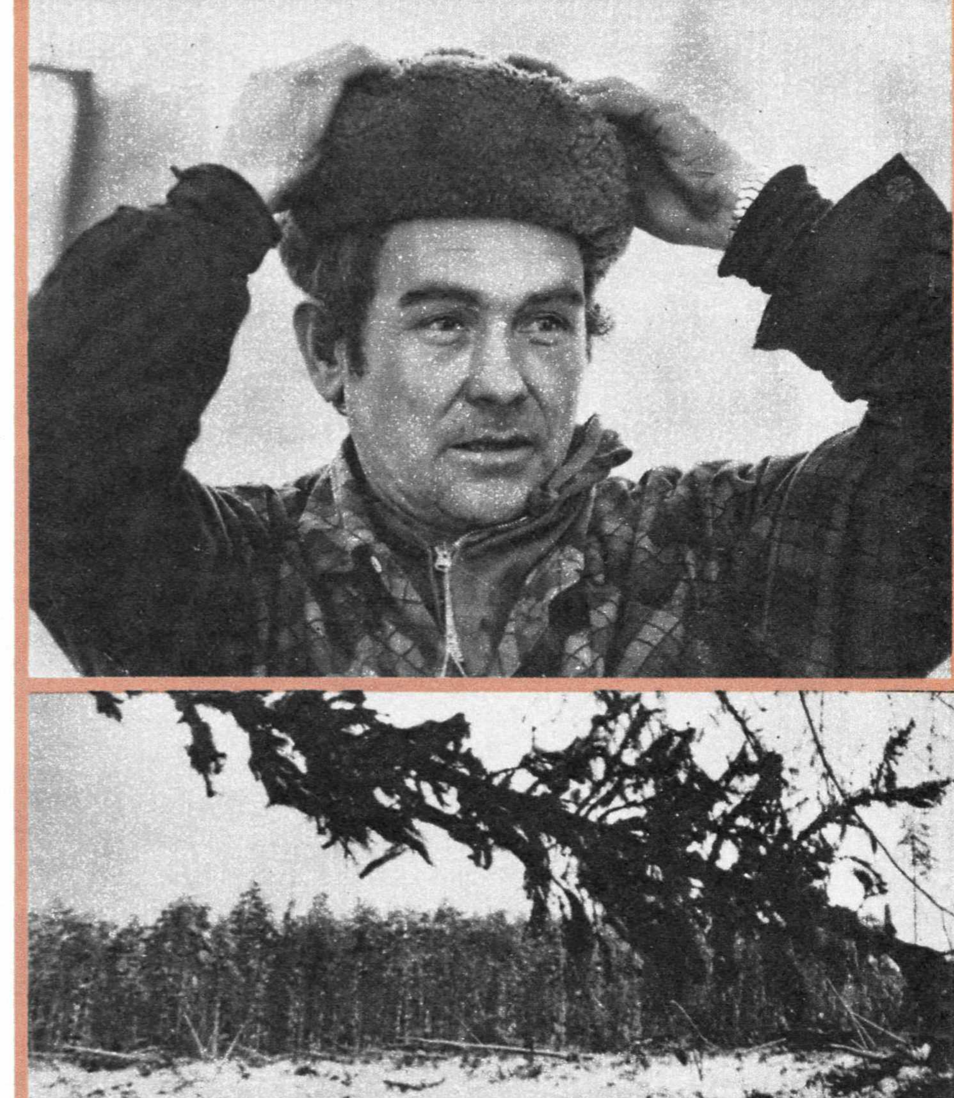
А теперь нам пора выяснить, куда же смотрят местные власти.

Заместитель председателя Едвинского поселкового Совета С. Н. Ложников говорил мне: «Лесное «учреждение», как здесь называют колонии, делает для поселка практически все: ремонтирует дома и дороги, обеспечивает водой, продуктами, электроэнергией...» Я слушал и думал: разве может С. Н. Ложников чувствовать себя настоящим хозяином на территории, доверенной ему населением, если население и он, как представитель советской власти, зависят от ведомственного «учреждения» куда больше, чем лесник от лесопункта?

Не так далеко от поселка Едвы стоит 13-тысячный городок Микунь. Председатель горисполкома Е. В. Лундин, недавний железнодорожный служащий, отказавшийся от более высокой и не такой хлопотной должности, только бы навести порядок в родном городе, человек с твердым характером, говорил откровенно: «Население — сплошь рабочие ведомств: нефтяники, газовики, работники колоний. Каждое ведомство берет то, что ему нужно, но что дает взамен? Две тысячи семей — без квартир. Это в наших-то таежных условиях! Представляете, в каких хибарах ютится народ?.. Очередь на квартиры стоит без движения с середины 70-х годов. И горисполком ничего не может сделать: нет денег. Весной, летом, осенью на улицах непролазная грязь. Улицы надо покрывать асфальтом: денег на это тоже нет.

Да что там какой-нибудь поссовет или горсовет!

«Областной комитет партии,— говорил один из ораторов на недавней XXXVII Коми областной партийной конференции,— сократил аппарат на 30 процентов, в том числе лесной отдел. Встал вопрос: кто же в республике занимается лесом? Обком — нет. Совет Министров — нет. Остались ведомственные интересы: как можно больше

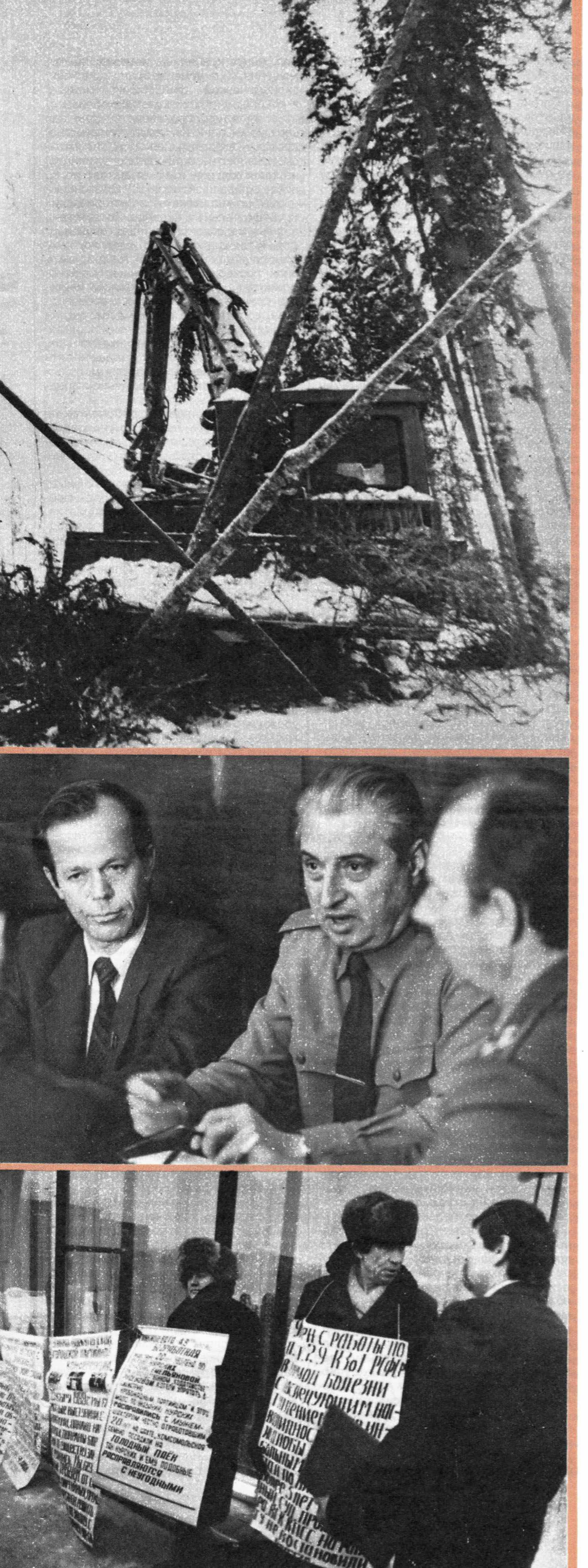

Что творим!

Исчезающая профессия?

Лесное управление МВД: разговор о бережном отношении к природе.

Можно требовать справедливости и так.

выкачать из республики, и подешевле».

Лесной отдел рано или поздно будет создан при Совете Министров Коми АССР. Но получит ли он большую власть, чем прежний лесной отдел обкома? Над самым главным губителем леса, своим же, республиканским ведомством — Комилеспромом?.. Ведь у Комилеспрома — по вертикали — есть более важное начальство — Минлеспром, который спускает госзаказы, дает фонды, лимиты, дотации. Вот у кого была и остается реальная экономическая власть.

...Еще оставалась нетронутой парма на западных склонах Урала. Тамошние ландшафты не уступают альпийским. Остроконечные вершины гор, ледники, глубокие долины и ущелья, бурные реки, водопады, голубые озера, богатый животный мир. В 1971 году совместным постановлением Совета Министров и Коми обкома КПСС этот район был объявлен национальным парком. Была предпринята наиболее серьезная попытка уберечь от хозяйничанья ведомств хотя бы этот заповедный район. Уже была готова смета, штатное расписание для персонала, составлены планы научных и природоохранных работ.

Идея национального парка была провалена. И в самых заповедных уголках уже стоят сегодня «учреждения». Уже ловит лагерная охрана идущую на нерест семгу. А рыбоохрана не смеет даже приблизиться. Запретная зона. Нельзя!

Единственно верный способ освободиться от засилья ведомств — перевести республику на хозрасчет. Об этом прямо заявил на XIX Всесоюзной партийной конференции первый секретарь Коми обкома КПСС В. И. Мельников. И вот я спрашиваю то в одном, то в другом отделе обкома партии как это мыслится?

А мне говорят: идите в Коми научный центр, разработка концепции, модели и методологии республиканского хозрасчета поручена ученым. Но и ученые, как выяснилось, пока что не знают, что делать, с чего начинать.

— Я точно знаю только одно. От подчинения республиканских интересов общегосударственным нам никуда не уйти,— сказала экономист Г. А. Князева.— Да в этом и нет необходимости. Страна тоже дает нам немало: продовольствие, товары массового спроса. Нужно только добиться, чтобы лесодобывающие ведомства были заинтересованы в соблюдении экологических норм и проведении лесовосстановительных работ. Выход тут один. Время выспевания леса около 150 лет. Вот на этот срок и отдавать его в аренду.

Легко сказать. А где методология подсчета, сколько может стоить гектар леса? Где-то местность заболоченная, а где-то не уступит альпийскому ландшафту. Значит, и стоимость будет разной. Наконец, гектар леса — это не только деревья, но и растения, грибы, ягоды, птица, зверь, целебные травы, таежный воздух.

И не будем наивными. На какой бы срок не арендовало ведомство землю, едва ли оно будет относиться к ней похозяйски бережно и любовно. Скорее напротив, станет выжимать из нее все соки. И выжмет — до конца арендного срока — все до капли.

Читатель, наверное, уже понял, что республика Коми — необъятное поле деятельности для каждого, кто хотел бы заняться честным бизнесом в парме, где за каждую копейку гнус возьмет кровью.

Возьмем хотя бы те же отходы лесозаготовок. Знаете, сколько их образуется за год в целом по республике? Около полутора миллионов кубометров! Это не считая сучьев и хвои — зеленой массы.

Одна тонна переработанной хвои, используемой в парфюмерной промышленности, стоит на Западе четыре тысячи долларов. Безотходное производство позволяет получать продукции с каждого гектара на десять тысяч инвалютных рублей. Западные фирмы численностью 10—12 человек получают из отходов лесодобывающей отрасли 73 вида продукции. За точность цифры ручаюсь. Но перечислить наименования не берусь. Не знаю. И никто не знает. Даже экономисты Комилеспрома.

Вот такие перспективы честного кооперативного бизнеса. Но попробуйте к ним приблизиться. Проблема первая — оборудование. В стране, по крайней мере в Коми, его нет. Купить это оборудование можно только на валюту. Но где ее взять? Ладно, предположим, нашли чем заплатить, купили. Проблема вторая — технология. Ее надо как-то перенять. Если утилизацией отходов заниматься всерьез, надо идти на создание международных кооперативных фирм, и прежде всего сотрудничать с теми странами, которые добились в этом бизнесе самых впечатляющих успехов. Я имею в виду Финляндию, Японию, Канаду. Но как к этому отнесется МВД?..

От Котласа до Воркуты железнодорожная магистраль проложена через леса и болота, ровно, словно по линейке. Но к столице республики Сыктывкару идет короткое ответвление. Там конец рельсам. Тупик. После того, что мы узнали о Коми, можно ли усматривать в этом железнодорожном тупике некий символ? Грешным делом, была у меня такая мысль. Уж слишком много здесь примет, которые всюду режут глаз и колют сердце.

Но есть и другие приметы.

В республике начинают понимать самое главное. Невозможно прекратить насилие над природой, не прекратив насилия над человеком. Нельзя только призывать к восстановлению экономических, политических прав. Нельзя призывать к обретению чувства ответственности, не предоставляя реальной возможности проявлять эту ответственность. Гражданин, обреченный властью на политическую немоту, не может быть нравственным.

Внутрипартийная жизнь в Коми республике приобретает черты цивилизованности: низы не боятся сказать партийным верхам все, что они думают, а партийные верхи не боятся сказать, сколько, увы, продолжает ломаться дров. И этот нелицеприятный разговор публикуется почти без сокращений, читается всем населением.

Многие здесь поняли, что, прежде чем начать высвобождение из-под гнета ведомств, надо освободиться от местной руководящей серости, от проявлений грубости, равнодушия, пренебрежения общественным мнением, от неприкрытой демагогии. На улицы Сыктывкара вышли демонстранты.

Вы думаете, их разогнали? Нет, демонстранты благополучно высказали в мегафон все, что накипело. А потом первый секретарь обкома показал пример идеологической терпимости. Сам пришел на собрание представителей недовольной, обеспокоенной общественности. И хотя кое-кто из сидевших в президиуме пытался общаться в привычном жанре монолога, диалог все же состоялся.

Но то было прошлым летом... За минувшие месяцы мы многое поняли. В особенности то, что одними демонстрациями и смелыми речами проблем не решить. А как действовать дальше, пока не знаем. И как всегда в трудную минуту обращаемся к Ленину. «Если государство... действительно демократическое...— писал он,— то собственность его на землю нисколько не исключает, а напротив, *требует* передачи *распоряжения* землей, в рамках общегосударственных законов, местным и областным органам самоуправления».

Ленинский совет очень точен: прежде всего надо **сделать государство действительно демократическим.** Другого ключа к решению проблем (в том числе экологических) нет.

СТРАТЕГИЯ ОБНОВЛЕНИЯ

Начало на стр. 6.

иметь при нынешнем уровне производства, развития науки. Какими товарами можно пользоваться, каким жильем можно обладать. Какие ошибки не нужно делать».

В 1929 году у нас не было ни своего, ни чужого опыта. Знали одно: либо можно жить, как в 1921—1922 годах, умирая от голода, либо более или менее перебиваясь, как говорится, с хлеба на квас. О хорошей жизни мы вообще представления не имели.

Сегодня совершенно иная ситуация. Мы не можем сейчас отгородиться от воего мира. Построить новый железный занавес уже нельзя. Через несколько лет мы будем свободно смотреть телевидение с Запада. Все это создает совершенно иную ситуацию. Поэтому прямое повторение прошлого исключено. Могут быть всякие зигзаги в нашей истории, будут приливы, отливы. Прогресс никогда нигде в мире не развивался по прямой. Могут быть даже какие-то попятные движения, тупиковые варианты. Но в принципе вопрос стоит так: либо быть отброшенными во второразрядные или третьеразрядные державы, либо пойти на радикальное обновление и двигаться вперед.

— Кто может стать гарантом такой перестройки?

— Я считаю: союз высшего политического руководства страны, прогрессивно мыслящих ученых, деятелей культуры и, скажем условно, средств массовой информации. На сегодняшний день это уже достаточно серьезное и реальное явление, которое, пожалуй, впервые образовалось в нашей стране. Согласен, оно еще достаточно хрупко, ранимо, но союз этих трех элементов — не знаю, каким понятием это все объединить,— дает какие-то основания для ожиданий. Не быстрых, не скорых, не прямолинейных, но стратегических, безусловно. Разумеется, успех будет гарантирован лишь по мере включения в процесс перестройки широчайших масс.

— Но это явление имеет как бы надстроечный характер. Мне же хотелось повернуть наш разговор к чисто экономическим проблемам. Какие из них, на ваш взгляд, наиболее острые, требующие безотлагательных решений?

— Одна из самых серьезнейших, до сих пор не оцененных в должной мере,— это сложившаяся в конце двадцатых — начале тридцатых годов концепция, в соответствии с которой экономический успех отождествлялся с темпами роста. На этот период падает отказ от нэпа, составление первого пятилетнего плана, коллективизация. Специфика той поры выработала представление: рост и темпы роста — синонимы успеха. В отсталой стране, едва поднявшейся после военной разрухи, нужно было на голом месте создавать современную металлургию, машиностроение, тракторную, авиационную и автомобильную промышленность. На том этапе такое понимание успеха было логичным. Оно было тем более оправдано, что до тридцать первого года в стране существовали безработица, биржи труда, аграрная перенаселенность. Все это обусловило ориентацию на сугубо количественный рост, экстенсивное развитие. Лозунг того времени: догнать и перегнать передовые капиталистические страны Европы, а затем и Америку по производству важнейшей продукции.

— Тогда мы даже начали выпускать металлорежущие станки серии «ДИП» — аббревиатура лозунга «Догнать и перегнать!»...

— Но чем дальше шел этот процесс, тем все больше достигнутые результаты становились неадекватными затратам, достижениям передового технического уровня, качеству, оптимальной структуре производства. В конечном счете ориентация на количественный рост породила своеобразную психологию, если хотите, философию, пресс которой мы ощущаем на себе поныне. Это ставка на экстенсивные методы развития; стремление увеличивать добычу и производство ресурсов: угля, железной руды, цемента, нефти, древесины; желание вовлекать в производственный процесс дополнительную рабочую силу. В 1987 году мы были на первом месте в Европе по всем важнейшим видам промышленного и сельскохозяйственного производства. Но стала ли наша жизнь лучше? В том же году мы больше всех в мире добыли нефти, природного газа, железной руды, произвели чугуна, стали, кокса, сборного железобетона, обуви, сахара, металлорежущих станков, обошли всех по грузообороту железнодорожного транспорта. Мы перегнали Америку по всем этим пунктам, и все продолжаем гнать, гнать, гнать, часто не задумываясь всерьез ни о качестве, ни о запросах человека, ни о том, сколько вообще всего этого добра нужно. Мы не хотим понять, что можно лучше удовлетворять потребности с меньшим объемом производства. Что с меньшим объемом проката можно полнее удовлетворять потребности в нем нашей промышленности, если катать не однообразный профиль, который после приходится перегонять в стружку, а делать просто более точный сортамент.

— То есть, условно, вместо пятисот его видов выпускать две тысячи...

— Да, две тысячи. Отходов станет меньше, и проката в тоннах нужно меньше. Если я уменьшил количество проката в тоннах, мне потребовалось меньше стали, меньше стали — меньше чугуна, угля и железной руды, меньше объем перевозок на железнодорожном транспорте, меньше станков, которые снимают стружку, меньше электроэнергии, которая крутит эти станки. И может оказаться, что в интенсивной экономике снижение объемных показателей может свидетельствовать об улучшении. Но все у нас повязано на вале, на тоннах. Психология, в том числе.

Из валового подхода выросла проблема диспропорций. Поскольку нагоняю объем, я задаюсь этим объемом, у меня не хватает ресурсов. Чтобы увеличить ресурсы, я опять начинаю накручивать: мне надо построить новые рудники, шахты, заводы. Когда я начинаю строить, у меня не хватает строительных мощностей, и я начинаю расширять строительные мощности: у меня не хватает металла для того, чтобы их произвести. Каждый раз, стараясь заткнуть одну дефицитную дыру, мы пробиваем дополнительно еще несколько. Это порождает все более глубокие диспропорции.

Погоня за количеством отодвинула на второй план проблему качества — обеспечить одновременно и то и другое невозможно...

— Но вы говорите о вещах довольно очевидных, неужели мы не готовы к их пониманию?

— Не готовы ни психологически, ни идеологически. Никак. И не преодолев это непонимание, мы не сможем идти дальше. То, что я сейчас говорю, не открывает Америку. Много говорилось в печати с высоких трибун о необходимости структурного маневра. Я говорил об этом на XIX партконференции: мы поставили две несовместимые задачи — структурной перестройки и технического перевооружения, с одной стороны, и ускорения, понимаемого в чисто количественном плане, с другой. Эти две задачи в принципе несовместимы. Вроде бы ясно. Но начинается работа по пересмотру некоторых заданий пятилетки, и все идет по-старому. Чем мы жертвуем? Качеством. По привычке.

Выражаясь шахматной терминологией, жертва качества оказалась некорректной. Нам остро нужна смена приоритетов. Это потребует в первую очередь очень большой психологической перестройки.

Ведь что у нас получилось? За первые два года нынешней пятилетки мы вышли на заданный уровень в промышленности примерно один к одному: 8,9 процента роста было по плану, за два года мы их и получили. Но! Перевыполнили по группе «А» и недовыполнили по группе «Б». Поэтому сложилась совершенно противоположная структура. Мы недовыполнили план по машиностроению и перевыполнили по топливно-сырьевым отраслям. Это то, что называется утяжелением экономики, экстенсивной ориентацией и так далее. Только в 1988 году произошел сдвиг в сторону опережающего роста группы «Б», хотя годовой план по производству товаров народного потребления не был выполнен. Так что рост сам по себе не решает проблем.

— И, как вы сказали, не ликвидирует дефицит...

— А дефицит, как показывает опыт, ведет к увеличению потерь. Казалось бы, мало ресурсов — они будут расходоваться бережно, экономно. Но в жизни все как раз наоборот. Возьмем хотя бы чисто бытовой пример. При дефиците мясных продуктов все стремятся купить мяса впрок. Оно вымораживается, пересыхает, неизбежно что-то портится, выбрасывается. При нормальном же снабжении каждый покупает столько, сколько ему нужно сегодня, потому что завтра он может купить столько, сколько потребуется завтра. Вы не берете на всякий случай все, что только «выбросили» в продажу.

— Выходит, та скверная ситуация, когда на складах наших предприятий скопилось сырья и материалов на 470 миллиардов рублей,— тоже результат дефицита?

— Конечно. Десятилетия дефицита выработали целую философию накопительства про черный день. И сырье, которое шло на склад, только обостряло дефицит еще больше.

— А если попытаться эти условные рефлексы переломить не только штрафами за сверхнормативные запасы, не только грозными постановлениями, приказами, но и чисто экономическими рычагами — рыночными, допустим. Подкрепив их зарубежным опытом, японским, например. Ведь эта страна, практически не располагая никакими природными ресурсами, вышла на одно из ведущих мест в мире по валовому национальному продукту...

— У них совершенно другая, несравнимая с нашей структура производства. Оно отрегулировано так, что все детали, поступающие на конвейер, поступают от поставщика синхронно, с колес, минуя хранилища и складские помещения. Тут дело не столько в иной экономической философии, сколько в совершенно иной культуре производства. Культура производства для нас сегодня — один из самых больных вопросов и в промышленности, и в сельском хозяйстве, в сфере обслуживания, на транспорте — нам не хватает ее во всех сферах экономики. Объяснение этому можно искать в исторических и национальных корнях, отсутствии школы массово-фабричного производства и так далее. Я обсуждал эту тему со специалистами. Они говорят, что если построить современный машиностроительный завод на голом месте, где раньше не было такого производства, допустим, в Средней Азии, то для формирования кадрового состава, обеспечивающего современный уровень технологии, потребуется двадцать пять лет. Нельзя просто набрать молодых ребят и пустить на современное предприятие.

— Хотя там избыток рабочей силы и, казалось бы, легко можно разрешить сразу два вопроса: пустить новое производство и занять рабочие руки...

— Казалось бы... Недавно я побывал на одном подмосковном заводе. Прекрасное современное предприятие, с очень высокой культурой производства. Когда я стал расспрашивать, мне сказали, что в 1941 году сюда была эвакуирована большая группа ленинградских инженеров. Благодаря им тут и сложилась особая производственная атмосфера, инженерная культура. Одна из самых наших крупнейших трагедий — отсутствие достаточно высокой инженерной культуры...

— Я думаю, это начинается с быта...

— Да, и с быта тоже. Сейчас я много размышляю на эту тему. И все больше убеждаюсь, что нельзя прийти к положительным результатам, пока не будет решен и этот вроде бы мелкий, но чрезвычайно острый вопрос: культура быта, культура человеческого общения, культура труда, технологическая культура. И нужно как минимум целое поколение, чтобы накопить все эти качества. И то, если не сидеть сложа руки, а упорно работать в этом направлении.

Нужно поколение, выросшее в условиях нового мышления. Сегодня большинство наших программ идет от вчерашнего дня, они основаны на методе латания дыр: нет продовольствия — надо больше продовольствия, не хватает жилья — надо больше жилья. У нас преобладает тактическое мышление над стратегическим, локальное — над народнохозяйственным. Нужны люди с иными взглядами...

— Что вы имеете в виду под локальным мышлением?

— Мышление на уровне частностей. Мы можем принять прекрасные решения о развитии железнодорожного транспорта или о строительстве комбикормового завода. Но они могут не стыковаться с другими, касающимися, допустим, объема грузооборота или производства зерна в стране. Каждое министерство имеет свое представительство в Госплане...

— Своего рода лобби...

— Да, лобби... Оно и «пробивает» свое решение, как очень важное, прекрасное, перспективное. И так во всем: по социальным вопросам, по медицине, по школьной реформе, по железнодорожному транспорту, машиностроению, товарам народного потребления и так далее. Масса локальных решений, без предварительного определения общей хозяйственной структурной политики.

Мы регулярно выносим решения по подготовке к весенним полевым работам, по подготовке к севу, уборке урожая, зимовке скота, заготовке кормов и прочая и прочая. Каждый год мы объявляем Москве, что заготовка овощей — это не просто хозяйственный вопрос, а вопрос политический. Вопрос политический, и тем не менее каждый год с овощами в Москве плохо. А реше-

ние проблемы не в очередных призывах, а в иной стратегической концепции.

— Какой, на ваш взгляд?

— Ну, например, столице не нужны овощехранилища в таких объемах, какие она сейчас имеет. Овощи должны храниться в хозяйствах и подвозиться равномерно в город согласно его текущим потребностям. Я понимаю, что нынешняя система пошла от философии коллективизации: если мы все вывезли из колхоза и сложили здесь, в городе, то оно наше, государственное. Оставим на селе — еще не ясно. Там всегда могут разворовать.

— Может быть, эта философия зародилась еще раньше, в эпоху продразверстки?

— Может быть, и раньше. Но тогда это были импульсивные действия, без какой-то платформы, программы, по необходимости, из-за чрезвычайности положения. А вот в эпоху коллективизации такой подход приобрел мировоззренческий характер. И мы поныне не можем это преодолеть в себе. Хотя в принципе ясно, что хранилища в городах требуют миллиардных затрат, ведут к миллиардным потерям, что схема «поле — хранилище в колхозе — магазин» надежна, экономна, удобна...

— По-моему, тут важно и то, что при такой схеме село получает еще рабочие места, так как часть можно перерабатывать на месте, а отходы овощей пойдут не на свалки, а на корм скоту, или возвратятся на поля в виде компостов...

— Все так, но об этом некогда думать, потому что изыскиваются решения по методам угорелой кошки: вы бросьте там о своей стратегии рассуждать, людей сейчас кормить надо, лучше со своими докторами и кандидатами наук помогите разгрузить вагоны или перебрать на овощной базе картошку с капустой.

Вот это и есть образец преобладания тактического мышления над стратегическим, локального — над народнохозяйственным.

— Выходит, и корни высокой затратности нашего народного хозяйства нужно искать все в той же философии, все в той же ориентации на объемные показатели?

— Все оттуда. Нам не важно, нужны какие-то затраты или нет, не важно, сколько требуется станков, металла, нефти, чего-то иного. Главное — темп, темп, темп. Мы сейчас пытаемся найти меры для увеличения выпуска детских товаров или дешевого ассортимента для пожилых людей. Но пока ориентируем легкую промышленность на темпы роста по отношению к прошлому кварталу, году, прошлой пятилетке, ничего не выйдет. Это все равно, что под стены покосившегося дома ставить подпорки, вместо того чтобы строить новое жилище. Наши цели и средства несовместимы. Они не смогут состыковаться, пока сохраняется вал. Любые спасительные меры, любые административные кордоны не помогут.

Выход единственный — поменять ориентацию, отказаться от валовых показателей. Создать, как я уже говорил, резервы, привести в действие механизм рынка.

— Но, согласитесь, на пути к выполнению таких рекомендаций стоит монопольный характер нашего производства. На Западе считается, что когда на четыре ведущих фирмы приходится восемьдесят процентов выпуска какой-то продукции, то это производство монопольное, и оно попадает под действие специального антитрестовского законодательства...

— Польща приняла закон, в соответствии с которым монополией является фирма, выпускающая тридцать процентов рыночной продукции...

— У нас же есть предприятия и объединения, которые единолично дают все сто процентов.

— Вы правы: монопольное производство и рынок несовместимы. Ленин говорил, что любая монополия (подчеркиваю: ЛЮБАЯ!) порождает неизбежно тенденции к застою и загниванию. Поскольку устанавливаются хотя бы на время монопольные цены, постольку исчезают побудительные причины к техническому, а следовательно, и ко всякому другому прогрессу, движению вперед, появляется возможность искусственно задерживать технический прогресс.

Если кому-то нужны доказательства правоты ленинского вывода, то история нашего народного хозяйства — лучшая тому иллюстрация. Тут ведь логика простая: если нет конкурентов и ты один можешь гнать товар, то делать старье тебе выгоднее, чем переходить на выпуск новинки, так как не надо тратиться на новое оборудование, технологию, оплату лицензий. Все возьмут и так: купить-то больше все равно не у кого...

— Да, ситуация похожа на библейскую: подвел Бог к Адаму Еву и сказал: «Адам, выбирай себе жену». Но неужели этого «там» не понимают?

— Уже начали...

Так что среди стратегических мер, которые мы разрабатываем, должна быть специальная общенациональная программа борьбы с монополистическими явлениями. Борьба эта должна быть многообразной, потому что монополия многолика. Сейчас мы с вами обсуждаем ее проявления в сфере материального производства. Но ведь она процветает и в других областях человеческой деятельности. Например, под видом ликвидации параллелизма, дублирования и распыления средств в научно-исследовательских подразделениях мы создали монопольные научные структуры. Экономим на этом копейки, теряем рубли, потому что расходы на создание дублирующих научно-исследовательских институтов значительно меньше выигрыша, который мы получили бы от создания на основе конкуренции более эффективной техники. Необходим закон, в соответствии с которым без конкурсного отбора не может приниматься ни одно крупное научно-техническое решение.

Нужно ликвидировать монополизм в системе распределения доходов и прикреплений. Например, ныне любое предприятие может быть прикреплено только к одному банку, пользоваться только его услугами. Ему нельзя перейти из одного в другой. Нет выбора в использовании своих денежных средств и у отдельных граждан. Плакаты призывают: «Храните деньги в сберегательном банке!» А где я их могу еще хранить? В чулке? Только два этих варианта и есть. Но ведь могут быть предложены и другие. Допустим, можно выпускать акции под пять-шесть процентов годовых для финансирования каких-то строек. Можно было бы направить деньги населения на какой-то целевой заем. Создается, предположим, пансионат для семейного отдыха. Я готов внести пять тысяч рублей, не требуя процентов, чтобы затем в течение десяти лет мне возвращали мой вклад путем предоставления семейных путевок в этот пансионат в удобное для меня время. Уплатил пять тысяч, и мне гарантируют десять лет отдыха с детьми. Мне не нужны проценты, важнее удобства. Если свои деньги, которые мы под два процента хранили в сбербанке, мы отдадим в новые руки, он теряет доходы. Это вынудит его соревноваться, просить меня: я тебе больший процент платить не могу, но зато предлагаю целый набор разнообразных услуг: ты можешь по телефону выполнять какие-то операции, производить автоматически коммунальные платежи... То есть ликвидация монополии сбербанка заставит соревноваться его за рубль клиентов. А у них появляются новые каналы использования сбережений.

Должна быть разрушена монополия и в финансово-кредитной сфере.

— Но, по-моему, главная монополия у нас в управлении.

— Да, пока что только аппарату принадлежит право подготовки управленческих решений. Скажем, проекта пятилетнего плана, концепцию его. Даже политическое руководство страны в области экономических решений находится под аппаратом. Допустим, аппарат Госплана представил ему проект, а оно недовольно, возвращает на доработку. Он дорабатывает, но политическое руководство может только редактировать предложенное аппаратом, не меняя ничего по существу.

Я предлагаю альтернативный вариант — отказ от монополии на подготовку управленческих решений.

— Как это должно выглядеть?

— Готовится три концепции пятилетнего плана: одна — Госпланом, вторая — Академией наук, третья — ВЦСПС. Повторяю, без детальных расчетов, только концепции. Представляем все три политическому руководству, и оно выбирает, какую взять за основу...

Я не стану априорно утверждать, что вариант, представленный Академией наук, будет лучшим. Но я уверен, что вариант Госплана в этой ситуации будет на порядок выше, чем в том случае, когда он разрабатывается без конкурентов. Потому что госплановцы, чтобы не оказаться несостоятельными, будут приглашать к себе наших же ученых, советоваться с ними, будут стремиться выяснить у них, какие рекомендации готовит наука, будут пытаться заимствовать лучшее, чтобы создать оптимальный вариант...

— Как быть с монополией в производстве? В свое время мы в каждой отрасли наплодили таких гигантов, что теперь создать им достойных конкурентов у страны не найдется ни средств, ни возможностей. А монополисты ведут себя, как и положено монополистам. При запуске в производство новой продукции изготовитель, а не потребитель осуществляет расчет ее экономической эффективности. Естественно, производитель заинтересован в ее завышении, ибо, чем выше эффект, тем выше и поощрительные надбавки к оптовой цене, значительная часть которых направляется в фонды экономического стимулирования предприятия. Органы ценообразования, являясь частью управленческих структур, не могут проверить обоснованность и достоверность затрат изготовителей, поэтому идут на поводу у последних. Так что потребителю-покупателю в этом безвыходном положении просто некуда податься: монополист в производстве является и монополистом на рынке. С помощью монопольных цен он выколачивает нетрудовые доходы, так как последние не адекватны его трудовым затратам. На колхозных базарах таких монопольных продавцов дефицитных продуктов обычно (и юридически неграмотно) называют спекулянтами, хотя они могут торговать мандаринами, дынями, мясом или творогом своего личного производства. А как назвать государственное предприятие и его коллектив, которые проделывают то же самое? Групповым эгоистом? Но дело не в названии — в сути проблемы, которая наносит ущерб обществу в целом. Пока есть монополия — самофинансирование, самоокупаемость и прочие многообещающие новинки не дадут ожидаемого результата. Минприбор с семидесятых годов работает на этих принципах, но его продукция не стала ни лучше, ни дешевле. Как быть?

— Выход один — установить рыночное равновесие. Надо провести финансовое оздоровление экономики, пойти на разукрупнение производства, где это возможно, на создание параллельных структур. В конце концов, подключить конкуренцию мирового рынка.

— Но при дефиците предложения мы не можем ликвидировать монополию на рынке...

— В этих случаях необходимо ввести меры регулирования: если предприятие является монополистом, запретить ему продавать продукцию по ценам на основе договоренности. Чтобы оно не давило на потребителя. Правда, это не рыночный метод, метод чрезвычайного времени. Но без него не обойтись, пока ситуация не облегчится.

Монополизм — только одна из проблем нашей экономики, и решить ее можно только в совокупности с решением остальных. А для этого в ближайшие два-три года надо принять радикальную программу — я ее называю программой чрезвычайных мер — по оздоровлению экономики и финансов страны...

— Что значит «чрезвычайные меры»?

— Это значит, что научно пойти на какие-то кардинальные решения. Прекратить, остановить строительство ряда дорогостоящих объектов, не дающих быстрой эффективности. Этим самым мы снимем расходы бюджета на эти капитальные вложения, сохраним материальные ресурсы. Надо приостановить осуществление ряда долгосрочных проектов, может быть, даже задержать некоторые социальные программы. Не надо заигрывать с населением, давать ему деньги, которые ничего не стоят, которые не обеспечены товарами. Лучше эти деньги просто не давать, но обязательно объяснить обществу необходимость, вынужденность этих мер...

Словом, нужна программа оздоровления народного хозяйства, очень смелая и радикальная.

— Но если вы проводите чрезвычайные меры, вы должны признать и обстановку чрезвычайной...

— Само собой. Все это взаимосвязано. Нужно объяснить населению трудности, тупиковость развития экономики без принятия чрезвычайных мер. Только при такой открытости можно получить кредит доверия на осуществление этих чрезвычайных мер. Но, откладывая во имя реформы проведение каких-то программ, нужно открыто сказать сейчас: мол, делаем то-то и то-то. Если не справимся в срок, подадим в отставку.

— Вам представляется положение до такой степени угрожающим, что иные меры не поправят дело?

— Иначе бы я не стал в позитивном плане предлагать программу чрезвычайных мер. Особо надо осознать, что нынешняя обстановка возникла не только в результате старых ошибок и решений. Это только часть правды, но не вся правда.

Бесспорно, новому руководству страны досталось крайне тяжелое наследство. Падение мировых цен на нефть и сырье, наши главные экспортные товары, Чернобыль, целый ряд последовавших друг за другом катастроф, землетрясение в Армении — все это не помогало решению насущных проблем, а только усугубляло их. Но, будем честными и принципиальными, помимо всего этого, уже теперь, в последние два-три года, был допущен целый ряд серьезных просчетов, в результате которых выросли несогласованность, несбалансированность экономики, неоправданные денежные расходы...

— Какие серьезные ошибки, по вашему мнению, были допущены в последнее время?

— Главные просчеты связаны прежде всего с нарушением баланса между материальными ресурсами и финансово-денежными расходами государства. Не только предприятия стали тратить много денег, но и государство в целом. У нас в институте подготовлено два графика. Не надо быть специалистом, чтобы понять их суть. Обратите внимание: синяя линия — доходы бюджета от производственной сферы. Красная — расходы на производственную сферу. Всегда доходы превышали расходы, синяя линия шла выше. Но в 1984 году кривые пересеклись, с 1985-го стали расходиться. Причем красная заняла доминирующее положение.

Что это означает? Расходы бюджета — учтите, централизованного бюджета, не предприятий — пошли резко вверх, опережая доходы от производственной сферы.

— Согласно графику, в 1990 году превышение расходов над доходами достигнет 82 миллиардов...

— Теперь посмотрим, как у нас это развивалось. Вот еще один график. Синяя линия — прирост национального дохода, красная — прирост расходов государственного бюджета. Постоянно по пятилеткам росло и то и другое. Но расходы бюджета были всегда меньше, чем прирост национального дохода. Но вот в 1986 и 1987 годах положение изменилось: прирост расходов бюджета стал опережать прирост национального дохода. Тут важны даже не абсолютные суммы, а тенденция. Всегда расходы госбюджета хотя и росли, но укладывались в прирост национального дохода. Был даже какой-то запас. Его можно было оставлять предприятиям, хозяйствам, не забирая весь в бюджет, чтобы они имели возможность крутиться. А вот теперь бюджетные расходы стали не просто расти, но и вдвое обгонять прирост национального дохода. Значит, чтобы покрыть разрыв, мы должны средства либо изымать у предприятий, подрывая основу хозрасчета и самофинансирования, либо... включать печатный станок.

— Подрывая и хозрасчет, и самофинансирование, и научно-технический прогресс, нарушая все денежное равновесие, раздувая инфляцию...

— Мы повторяем ошибки прошлого, которые сами же раскритиковали на XXVII съезде партии. Речь идет о нарушении соотношения производительности труда и заработной платы... Сейчас мы продолжаем действовать старыми методами. У нас за три года пятилетки не выполнен план: по национальному доходу, по группе «Б», по платным услугам. Но перевыполнен: по средней зарплате, по оплате труда колхозников, по выплатам и льготам из общественных фондов потребления. То есть все, что касается денежных выплат, с этим мы справились, там же, где нужно было дать конечные результаты,— увы, не сумели.

— Почему все-таки идет этот процесс? «Вверху», надо думать, понимают, к чему он двигается. Что это — стихия, которую не удается остановить, или просто боязнь сказать: товарищи, подождите платить лишние деньги — их отоваривать нечем?..

— Некоторые объясняют нарушение равновесия бюджета тем, что предприятия стали переходить на хозрасчет, повышать цены. Кооперативы появились и тоже внесли свою лепту в дестабилизацию рынка. Но ведь бюджет — это расходы государства, а не сумма расходов предприятий. Вся беда в том, что мы начинаем рассчитывать бюджет не с того конца: сначала определяем расходы, а потом начинаем под них выискивать доходы...

— Как в детстве в арифметике: смотрим в конце задачника ответ и под него подгоняем свое решение задачи...

— А нужно бы совсем по-другому. У вас есть совершенно реальный доход — вот и не надо выходить за его рамки, нужно жить по средствам. Хочу воспроизвести слова из предвыборной программы партии, принятой в январе этого года на Пленуме ЦК КПСС: «Каждый человек, каждый коллектив, как и все общество, должны жить на заработанные средства». Действовать иначе — значит проедать свой завтрашний день, перекладывать долг на наших детей.

Отрицательно сказались на бюджете и непродуманные меры антиалкогольной политики, которые, кроме нарушений этого равновесия, не дали положительного результата. Нестабильность наших решений — то вводим, например, налоги на кооперативы, то отменяем их и лишь потом находим приемлемые решения — тоже создает обстановку неуверенности.

Посмотрите, что произошло в прошлом году. Обычно мы не выполняем план по розничному товарообороту (с 1971 года по 1987 год он был выполнен лишь дважды), а тут вдруг он вырос сразу на 25 миллиардов рублей по сравнению с 1987 годом. И произошло это из-за нестабильности ситуации, которая привела к ажиотажному спросу. Люди начинают сбрасывать лишние деньги, потому что они боятся денежной реформы, боятся повышения цен, боятся всего, покупают в запас, в задел. По цифрам получается, что розничный товарооборот растет очень хорошим темпом, быстрее, чем в прошлые годы, но все при этом считают, что жить стало хуже.

Как ни парадоксально, и то и другое — правда.

— То есть, одновременное сосуществование и того и другого возможно, хотя кажется, что это взаимоисключающие явления...

— Возможно, но до какого-то предела. После того, как произошла ликвидация запасов, которые лежали на складах, распродали весь сахар на полгода вперед,— это все дает рост товарооборота — объем торговли резко падает. Полки пусты. Хотя, по общей отчетности, временная вспышка покажет рост реализованных доходов населения.

— Но все равно на сберкнижках в начале января 1989 года было 297,5 миллиарда, а три года назад, к январю 1986-го,— всего 220,8 миллиарда рублей. За три года набежало почти 77 миллиардов, что в среднем более двух миллиардов в месяц...

— Если таким темпом могут расти и сбережения и розничный товарооборот, то это значит, что денег столько, что хватает и туда и сюда...

— И еще в «чулок»...

— Сейчас, наверное, в «чулок» не столько оседает, потому что нестабильность, неуверенность заставляют по возможности выплескивать эти деньги на рынок. Их столько на руках у населения, что они могут, как корова языком, слизнуть с прилавка любое количество товара. Принятые Чехословакией защитные таможенные меры — лучшее тому доказательство. Неожиданное и стыдное для нас.

Короче, и здесь обстановка очень напряженная и тревожная. Она требует радикальных мер по оздоровлению, прежде чем переходить к нормальному процессу.

— Что бы вы предложили в качестве таких мер вот сейчас, сегодня, завтра?..

— В общей форме это должны быть меры, идущие с двух сторон: с одной стороны, надо сдержать денежный спрос, с другой — увеличить предложение.

— То есть?..

— Прежде всего мы должны резко снизить расходы государственного бюджета, через который деньги поступают населению. Например, начинаем строить огромные объекты. Продукцию они дадут через десять лет, а зарплату строителям надо заплатить сегодня и обеспечить ее товаром. Сократив объемы таких строек, мы облегчим обстановку на рынке. Надо сократить расходы на военные цели.

Надо прекратить или, во всяком случае, снизить дотацию убыточным и низкорентабельным предприятиям. На это уходит около 20 миллиардов рублей в год. Передать эти предприятия в аренду кооперативам или просто их закрыть — расходы бюджета сократятся на эту сумму. Надо обязательно прекратить выплату незаработанных денег. Возможно, попридержать осуществление каких-то социальных программ.

Сократив строительство ряда объектов, закрыв нерентабельные предприятия, мы избавимся от них, как от потребителей ресурсов. Прекращение государственных дотаций убыточным предприятиям заставит их в условиях хозрасчета более тщательно считать деньги, не приобретать то, что не нужно. Характерна картина, которая получилась с тракторами и комбайнами, когда колхозы и совхозы, более или менее почувствовав хозрасчет, отказались покупать лишние машины. На этой почве даже возникла проблема сбыта некоторых видов сельхозмашин, наметилось сокращение их производства. Надо снижать выплату денег за ненужную продукцию...

— С сокращением оплаченного спроса ситуация понятна. А каким путем можно резко увеличить предложение?

— Тут существует несколько путей. Могут дать заметный прирост продукции кооперация, аренда. Надо перевести на выпуск гражданской продукции часть предприятий военного сектора. Но сделать это не чисто административным нажимом, а разбудив экономический интерес. Можно пойти на снижение цен залежалых товаров и тем самым включить их в оборот, получить реальные деньги, а не тратить средства на хранение. Без уценки они могут навечно стать мертвым капиталом. Для решения проблемы розничного рынка можно частично использовать внешнюю торговлю. Прежде всего путем структурной перестройки импорта. Например, снизив частично закупки зерна, на освободившиеся средства можно купить товары, которые пользуются повышенным потребительским спросом и имеют высокие валютные коэффициенты. Есть товары, которые за один инвалютный рубль дают два рубля в розничной торговле, а есть, что приносят десять, пятнадцать, двадцать рублей. Словом, ограничив закупки одного и увеличив закупки другого, чисто структурным маневром, не включая дополнительную валюту, не беря кредиты на Западе, можно значительно улучшить ситуацию на рынке.

Возможна и такая мера. Выбросить в рыночный фонд часть стройматериалов: кровельное железо, кирпич, стекло, цемент. Пустить в продажу тракторы, сенокосилки, готовые щитовые дома, средства для механизации домашнего труда — те вещи, которые пользуются спросом и которые можно дать без дополнительных капвложений.

Естественно, не в один день, а, допустим, в два-три года такой маневр сможет стабилизировать рынок. Это пробудит у человека желание зарабатывать. Сейчас люди к этому не стремятся, потому что рубль резко обесценивается. Да и купить на него то, что необходимо, трудно.

Есть еще много других мер. Я не говорю об алкогольных, сейчас не очень популярных. Но и они могли бы стать фактором, который помог бы вернуть деньги государству, и довольно крупные, забрав их у самогонщиков.

— А как же все это внедрить в жизнь?

— Первое заседание Съезда народных депутатов СССР должно, на мой взгляд, рассмотреть программу финансового оздоровления народного хозяйства. Это будет конкретный вопрос для обсуждения. Заручившись поддержкой высшего законодательного органа государства, правительство сможет смело проводить эту программу в жизнь.

В этом случае мы можем выиграть, как минимум, целый год. А это очень важно, так как без экстренных мер ситуация и дальше будет ухудшаться.

Если мы не оздоровим экономику к началу 1991 года, то мы потеряем следующую пятилетку, так как будем вынуждены разрабатывать ее старыми методами. А потом найдется немало доводов для ее сохранения: нельзя, мол, в сложной ситуации менять пятилетний план, подождем до следующего, и так далее.

Съезд народных депутатов СССР, обладая высшими полномочиями, может изменить план и бюджет даже в том случае, если они уже приняты.

Михаил ЗАРАЕВ
Марк ШТЕЙНБОК (фото)

ХРОНИКА СЫТЫХ ГОРОДОВ

АППАРАТНЫЕ ИГРЫ ВОКРУГ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОДУКТОВ

Может ли быть оазис в пустыне наших продовольственных бед, может ли существовать нормально снабжаемая отдельно взятая область в плохо снабжаемой стране? Может ли одна область вырваться из плена всяких объективных причин и решить у себя продовольственную проблему? Казалось бы, и сомнений здесь быть не должно.

Ведь уже в начале двенадцатой пятилетки начал действовать новый порядок взаимоотношений центральной и областной власти. Каждая вывозящая мясо ли, молоко ли область получила твердый план поставок в союзно-республиканский фонд с разбивкой по годам до конца пятилетки. Все, что осталось, где бы ты ни произвел продовольствие — в общественном или личном подсобном хозяйстве,— ешь сам.

Считалось это шагом на пути к экономической самостоятельности, попыткой совместить интересы центральной и местной власти, грубо говоря, брюхом заинтересовать в достижении конечного результата аграрного производства. Не волевые ежегодные перераспределения плановых цифр, не отбор у преуспевшего в пользу отставшего, не продразверстка, а продналог — уже в 1986 году область знает, сколько мяса и молока она вывезет за свои пределы в 1990-м, и, стало быть, она должна хозяйствовать так, чтобы оставить их у себя в достатке. Лучше сработал — больше съел.

И вот уже в продовольственных хрониках страны — устных да и в газетных — пошли вести о снижении рыночных цен то в одном, то в другом городе. То вроде Волгоград подошел к трехрублевому рубежу, то Белгород. Времена настали такие, когда гнев народный колеблет кресла хозяев областей. В судьбах бывших сахалинского, астраханского первых секретарей пустые прилавки сыграли немаловажную роль. И потому продовольственные дела в публичных выступлениях местных руководителей — «во первых строках». Мечта каждого — объявить о сытой жизни подведомственного ему населения. Вот оно, мясо и масло,— на прилавках. Заработанное, произведенное в области, а не присланное...

В прошлом году побывал в Липецке. Еще до приезда знал: город по российским меркам относится к числу сравнительно благополучных в продовольственном отношении. Вернувшийся оттуда приятель рассказывал: «Четыре сорта сыра! Я в Москве обошел в своем районе несколько магазинов, едва «Российский» купил. А у них — четыре сорта». Нынешней зимой оснований для подобного энтузиазма было куда меньше. «Исчезли сыры,— сообщают липецкие друзья.— Разве что изредка «выбрасывают». Но масло бутербродное, яйца, куры — постоянно. Мяса в государственной торговле нет. Ветчинно-рубленая колбаса бывает». Несмотря на весь спектр классических бытовых эвфемизмов — «выбрасывают», «бывает», отражающих оттенки нашего продовольственного снабжения, думается, Липецк и по сей день живет несколько сытнее других городов. Как им это удается? Пошел по магазинам. Торгуют здесь чисто и умело. В бакалейных отделах гречки, правда, не увидишь, но то, что есть — рис, пшено и другие крупы,— выложено, выставлено. В овощных отделах весь положенный набор — картошка (не крупная, но и не гнилая), капуста, морковь, свекла, лук, чеснок. Все расфасовано, лежит в контейнерах.

А мяса в государственной торговле как не было, так и нет. В остальном — обычные наши дыры в ассортименте, может быть, не такие огромные, как в других местах, однако в других-то местах и то, что имелось, выглядело куда хуже... А здесь товар подавали лицом, подобно хозяйке, которая сервировкой стола пытается восполнить недостаточное разнообразие блюд.

Решил посмотреть, как живет-кормится не только областной центр. Отправился в самый отдаленный город, несколько десятков тысяч жителей — Данков.

Расположился он на обоих берегах Дона. Возникнув в шестнадцатом веке как сторожевой пункт на старом пути из Москвы в Приазовье, город то хирел, превращался в село, то снова обретал городской статус. Сейчас здесь химия, пищевая промышленность, доломитовый комбинат. На левом берегу в заводском районе — многоэтажные дома. На правом — в историческом центре — много усадебного жилья.

Прошелся по главной правобережной улице. Заглянул в шашлычную, блинную. Чисто, вкусно, недорого. В кооперативном магазине то же, что и повсюду, говядина по 4.50, свинина — 3.80, колбаса по шесть, семь, восемь рублей. Посмотрим, что в госторговле? Куры, утки, яйца. Колбаса — только ливерная. Масло? «Бывает бутербродное...» Сыр — только колбасный. Творог, сметана — пожалуйста. Выходило: все на ступеньку ниже, чем в Липецке. Известное правило: чем дальше от центра, тем хуже.

И все же, сколько получает город продуктов животноводства, сколько данковец съедает мяса в год? Для того, чтобы ответить на эти вопросы, при-

шлось собрать в кабинете второго секретаря горкома партии Владимира Ивановича Усова небольшое совещание. Пришли все отцы местной торговли — руководители горторга, райпо, комбината общественного питания. Заглядывая в справки, мы нажимали на клавиши калькуляторов, складывали, умножали, делили, стараясь учесть все источники поступления мяса. То, что городу дают из государственного котла для так называемых закрытых учреждений, к ним относят больницы, школы, детские сады (почему закрытые — бог его знает), и фонды общественного питания, и то, чем торгуют кооперативные магазины, рынок, и, наконец, вклад подсобных хозяйств предприятий. Вышло сорок семь килограммов в год на горожанина. Не смогли учесть еще два источника. То, что получено на собственной усадьбе (в Данкове немало такого жилья) и самими же съедено, а также привезенное из Москвы.

— За мясом ездят?

— Скорее за колбасой. Хоть и не ближний свет, а ездят.

Прикинули еще шесть-семь килограммов на душу. Вышло несколько больше пятидесяти.

При этом директор горторга Владимир Федорович Чеботарь подчеркивал, что ему по госфондам выделили куда больше мяса, чем раньше. Положено было двести тонн, а дали двести семьдесят. Не зря же область в прошлом году хорошо сработала.

— Ну, а сколько вам нужно мяса, чтобы оно свободно лежало в горторговле? Считали вы свои потребности?

— Считали. Как не считать. Еще бы тонн сто сорок — сто пятьдесят, и проблема была бы решена.

Меня заинтересовало, как снабжение города связано с сельскохозяйственной ситуацией района?

— Вообще-то Данков — город областного подчинения, ему выделяют продукты из областных фондов,— сказал Усов.— Но мы могли бы поставить ему сверхплановое мясо, полученное в районе.

— И что же?

— Есть тут одна тонкость,— замялся секретарь горкома.— Ну, ладно, в общем так... План закупок мяса у нас был девять с половиной тысяч тонн в живом весе, а мы закупили десять с половиной. Из сверхплановой тысячи должны четверть отправить в Липецк, остальное можем оставить в районе. В убойном весе это составляет тонн пятьсот. А городу для бесперебойного снабжения нужно всего сто пятьдесят дополнительных тонн. Казалось бы, вот они, пятьсот, ешь — не хочу. Но вся штука в том, что по новому положению мы должны оплатить из местного бюджета разницу между себестоимостью мяса и его розничной ценой. Совхозу или колхозу килограмм убоины обходится рублей в шесть, а госцена, как вам известно, около двух рублей. Обычно разница оплачивается из государственного бюджета, это и есть та самая дотация, которая в масштабах страны составляет десятки миллиардов рублей, а тут нам говорят: «Хотите взять сверхплановое мясо, платите за него из местного бюджета». Нам эти пятьсот тонн в полтора-два миллиона обошлись бы, где их взять, когда весь районный бюджет миллионов восемь. Вот и получается: близок локоть, а не укусишь. И есть мясо, а продать его в городе не можем, приходится в общегосударственный котел отдавать.

— А в области как?

— Говорят, и в области та же проблема.

При возвращении в Липецк бросился за разъяснениями в облплан. Его председатель Алексей Федорович Заболотний, кстати, бывший первый секретарь Данковского горкома, подтвердил:

— Да, есть такая проблема. Дотации за сверхплановое мясо, если мы хотим его оставить для местного потребления, должны оплачиваться из областного бюджета, компенсироваться на местах.

Что значит «сверхплановое мясо»? Для центральной власти ведь существует лишь план поставок в союзно-республиканский фонд. Отдала Липецкая область стране в 1987 году 39 тысяч тонн, все остальное, что она заготовила из любых источников, принадлежит ей. Общий же объем производства ей планировать не должны.

Все так, разъясняли в облплане. И тем не менее общая контрольная цифра имеется. Перекрыл ее, хочешь отправить излишки на прокорм своих жителей — дотацию оплачивай из областного бюджета.

В финансовом управлении начальник Анатолий Андреевич Зайцев разъяснил, что денег на оплату дотаций область не имеет. В местном бюджете все сбалансировано: 320 миллионов рублей — доход и столько же — расход. И то, и другое диктуется сверху, из Москвы. Но мясо съедено (хотя на прилавках государственных магазинов оно все равно не появилось). Между тем неоплаченная дотация за этот «сверхплановый» продукт составила многомиллионный долг области. Получалось: чем больше производят мяса, тем больше будет этот долг. Альтернатива: все «излишки» отдать в общегосударственный котел.

Напомню, разговор этот происходил в прошлом году и потому в феврале нынешнего я снова позвонил Зайцеву: может быть, изменилась ситуация, развязался как-то этот узел проблем?

— Ничего хорошего 1988 год нам не принес,— сказал Анатолий Андреевич.— Дефицит областного бюджета — двадцать миллионов. Да за съеденное мясо задолжали еще двадцать восемь. Откуда их взять? Ума не приложу.

Горькое чувство оставляли подобные разговоры. Какой же это продналог, какие твердые планы поставок? Одной рукой дают, а другой — отбирают. Ну, область еще съела сверхплановое мясо, не вернув дотаций и задолжав государству, а Данковский район в прошлом году не решился, оказавшись в положении героя знаменитого стихотворения Вийона «От жажды умираю над ручьем». Зачем же надо было вводить твердые планы, сразу же ограничив продовольственные возможности региона выплатой дотаций — денег на которые у него заведомо нет. Что за бюрократическая казуистика? И как, собственно, определяются размеры поставок мяса и молока в союзно-республиканский фонд? Конечно, эти поставки должны год от года расти, в сельское хозяйство вкладываются бюджетные средства и они не могут не давать отдачи. Но каков темп роста? Кто и как его вычисляет, на основе каких таких научных исследований? Ведь от их точности и зависит: быть ли сыту городу Липецку и городу Данкову.

В облплане в ответ на подобные вопросы как-то смутно усмехались и только заверяли: планы напряженные, темп высокий, даем, мол, стране все, что можем. Впрочем, других ответов я и не ждал, понимая, что разговор теперь переносится в Москву. Только вот где в Москве его вести? Что это за святая святых, где распределяются мясные и молочные ресурсы и, стало быть, определяется мера сытости Липецка и Воронежа, Хабаровска и Владивостока? Я перебирал в памяти здания Совмина, Госагропрома, Госплана, представлял себе как в течении бумаг по ведомственным каналам, в изнурительных бдениях на совещании, в электронных сигналах ЭВМ рождается плановая цифра. Для каждой области своя. Цифра, от которой зависит меню миллионов людей!

Вернувшись в Москву из Липецка, после долгих телефонных звонков и уклончивых переговоров попал, наконец, в скромный кабинетик на двоих в доме на площади Ногина. Немолодая сдержанная женщина открыла ведомость, в которой заключалась вся продовольственная стратегия России. Звали женщину Маргарита Петровна Пономарева, а должность у нее называлась так: заместитель начальника отдела товарных ресурсов и товарооборота Госплана РСФСР.

Не очень долгая наша беседа по информативности и степени проникновения в аппаратный механизм равнялась многодневной командировке да и, пожалуй, не одной.

Прежде всего меня интересовало, на основании каких расчетов и исследований определяется объем поставок областями мяса и молока в союзно-республиканский фонд. Все оказывалось просто. Возьмем мясо. Сначала выясняются объемы закупок скота, иными словами, сколько его колхозы, совхозы и население продадут государству. Потом идет дележка. Решают, сколько какому региону на душу выделить мяса из госфондов, из общегосударственного котла. Москва должна получить сто шестьдесят килограммов на человека.

— Как сто шестьдесят? — переспросил я.— Ведь медицинская норма потребления, если мне не изменяет память, килограммов восемьдесят.

— Сто шестьдесят,— твердо повторила Маргарита Петровна.— Шестьдесят вывезут приезжие, а сто съедят москвичи.

Затем идут так называемые «севера» — Якутия, Норильск, Коми,— им по семьдесят килограммов из госфондов да еще с десяток закупят у населения. Выйдет восемьдесят. Северянам так и положено. Дальше — крупные промышленные центры Сибири и Урала — Свердловск, Тюмень, Кемерово, Красноярск. Им по пятьдесят — шестьдесят пять килограммов. Хотят больше — пусть добавляют из местных ресурсов. Оставшееся делят на остальных.

— По какому принципу?

— Как вам сказать? Ну вот Липецк, который вас интересует. Ему из госфондов оставили сорок восемь килограммов с учетом его развитой металлургии, машиностроения. Принимается во внимание также и то, что там больше, чем в других областях Черноземья забирают усадебного мяса в план, в госресурсы. Вот почему ему — сорок восемь, а Тамбову — тридцать восемь, Белгороду и Воронежу — по тридцать семь.

— Но ведь во всей зоне в госторговле мяса нет, кроме Белгорода.

— Тем не менее в Белгороде на рынке оно по три тридцать, и белгородский житель к тридцати семи фондовым килограммам добавляет еще тридцать три рыночных, кооперативных, так что выходит у него семьдесят. А Липецк добавляет из местных ресурсов всего шестнадцать килограммов, у него выходит на душу шестьдесят четыре килограмма.

Вот она какая механика! Хотелось узнать про один, другой город, где бывал, исследовал сельскую экономику. Я понимал, что нахожусь у истоков решений, определяющих продовольственную ситуацию целых регионов. То, что я нащупывал вслепую, ценою многочисленных опросов, сопоставлений, здесь шло в руки само собой. Мне давали заглянуть за сцену, словно ребенку, пришедшему в театр марионеток.

— Подождите, подождите. Сколько вы даете Ярославлю?

— Пятьдесят четыре.

— Больше, чем Липецку?

— Конечно, больше.

— А все равно голодный город. Все из Москвы везет.

— Такая уж там социальная ситуация сложилась. В Липецкой области еще сохранилась деревня. А в Ярославской, наверное, корова на пять сельских семей. Им почти нечего добавить к своему фондовому мясу и молоку.

Все правильно. Бывал. Видел. Вымирающие деревни. Корова на пятерых.

Словно бог-вседержитель сидят они в доме на площади Ногина, бесстрастно созерцая беды России, все зная, видя и отщипывая то тем, то другим куски всероссийского мясного пирога.

Впрочем, ой, не бесстрастно! Маргарита Петровна рассказывала, что творится здесь в конце пятилетки, когда формируются планы. Сначала приезжают руководители областных плановых комиссий и заместители председателей облисполкомов. Они отстаивают каждую тысячу тонн. Разговор пока еще идет в отделе. Затем он переходит в кабинет первого заместителя председателя Госплана. Страсти не утихают. Дом на площади Ногина, бывает, пустеет лишь к одиннадцати вечера. Дальше баталия переходит в Совмин республики, в ЦК партии. Прибывают уже секретари обкомов.

Все понимают: от объема поставок в союзно-республиканский фонд зависят их, хозяев областей, судьбы и карьеры. Добивайся, добивайся цифры пониже — спокойнее жить будешь. Один отбил себе низкие поставки, а производство пошло хорошо, мясо на рынке дешевле стало. На всю страну: «Мы подошли к трехрублевому рубежу!» Другой провалил планы в прошлой пятилетке, в нынешней добился низкого уровня и живет себе в ус не дует. У третьего засуха была, ею козыряет, кроет встречные предложения.

Здесь все идет в дело: и засуха, и дожди, и дружба с кем-то, от кого зависит решение, а зависит оно от многих — и от ЦК, и от Совмина, и от Госплана. Ищи — с кем работал вместе, с кем в зарубежной поездке был, с кем охотился, домами знался. Сейчас упустишь свой шанс, пять лет каяться будешь. Вот она, крепость руки и изворотливость ума хозяина области. От его упорства, связей и знания лабиринта власти зависит благополучие людей — платить ли им по пятерке за килограмм мяса или по три с полтиной, быть ли с маслом и сыром или возить его из Москвы.

С год лихорадит Госплан. Потом все успокаивается, а пожинают плоды минувшей горячки, плоды упорства и изворотливости своих руководителей — на местах. И как же людям не связывать успехи или беды области с одним конкретным именем. Без всякого знания подоплеки событий, интуитивно, по долгому опыту полусытой жизни связывают: это он нам дал! Хороший хозяин...

Все это аппаратные игры, скажет иной читатель. Не в них дело. Главное — производство. Будет в достатке мяса и молока — не нужны станут ни фокусы с дотациями, ни борьба за снижение поставок в союзные фонды. В производстве корень наших бед, а не в распределении. Дадут ли Липецку кусок мяса повесомее или Ярославлю, выбьет ли хозяин той или иной области себе низкий план поставок или нет — у государства мяса больше не станет. И сытость одних, выходит, возникает за счет оскудения других. Так-то оно так. Каравай общий. Но важно, чтобы каждый едок получал свою долю в зависимости от трудового вклада. Чтобы каждые область, город, район, наконец, хозяйство знали: их сытость — результат не личных связей первого лица, не манипуляций с планами, а трудовых усилий города, деревни, каждого хозяйства. Связь между трудом и результатом должна быть прямая, естественная, очевидная, только тогда человек работает с полной отдачей. Нарушение этой связи, собственно, и парализует производство, так же как и всевозможные аппаратные игры, всякие взаимоисключающие друг друга постановления.

Ну, а как все-таки разработать объективные твердые планы и справедливо разделить российский мясной пирог? Да не надо его делить. Не административная дележка с постоянным регулированием механизма распределения нужна, а естественная, рыночная, в широком смысле слова, купля-продажа мяса и молока, тракторов и удобрений по органично возникшим, сбалансированным ценам. До той поры, пока ее не будет, останутся аппаратные игры, кулуарные бои за каждую тысячу тонн мяса и горожанин станет с привычной горечью констатировать отсутствие самых необходимых продуктов на прилавке и как нечаянную радость воспринимать их появление.

В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ В НАШЕЙ ПОЧТЕ УВЕЛИЧИЛОСЬ КОЛИЧЕСТВО ПИСЕМ ПО НАЦИОНАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ. ПРЕДЛАГАЕМ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ НЕКОТОРЫЕ ИЗ НИХ.

Мы, русские, не знаем нашей истории, которой гордился А. С. Пушкин, так как она не публиковалась, у нас не осталось подлинных национальных русских традиций, русских праздников (сарафаны да кокошники, надетые на меховые шапки наших продавщиц в дни масленицы, вызывают только чувство горечи); мы кощунственно относимся к могилам наших национальных героев — Куликовской битвы, войны 1812 года. Мы переименовали многие из городов, сыгравших огромную роль в истории, где наши предки стояли насмерть, защищая землю русскую от татаро-монгольского ига. История последних десятилетий, когда была истреблена лучшая часть интеллигенции, уничтожена значительная часть крестьянства, являвшегося источником национальных традиций, повергла всех в ужас.

Мы, русские, не знаем своей родословной и, стало быть, не можем гордиться ею; мы позволяем Минводхозу как чужеземцам перекраивать нашу землю по своему усмотрению, осушать моря и списывать земли. И это ту землю, которую русский народ называл «матушкой», «кормилицей». Неужели среди них, движимых только корыстными целями, нет истинно русских людей?!

Поразила публикация в «Правде» от 11.07.88 г. о русском кладбище в предместье Парижа, где лежат наши соотечественники, многие из которых, живя в эмиграции, остались патриотами своей Родины, отдали жизнь в борьбе с фашизмом за свое Отечество. Наши же современники не считают нужным положить цветы на их могилы!

Все это привело к исчезновению духа русского, к бездуховности нашего общества, к тому, что у нас нет сочувствия ни к старым людям, которых обеспеченные дети отдают в дома престарелых, ни к нашим молодым воинам, потерявшим здоровье в Афганистане. Только на пустом месте вместо патриотизма и любви к Родине могло произрасти такое чудовищное явление, как парни со свастикой на рукавах.

Мы, русские, стали похожи на инопланетян, пришедших на чужую землю, которую они не знают и которую им не жаль. А утрата исторических ценностей своего народа ведет к аполитизму, может оказать влияние и на нашу военную мощь. Стыдно за наш русский народ! Где наша национальная гордость? Как вернуть нашему народу душу, сострадание к ближнему, любовь к своей земле?

Считаю, что нужно использовать все средства, чтобы возродить все подлинно русское, национальное, тот русский дух, которым пронизаны произведения Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, чтобы народ гордился своей землей и смог постоять за землю нашу русскую!

Н. САВЕЛЬЕВА,
врач
Ярославль

Спешу предложить вашему вниманию прелюбопытнейший образчик того, что нередко выплывает сегодня на волне гласности. Речь идет о романе Бориса Сотникова «Особый режим» (отрывок из которого прилагается). Сей роман из номера в номер по столовой ложке предлагают подписчикам «Днепровской правды» — органу Днепропетровского обкома партии.

Итак, чтобы не быть голословным, приведу несколько цитат. «Вождь приказал бросить все и вернуться в Москву. Однако и в Москве Яков (старший сын Сталина.— **В. Ю.**) безрассудно женился на разведенной еврейке, какой-то танцовщице Юлии Мельцер. Она ему родила прелестную дочь, а вождю государства — внучку Галку, полуеврейку. Правда, Сталин и сам после самоубийства жены связался с еврейкой...

А дочь? Какие номера принялась выкидывать отцу родная и любимая дочь! В семнадцать лет поддалась тридцатидевятилетнему журналисту — еврею Алексею Каплеру». Далее следует сообщение о том, что он «посадил и этого журналиста в сорок третьем». «И что же? Не успела остыть постель от одного еврея, как возле дочери закружил новый, ее университетский однокурсник Григорий Морозов. Хорошо хоть с русской фамилией... Через девять месяцев на свет появился новый внук вождя, опять полуеврей. Да и сам продолжал связь с Розой Каганович... Еще раньше рассчитали, как подсунуть еврейку и Молотову. Затем женился повторно на дочери революционера Ларина и Бухарин...»

Не берусь судить о возможных хитросплетениях сюжета, о детальной проработке характеров (а ведь персонажи — сплошь исторические деятели), не буду судить роман с литературоведческой колокольни. Нет, разговор пойдет и не о стилистике. Но сначала небольшой экскурс в событийную канву. Судя по всему, в данной точке романа Сталин обдумывает грядущую мрачную кампанию по борьбе с «безродными космополитами». Обдумывает и разворачивает перед внимательным, понимающим слушателем — Лаврентием Павловичем подробную аргументацию предстоящего погрома: «Евреи сами к Ленину шли, чтобы получить должность за участие в революции. Царь сильнее других угнетал их, и потому их было больше других в революционном движении. Но их родственники уже не были в революционном движении, а на государственные должности все равно пролезли... Евреи взяли перевес в журналах, газетах, на радио, в издательствах. Особенно много их среди юристов, врачей, в науке. Где легкий хлеб и доходы — там и они!»

Далее, говоря о том, что евреи везде и всюду проникают благодаря взяткам и поддержке, Сталин замечает: «У одного только Зиновьева, Каменева, Троцкого сколько было евреев под началом! Свердлов даже не еврея Ягоду продвинул из небольшой газетенки в ЧК, как только тот женился на его племяннице...»

Впрочем, примеров, видимо, достаточно. Рассуждения романного Сталина, думаю, были бы с восторгом встречены оголтелыми активистами общества «Память». Понятно, что всякий персонаж, вплоть до крайне несимпатичных, вроде тех, с кем мы столкнулись в этом фрагменте, имеет право на голос. Кому придет в голову отождествлять точку зрения героя и позицию автора?

И все же... В монологах Сталина в трактовке Сотникова, на мой взгляд, нет ничего специфически «сталинского». Зато в изобилии присутствуют расхожие формулы вульгарнейшего, базарного, махрового антисемитизма. Создается впечатление, что автору, по существу, все равно, в чьи уста вложить «выстраданное» слово. Главное — в ы с к а з а т ь с я! И не шепотком, не келейно — а во всю мощь областной газеты.

Так вот, если всерьез задуматься, то хочется спросить: неужели гласность — это свобода отравлять сознание людей псевдоисторической дешевкой, которая о б ъ е к т и в н о не может не привести к разжиганию все еще тлеющего огня национальной нетерпимости и вражды?

В. ЮХТ,
кандидат филологических наук
Харьков

Доктор философских наук М. П. Капустин опубликовал в «Октябре» (№№ 4—5, 1988 г.) в целом интересную и заслуживающую внимания статью, затрагивающую острые проблемы нашего социального и культурного развития. Разделяя общий критический пафос статьи, вместе с тем я должен заметить, что ряд политических и экономических выкладок ее автора, а главное, извлеченные из них выводы, мягко говоря, не выдерживают проверку на научную строгость. Я, как и Капустин, считаю, что система льгот и преимуществ для народов национальных окраин (особенно в области образования), частично сохранившихся до последнего времени, хотя и была исторически оправданной мерой, уже изжила себя. Теперь она может вызвать только снисходительную улыбку у одних и глубокое недоумение у других. (К тому же скороспелость в подготовке «национальных кадров», особенно в области науки и культуры, обернулась немалыми — и материальными, и духовными — потерями как для соответствующих республик, так и для страны в целом.) Но когда автор статьи перебрасывает отсюда логический мост на другие (преимущественно негативные) явления, то тут чувство меры ему отказывает. Оказывается, именно «право преимущественного исторического «проезда», предоставленное некогда для «ранее резко отсталых народов», и является «основной причиной для разного рода националистических проявлений»!

А вот другой пассаж: «Разве не поразительно, что по числу лиц с высшим образованием на душу населения русские оказались даже среди народов РСФСР на 16-м месте в городе и на 19-м в селе, уступив в полтора раза недавно бесписьменным бурятам, якутам!..» Если эти данные точны, то я полностью разделяю тревогу Капустина. Но обратите внимание на следующую фразу автора цитируемых строк, логически увязанную им с предыдущей: «Неудивительно, что наука наша столь удручающе посерела»!

Наука наша посерела не потому, что в ней уменьшилось число представителей «наций, обладающих большим опытом работы в наиболее сложных отраслях науки и экономики», как полагает Капустин, а потому, что она не занимает в нашем обществе подобающего ей места.

В заключение приведу еще одну характерную цитату из статьи Капустина: «Наконец, не может не тревожить падение удельного веса наций, отличающихся оптимальным (!) опытом решения военно-стратегических задач. Не случайно военные прогнозисты США, потирая руки, рассчитали, что с 2000 года рядовой состав Советской Армии станет наполовину мусульманским»! Что это — опять сталинский синдром недоверия и подозрительности к инородцам?!

Если же говорить по существу, то хотелось бы успокоить М. П. Капустина, придавшего старому советологическому мифу об «исламской угрозе славянам» очень уж серьезное значение.

Сказанное — не одни эмоции. Для многих детей среднеазиатских тружеников военные учебные заведения принципиально недоступны — у них генетически дефектное или экологически подорванное здоровье, а то и просто физическая недоразвитость из-за систематической нехватки белка в питании. Да и здоровым детям среднеазиатских тружеников вряд ли удастся воспользоваться льготами — им бы получить хотя бы нормальное среднее образование! Они ведь с раннего возраста работают наравне с родителями на колхозных и совхозных полях.

Было бы гораздо лучше, если мы, оставив в стороне взаимные упреки, занимались конкретным перестроечным делом — всем миром взялись за основательное очищение нашего с вами общества, погрязшего в болоте экономических, идеологических и нравственных приписок. Пока мы общими усилиями не осушим это болото, будущее поколение будет задаваться все тем же вопросом, что и наше: «Зачем же эта улица, если она не ведет к храму?!»

А. ТУРСУНОВ,
доктор философских наук
Душанбе

АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ?

Политические обозреватели ЦТ и Всесоюзного радио Владимир ПОЗНЕР и Владимир ЦВЕТОВ продолжают разговор, начатый критиком Лидией Польской.

Прочитав в № 10 «Огонька» статью «Телевизионная провинция», мы захотели уточнить или дополнить некоторые утверждения автора. Взгляду изнутри — мы оба работаем на Центральном телевидении — доступно то, что снаружи заметить подчас трудно. Кроме того, наше длительное и близкое знакомство с зарубежным телевидением дает возможность сделать сравнения, позволяющие, как нам кажется, яснее представить цель, к которой мы вместе с Лидией Польской стремимся.

В. П. Если считать, что «пирамидальная структура» Гостелерадио СССР — главная причина провинциальности советского телевидения, то тогда надо признать провинциальным телевидение всех стран. Выстроены по «пирамидальному» принципу и американские телекомпании.

В. Ц. Японские тоже. Иная структура попросту не существует.

В. П. И окончательное решение, готовить передачу или нет, показать ее или навечно «положить на полку», зависит в США от главных редакторов, членов коллегии или совета директоров, вице-президентов и, наконец, от президента телекомпании. Соображения, по которым передачи одобряются или отвергаются, тоже могут быть идеологического или политического порядка, как и у нас.

В. Ц. В Японии нередко приводится в действие столь хорошо нам знакомое «телефонное право», поскольку частные телевизионные компании — коммерческие предприятия, назначение которых — приносить прибыль. Эти телефонные звонки раздаются из контор руководителей промышленно-финансовых групп, от которых телекомпании зависят, или из кабинетов важных политиков, с кем телекомпании связаны.

В. П. Не хотелось бы, чтобы читатели думали, будто беды советского телевидения порождены его государственной принадлежностью. Ведь в западных странах тоже имеются правительственные телекомпании. Вероятно, следует говорить не о принадлежности телекомпаний, а об их независимости.

В. Ц. Но независимых телекомпаний быть не может!

В. П. Разумеется. Государственное телевидение, существующее за счет бюджета, то есть казны, не в состоянии да и не должно быть автономным по отношению к государству. Коммерческое телевидение, живущее на средства от рекламы промышленных и торговых фирм, банков, страховых компаний, тоже зависимо — от рекламодателей. Стоимость минутного рекламного ролика, передаваемого в США в ходе трансляции суперкубка по американскому футболу, обходится в 1 200 000 долларов. Отсюда ясно, сколь велика зависимость телекомпаний от рекламодателей.

В. Ц. Однажды японские журналисты заявили, что гигантская продовольственная фирма — крупнейший японский рекламодатель — долгое время выпускала пищевые товары с канцерогенными добавками. Журналисты отдали сенсационный материал одной из телекомпаний. Та поначалу загорелась передать его в эфир. Однако продовольственная фирма пригрозила, что лишит своей рекламы. Журналисты обратились в другую телекомпанию. Но и там не решились пойти против богатого рекламодателя. Тогда журналисты, движимые стремлением защитить интересы общества и изобличить преступников, предложили телекомпаниям всем вместе передать материал-обвинение — ведь не захочет же продовольственная фирма отказаться от рекламирования своей продукции по всем до единого телевизионным каналам! Образовать единый фронт журналистам не удалось: телекомпании не осмелились сыграть музыку, неприятную тому, кто платит, притом необыкновенно щедро.

В. П. Хочу добавить, что если повернуться спиной к телевизорам, настроенным на каналы трех ведущих американских телекомпаний — Эй-би-си, Си-би-эс и Эн-би-си,— то по произносимым текстам одну телекомпанию от другой не отличишь. Американские телезрители избавлены от необходимости выбирать между разными позициями. Они могут выбирать лишь между людьми, излагающими единую точку зрения. Почему иное положение должно сложиться у нас? Однако Лидия Польская абсолютно права в главном: нашему обществу настоятельно необходимо еще одно, помимо Центрального, телевидение.

В. Ц. Оно уже рождается. Кабельное телевидение создано в Москве, в молодежном жилом комплексе «Сабурово», и в Волгограде.

В. П. Это не решение вопроса. Второе телевидение должно иметь массовую аудиторию. Только тогда оно ограничит монополию ЦТ, от которой само же ЦТ, а с ним и все общество страдают. Мыслимо ли представить, чтобы в стране имелась только одна газета, пусть талантливо издаваемая, один театр, пусть с гениальным режиссером, картинная галерея с произведениями лишь одного, хотя бы и прославленного, художника?..

В. Ц. Напомню принцип нового политического мышления: это абсолютный приоритет общечеловеческой цели, состоящей в том, чтобы выжить, несмотря на ядерную, экологическую, демографическую, продовольственную угрозы. Это приоритет над любыми иными интересами — государственными, классовыми, национальными, ведомственными, групповыми. Монопольное положение в эфире государственного телевидения чревато опасностью выдвижения при определенных условиях государственных, ведомственных интересов впереди интересов общечеловеческих. Наличие в эфире оппонента затруднит появление подобной ситуации. Мы движемся к плюрализму экономическому и политическому. Появилось множество неформальных объединений. Отчего же телевидение должно оставаться в стороне от общего процесса?

Правда, против создания Второго телевидения выдвигаются два основных аргумента: нет средств и нет способа осуществлять контроль.

В. П. Сначала о контроле. Он существует во всех странах. У нас предлагают такой путь: пусть будут два канала, но на Гостелерадио СССР. То есть контроль над обоими каналами возьмет на себя одна организация, к тому же телевизионная. Где тут простор для дискуссии оппонентов, если, конечно, не принимать за дискуссию милую беседу, в которой один участник говорит: «Я приветствую и одобряю», а другой откликается: «Позвольте вам возразить. Это я одобряю и приветствую». Сошлюсь опять на американский опыт. В США образована федеральная, то есть правительственная, комиссия по коммуникациям. Она выдает лицензии на право выходить в эфир с теле- и радиопередачами и следит за соблюдением теле- и радиокомпаниями законов.

В. Ц. Мне кажется, японская система контроля более демократична. Лицензии выдает тоже государственный орган — министерство связи. Но контролирует соблюдение законов парламентская комиссия по коммуникациям. В Японии нет никакой цензуры. Поэтому телекомпании, объединившись во Всеяпонскую ассоциацию, разработали моральные и этические нормы — они не отличаются от общечеловеческих,— которым должны удовлетворять телепередачи.

В. П. Что мешает нам иметь в Верховном Совете СССР или в Совете Министров СССР орган, который контролировал бы деятельность всех советских телеорганизаций, в том числе и Гостелерадио СССР? Главное, чтобы работа телевидения оценивалась на основе закона, а не вкусовых ощущений того или иного руководителя.

В. Ц. Мы констатировали, что нет и не может быть независимых телевизионных организаций. От кого будет зависеть Второе телевидение?

В. П. От телезрителей и только от них. В нашей стране десятки миллионов телевизионных приемников. Условимся, что аудиторию Второго телевидения составят 50 миллионов человек. Оно станет передавать свое изображение закодированным. Взятым напрокат специальным устройством, присоединенным к телевизионному приемнику, изображение будет раскодироваться и воспроизводиться на телеэкране. Предположим, стоимость аренды устройства составит 40 рублей в год. При 50-миллионной аудитории это 2 миллиарда рублей. Сумма достаточная для существования Второго телевидения. Окажутся его передачи интересными — аудитория увеличится, значит, и доход, следовательно, финансовая база Второго телевидения сделаются прочнее. Не выдержит оно соревнования с ЦТ за аудиторию, телезрители проголосуют рублем, и кончина Второго ТВ будет вызвана не чьим-то произволом, а демократическим волеизъявлением.

В. Ц. Когда ровно год назад я высказал на страницах «Огонька» идею создания Второго телевидения, многие встретили ее весьма скептически. Сейчас она обсуждается газетами и журналами. Идеи, как известно, становятся материальной силой, если овладевают массами...

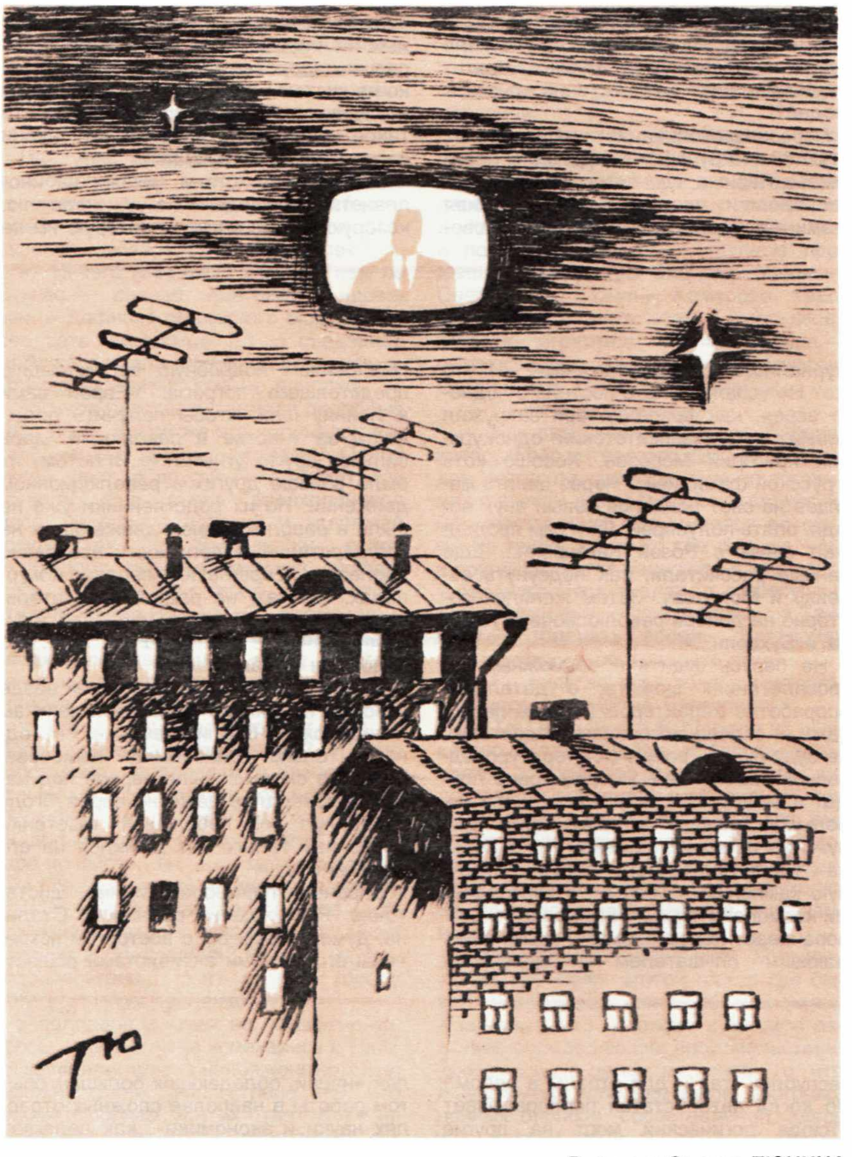

Рисунок Сергея ТЮНИНА.

ИГРАЮЩИЕ МАЛЬЧИКИ. 1911.

Начало на стр. 8.

СЕЛЕДКА. 1918.

РОЗОВЫЙ НАТЮРМОРТ. 1918.

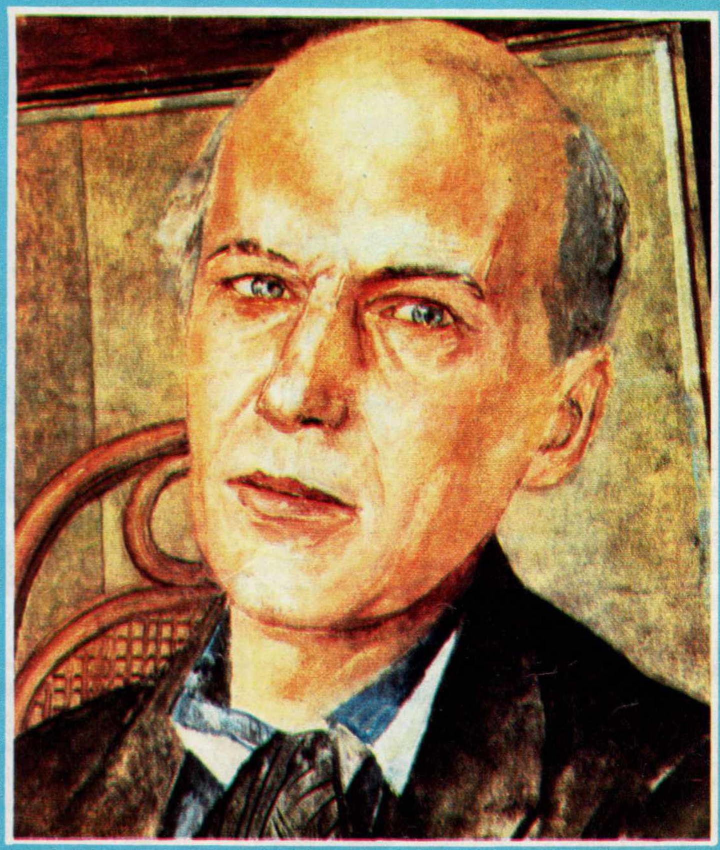
«Петроградская мадонна» К. Петрова-Водкина создана силой сходной философской и образной логики. Только живописец изобразил не бурю, не вьюгу, как Блок, а царство светлой радости и всечеловеческого счастья. Так выглядела в воображении художника будущая «прекрасная жизнь», планета Петрова-Водкина...

Но миновала революционная пора, пришла новая действительность, далекая от недавних романтических порывов, трезвая и деловитая. Планетарные утопии год от года оказывались все более не к месту. Правда, у художника иногда еще прорываются образы, выдержанные в прежнем духе, например, «Фантазия» 1925 года, изображающая русского парня, который в стремительнейшем скоке-полете, опять-таки верхом на красном коне, проносится над горами, селениями и полями. Но это уже выглядит как исключение.

Однако художник сохраняет высокий духовный строй и в своих произведениях новой эпохи. Особенно это касается портретов: «Автопортретов» 1921, 1926—1927, 1929 годов, «Анны Ахматовой» (1922), «Саломеи Андрониковой» (1925), «Девушки у окна» (1928), «Сергея Мстиславского» (1929), «Андрея Белого» (1932) и некоторых других. Всякий раз это портреты людей, погруженных в глубокие, сложные размышления, которые порождают порой внутренние драмы.

Подлинным шедевром психологического мастерства Петрова-Водкина является выполненный им в 1934 году и, на мой взгляд, пока еще недооцененный портрет Владимира Ильича Ленина. Он принадлежит Государственной картинной галерее в Ереване.

Петров-Водкин в своем портрете пошел наперекор установившимся канонам. Мыслитель, интеллигент, в чем-то, быть может, и не уверенный, во всяком

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ. 1932.

случае ищущий с предельным напряжением духа, таков Владимир Ильич на портрете. Здесь он персонаж, а не демиург великой исторической драмы. Решение чрезвычайно смелое, делающее эту работу частью не только нашей художественной, но и гражданской жизни...

Кузьма Сергеевич Петров-Водкин с его философской масштабностью мысли решительно не мог войти в русло унылой иллюстративности жанрово-документальных полотен, которые (еще до «культовой» парадности) ставились в пример художникам официальной критикой. Редкие попытки компромисса (вроде, должно быть, с отчаяния написанного в 1937 году умилительного «Новоселья. Рабочий Петроград») неизбежно оборачивались обидным поражением. Но это исключения, которые можно простить мастеру, как правило, верному самому себе. Отголоски его гордой и всеобъемлющей «планетарности» слышатся даже в самых скромных картинах. В такой, например, как «Весна» (1935 год), где встреча молодых влюбленных изображена на фоне какого-то бескрайнего пейзажа, словно бы наступил момент, когда «далеко видно во все концы света». Огромный мир врывается и блистает в пространстве многих поздних натюрмортов художника — таких, как «Яблоко и лимон» (1930), «Черемуха в стакане» (1932), «Астры в стакане» (1933), и других.

Художника не покидали воспоминания о самом бурном и вдохновенном периоде его жизни — революции, которую он, подобно Андрею Платонову, воспринял как бушующую стихию «прекрасного и яростного мира». Сюжеты, связанные с революционной историей, вновь и вновь появляются в картинах Петрова-Водкина. Всякий раз они получают острое и неожиданное решение. И не в том лишь дело, что художника напрочь не интересуют батальные эффекты и ура-митинговая трескотня. Более всего его волнует духовная подоплека событий. Причем на первый план выходит тема самопожертвования. Как это понять? Хотел ли художник просто напомнить о том, какой ценой далась победа в гражданской войне? Или стремился как можно более глубинно истолковать самый смысл революционной борьбы, связывая ее с высокими духовными порывами человечества, включая и христианский ее аспект? Второе представляется наиболее вероятным.

В 1928 году Петров-Водкин пишет картину «Смерть комиссара», которая соединила в себе все главные линии и идеи его творчества.

Вновь перед нами развернут «планетарный» пейзаж. Не возникает и мысли о какой-нибудь полянке или опушке. Сфера круглится, уходит в небеса, отряд вдалеке как бы соскальзывает на иную плоскость земной поверхности. Словом, место действия — вселенная, зрители — все человечество. Возможно, что в такой трактовке есть оттенок психологического восприятия сцены умирающим комиссаром: в своем угасающем сознании он видит прощальным взглядом весь покидаемый им мир, а тот отряд, с которым была связана его боевая биография, удаляется от него на поле битвы в медленном, растянутом ритме, словно обретя невесомость.

Однако фигуры первого плана — комиссар и поддерживающий его поникающее тело товарищ — даны уже «от зрителя». Захваченные значительностью происходящего, оба персонажа не глядят друг на друга. Каждый погружен в свои мысли, испытывая «момент истины», когда вдруг с необыкновенной резкостью и силой раскрывается весь сокровенный смысл жизни.

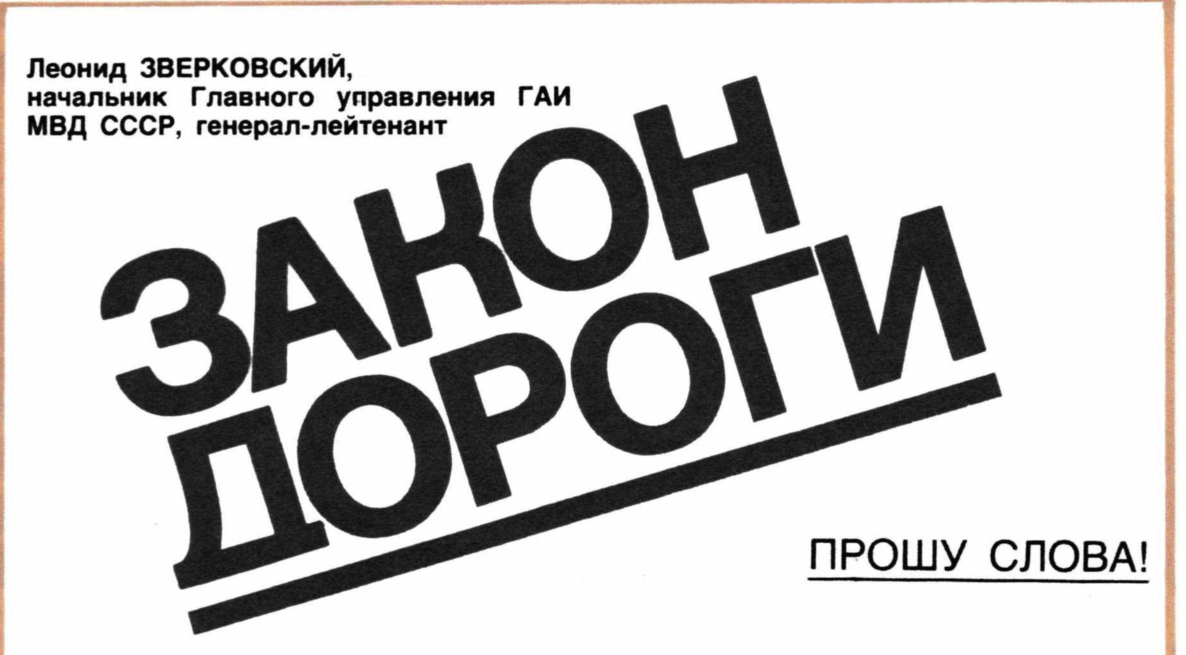
Сказать, что тут он заключен в служении революции, будет не совсем точно и полно. То есть такое определение совершенно верно, но сама-то революция понимается здесь не только как определенное политическое событие, но как воплощение высшей нравственности, благороднейшего духовного призвания. Именно это связывает умирающего комиссара со всей изображенной тут планетой, с той философией человечности и жизненной цели, которую исповедывал великий русский художник. Герой повести А. Платонова «Сокровенный человек» Пухов однажды с проникновенной ясностью увидит «неистовство смелой природы, неимоверной в тишине и действии... Он постепенно догадывался о самом важном и мучительном. Он даже остановился, опустив глаза,— нечаянное в душе возвратилось к нему. Отчаянная природа перешла в людей и смелость революции».

Вот именно такая, охватывающая все бытие в целом, ясновидящая и пророческая зоркость художественного видения свойственна всему творчеству К. С. Петрова-Водкина, а его «Смерти комиссара» — в особенности.

Долгие годы этого замечательного мастера русского и советского искусства посмертно попрекали в «формализме» и «модернизме». Кажется, сейчас нашлись охотники разоблачить его еще и за «комиссарство». Но это пустые хлопоты. Кузьма Сергеевич Петров-Водкин навсегда вошел в пантеон нашей культуры.

Александр КАМЕНСКИЙ

**Леонид ЗВЕРКОВСКИЙ,
начальник Главного управления ГАИ МВД СССР, генерал-лейтенант**

ЗАКОН ДОРОГИ

ПРОШУ СЛОВА!

1971—1988 гг.: 800 тысяч погибших, более 4 млн. раненых. Это не сводка с театра военных действий. Эти данные — результат жестокой войны на дорогах, в которой нет победителей, а есть только жертвы.

За этими цифрами стоят миллионы вдов и сирот, десятки миллиардов рублей, выплаченных в возмещение убытков, пенсий, пособий, которые могли бы пойти на строительство школ, больниц, жилых домов и т. п.

А как оценить нереализованные возможности погибших и искалеченных людей? Ведь более половины пострадавших — это люди от 16 до 41 года, которые еще многое смогли бы сделать.

Сегодня, когда идет коренная перестройка политической и экономической системы нашего общества, мы должны спросить себя: все ли мы делаем, чтобы предотвратить эти трагедии? Этот вопрос прежде всего стоит перед каждым из нас, ибо все мы в той или иной мере участники дорожного движения.

Но в первую очередь решением этой проблемы должны заниматься те, кто может реально повлиять на сложившуюся ситуацию. А ситуация продолжает ухудшаться, ибо причины остаются прежними: неудовлетворительное состояние дорог, низкое качество автомобилей, недостаточная подготовка водителей, слабая дорожная культура как водителей, так и пешеходов, проблема своевременного оказания медицинской помощи, недостаточная требовательность Госавтоинспекции.

Все эти проблемы, разумеется, требуют неотложного решения, но кардинальное улучшение положения на дорогах видится в преодолении ведомственности и в принятии единого общесоюзного законодательного акта, который стал бы кодексом дорожного движения.

Идея сама по себе не нова, во многих странах мира главные требования к дорожному движению содержатся в основополагающем законодательном акте — «Законе о дорожном движении» или «Дорожном кодексе», как это принято, положим, в США, Италии, Франции, ФРГ, Швейцарии, ВНР и СФРЮ. Законы эти содержат нормы, регулирующие все отношения в сфере дорожного движения на дороге, устанавливают правила техосмотра, получения водительских прав и так далее. «Ну и что,— возразят мне,— у нас тоже правила уличного движения имеются, по ним экзамены сдаются, и каждый ребенок знает, что улицу надо переходить только на зеленый свет».

Да в том-то все и дело, что у нас всего лишь правила. А там, у них,— закон! Закон один. А правил... Эх, да что говорить!

Сейчас наша система правового регулирования в сфере дорожного движения включает в себя почти четыреста нормативных актов, принятых различными органами государственной власти и управления, а также общественными организациями. Тут и указы Президиума Верховного Совета СССР, законы и указы Президиумов Верховных Советов союзных республик, постановления ЦК и Совмина, Секретариата ВЦСПС, Секретариата ЦК ВЛКСМ, постановления пленумов Верховных Судов, постановления Всесоюзной комиссии по обеспечению безопасности дорожного движения, приказы МВД, Минфина, Минюста, МПС, Минздрава, Минтрансстроя, Минавтотранса, Минавтодора и прочие, и прочие, и прочие... Причем доля законодательных актов, принятых высшими органами государственной власти, не превышает пяти процентов и к тому же круг регулируемых вопросов крайне узок. Одним словом, нынешнее положение вещей напоминает ту самую хрестоматийную ситуацию, когда ведомственные раки, лебеди и щуки тянут телегу безопасности на дороге кто во что горазд, а та ни с места.

Впрочем, судите сами. Например, требования к водителям, их обязанности, права и ответственность регламентированы не только в Правилах дорожного движения (утверждены приказом МВД СССР), но также и в Инструкции о порядке медицинского освидетельствования водителей и кандидатов в водители (утверждена приказом Минздрава СССР), Правилах регистрации и учета автомототранспортных средств (утверждены приказом МВД СССР), Примерных правилах эксплуатации дорог (утверждены постановлением Всесоюзной комиссии по обеспечению безопасности дорожного движения) и даже в Правилах продажи населению легковых автомобилей и мотоциклов с колясками (утверждены приказом Минторга СССР).

Дошло просто до какого-то нонсенса: обязанности и права министерств, ведомств и общественных организаций, отвечающих за обеспечение безопасности дорожного движения, ими же регламентируются.

Стоит ли после этого удивляться, что в СССР тяжесть последствий дорожно-транспортных происшествий в 5—10 раз выше, чем в целом ряде социалистических и капиталистических стран, что от 10 до 15 процентов автобусов, грузовых и легковых автомобилей эксплуатируется с превышением амортизационных сроков, а органами ГАИ ежегодно временно запрещается эксплуатация полутора миллионов транспортных средств, что около 60 процентов опасных участков дорог не имеет надежных ограждений, а сами ограждающие устройства не всегда гарантируют надежную защиту, что около 25 процентов раненых погибает на месте происшествия лишь только потому, что на дорогах нет телефонной связи и «Скорая» приезжает слишком поздно, а почти половина пострадавших вообще доставляется в больницы попутным транспортом.

Современные мотели, паркинги, службы технического сервиса — проблема городов, не говоря уже о провинции. Окажись водитель за тысячи километров от дома, ему и ни отдохнуть по-человечески, ни машину отремонтировать. О дисциплинированности на дороге вообще говорить не приходится. Ведь ежегодно органами ГАИ выявляется более 30 миллионов нарушителей. Несмотря на это, около 20 процентов дорожно-транспортных происшествий совершается водителями в нетрезвом состоянии. Результаты опроса общественного мнения показывают, что примерно 75 процентов пешеходов и около 50 процентов водителей допускают возможность сознательного нарушения Правил дорожного движения, около 40 процентов водителей полагают, что можно управлять автомобилем после употребления умеренных доз алкоголя.

Думается, что все это достаточно ясно иллюстрирует сложившуюся плачевную обстановку, наглядно свидетельствует о том, что обеспечение безопасности дорожного движения полноправно стоит в ряду крупных социально-экономических задач перестройки. И решить ее можно только с помощью радикальных перемен, а не пытаться латать прорехи, как это было принято прежде. Очевидно, уже сегодня настоятельно необходим один-единственный законодательный акт, который станет основой всего дорожного движения. И уж если мы всерьез решились взяться за строительство правового государства, если заложили в его фундамент первые кирпичики, то и разработка проекта закона СССР «О дорожном движении» лишь укрепит общую нашу кладку.

СТАНИСЛАВ ЛЕМ: «НЕ МОЖЕТ БЫТЬ РАЯ НА ЗЕМЛЕ»

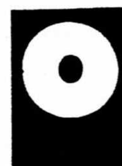
Краков, 20 декабр 88

Уважаемые товарищи, вот Вам ответы на Ваши вопросы из письма от 14 ноября, с опозданием, так как я покинул Вену и оттуда получил Ваше письмо. Прошу писать мне или звонить — номер телефона 66-00-92 — а так, как уже за дверью Новый Год — желаю Всем Вам дальнейших успехов перестроечной работы.

С лучшими пожеланиями

Всем, кто так или иначе знаком с научной фантастикой, известны книги польского писателя Станислава Лема. В конце минувшего года редакция «Огонька» обратилась к нему с рядом вопросов, а в начале года нынешнего из Кракова пришел ответ. Предлагаем вниманию читателей публицистические заметки гуманиста об окружающем нас мире и месте Человека в нем.

ЗАДАЧА, ТРУДНЕЙШАЯ ИЗ ВОЗМОЖНЫХ

глядываясь назад на те 35 или 36 написанных мною книг, вижу, что отношение моих «миров» к действительности почти всегда характеризовалось реализмом и рационализмом. Реализм заключается в том, что пишу о проблемах, которые либо уже являются частью жизни и нас беспокоят, либо о проблемах, появление которых в будущем казалось мне вероятным и даже достоверным. А рационализм означает, что я не ввожу в сюжет ни толики сверхъестественного или, яснее и проще — ничего такого, во что я сам не мог бы поверить.

Главным источником моего творчества была и остается область точных наук. Я пытался представить себе результаты использования новых технологий в интересах общества и наоборот — использование общества в интересах неких технологий.

Рассмотрим, к примеру, вопрос о «производстве ЗЛА» как следствия «научного прогресса». Он очень сложен. Скорее — слишком прост в сравнении с нашими требованиями, ведь мы, веря в совершенствование мира, хотим, чтобы плоды науки не были отравленными. Между тем эти плоды как орел и решка, аверс и реверс одной монеты. Потенциальное «добро» и «зло» прогресса связаны неразрывно. Распознание тактики битвы, которую тот же вирус СПИДа ведет в человеческом организме, позволит вклиниться в нее молекулами, «скроенными» таким образом, чтобы расстроить поразительно точную, «хитрую» стратегию вируса, помешать ему «захватить власть» над клеточным механизмом. Тогда он бесславно погибнет, не причинив уже никакого вреда.

Очень хорошо, если произойдет именно так. Но искусство «молекулярной кройки», которым овладеет человечество, сделает возможным синтез биологического микрооружия, быть может, еще более страшного, чем вирус. В 1979 году я описал в романе «Осмотр на месте» последствия войны, которая велась «криптовоенными методами», то есть рассеиванием смертоносных вирусоподобных генов над территорией противника. Если учесть, что контролировать разоружение в «макромасштабе» (ракеты, самолеты, танки) гораздо легче, чем в «микромасштабе» (как узнать,

что разрабатывает другая сторона в своих подземных лабораториях?),— ситуация и впрямь фатальна. Невидимое оружие, и притом такое, которое начнет убивать лишь спустя пять или десять лет... На это как раз способен вирус СПИДа!

Но можно ли отказаться от вирусологии? Разумеется, нет. Вот типичная антиномия практического действия. Много «ЗЛА» проистекает из-за вовлечения результатов развития науки, новых технологий в систему глобальных политических антагонизмов. Наука, однако, может быть лишь проектировщиком таких технологий, а не инвестором-финансистом. Тут должны вступать в дело с помощью законодательства ПРАВИТЕЛЬСТВА, поскольку ни при социализме, ни при капитализме не окупятся средства, вложенные непосредственно в спасение биосферы. Экологические проблемы, как правило, выходят за границы отдельных государств, правительства которых, самое большее, могут обвинять других в особенно интенсивном разрушении биосферы. Эти проблемы либо будут решаться в глобальном масштабе, либо их не удастся решить по-настоящему. Это как разогнавшийся поезд: чем позже мы начнем тормозить, тем дольше тормозной путь. Спасение биосферы осложняет еще один фактор — демографический взрыв. Когда я ходил в школу, мир населяли два миллиарда человек, а теперь — пять миллиардов с лишним. Благодаря новым методам земледелия, синтезу пищевых белков и так далее, то есть благодаря БЛАГАМ, которые приносит наука, Земля прокормит и 12 миллиардов, но 48 миллиардов она не прокормит. И потому XXI столетие будет временем необычайно трудных решений.

При стабилизации численности человечества на уровне около четырех миллиардов все живущие могли бы достигнуть комфорта, уже существующего в наиболее зажиточных странах. Впрочем, «ЗЛО», проистекающее из науки, вообще больше бросается в глаза, чем «ДОБРО». Телевидение показывает нам искореженные при столкновении железнодорожные вагоны или обгоревший остов самолета; выходит, виноват Стефенсон или же братья Райт. Но никто не показывает нам «хорошую сторону» прогресса науки — миллионы людей, оставшихся в живых благодаря тому, что медицине удалось победить эпидемии чумы, холеры, туберкулез, наладить профилактику гриппа...

Наконец, следует повторить, что наука может предложить нам решение старых задач, а также новые задачи, но не может сама широко внедрить в жизнь все то, что она изобрела и открыла. Между новшеством и его внедрением могут встать непреодолимые экономические барьеры. В глобальном и историческом масштабе наблюдается такое ускорение научно-технического прогресса, при котором чем беднее страна, тем больше она отстает от авангарда. А авангард мчится, время от времени сдерживаемый в общем-то «ВСЕГО ЛИШЬ» уже упомянутым «барьером инвестиционных издержек». Почему он так мчится? Потому что человек так устроен: если ему удалось взобраться на Эверест с кислородным аппаратом, дальше он хочет взойти на вершину без аппарата (и это-таки удалось), а потом и женщины не захотели отставать от мужчин! Ошибается тот, кто думает, будто это свойственно лишь альпинистам. Так обстоит дело со всем. Человек — существо творческое, и необходимы стагнирующие системы, чтобы обуздать в нем неуправляемый творческий порыв.

Как рост земной популяции, так и ускорение индустриальных изменений суть различные формы ЭКСПОНЕНЦИАЛЬНОГО роста. Для него характерно медленное начало и ускорение, возрастающее в такой степени, что экстраполяция на следующее столетие показывает «бесконечно большую» численность жителей Земли или такую динамику «технореволюций», при которой одна сменяет другую в течение секунд. Разумеется, и то и другое одинаково невозможно. Я полагаю — и, по-видимому, тут у меня найдется немного сторонников,— что овладение «технологией», которую создала Природа в ходе биогенеза, то есть заимствование у явлений жизни БИОТЕХНОЛОГИИ, повлечет за собой такую глобальную эволюцию, последствия которой превзойдут как «механическую» революцию (век машин), так и «интелектрическую» (век компьютеров). Возникнет «технобиосфера», способная к стабильному сосуществованию с биосферой.

Но, так как это можно счесть моими фантазиями, я на этом остановлюсь. Перед лицом «ЗЛА», производного от науки, наиболее неотложной задачей является сегодня создание «природоспасательных технологий», а это требует активности со стороны особых групп «экологического давления». Исправление, которое «не окупится» ни одному из инвеститоров в отдельности, а «окупится» ТОЛЬКО человечеству в целом,— это задача для всех. И притом труднейшая из возможных, ведь если действовать призваны «все», то, как правило, почти никто в отдельности не чувствует обязанности следовать этому призыву...

«ЗАЩИТА ОТ ДУРАКОВ», ИЛИ МЕНЬШЕЕ ЗЛО

ы не располагаем энергией более чистой, чем атомная. Это следует повторять, потому что экспертов, способных привести контраргументы, легко найдет каждый политик. (Экспертов, «способных протестовать», можно найти для любого дела: к примеру, противников генной инженерии, строительства автострад, плотин для водохранилищ, есть даже эксперты, выступающие против всеобщей проверки на инфекцию вирусом СПИДа, «потому что это было бы антидемократическим принуждением». Как будто обязательные прививки или обязательное школьное образование не являются «принуждением».)

Расширение и абсолютизация понятия «демократия» могут легко привести к выдвижению требований, абсурдных с точки зрения здравого смысла. В западногерманском феминистском журнале я видел анатомический разрез тела мужчины; во внутреннюю поверхность передней стенки его брюшной полости была вживлена плацента с плодом. Это был «довод» в пользу того, что в принципе можно уравнять мужчину и женщину, даже если речь идет о беременности и вынашивании плода, а роды заменило бы кесарево сечение «отцематери». Полагаю, тут можно воздержаться от комментариев.

Ликвидация всех атомных электростанций уже сейчас включена в программу партии «зеленых» в ФРГ, в которой имеются эксперты, разъясняющие, что Федеративная Республика МОГЛА БЫ обойтись «без атома» и перейти на традиционную тепловую энергетику. Для богатой Германии это действительно выполнимо, но... только для нее одной. Если бы другие страны последовали этому примеру, где-то к 2100 году топливные ресурсы были бы исчерпаны, не говоря уже о загрязнении атмосферы с непредсказуемыми последствиями.

Чернобыль доказал лишь то, что и без того было известно: наиболее подверженное авариям звено технологических процессов — ЧЕЛОВЕК. Поэтому безопасность атомных реакторов должна обеспечиваться «на многих уровнях», а кроме того, необходимы предохранительные устройства, называемые в США «foolproof», а в Германии «idiotensicher» — «защита от дураков». Это довольно дорого, но возможно. Потери, вызванные чернобыльской катастрофой, были во много раз больше того, во что обошлась бы надлежащая защита реактора (в том числе графитового, хотя я не хочу входить здесь в технические подробности).

Можно ли гарантировать безаварийность атомных электростанций на сто процентов? Нельзя. Нельзя гарантировать безопасность никакой деятельности. Тепловые электростанции вместе с продуктами сгорания ТОЖЕ выбрасывают радиоактивные вещества, содержащиеся, например, в угле, которым топят котлы. Наше воображение рисует над каждой атомной станцией гриб ядерного взрыва. Но это, повторяю, нерационально — разве что мы согласимся вернуться к технике средневековья. Как и обычно, мы выбираем меньшее зло, с тем, однако, что в наших силах свести его к минимуму, совершенствуя методы управления и контроля.

Эйнштейн, один из наиболее мирно настроенных людей, своим письмом Рузвельту запустил механизм, который привел к появлению атомной бомбы. Он думал, что это гонка на скорость с учеными Гитлера. Но допустимо ли принимать в расчет намерения?

Можно было бы говорить об ответственности ex ante и ex post, до и после. Немецкие психиатры, убивавшие своих соотечественников в больницах задолго еще до начала войны, пытались впоследствии оправдаться тем, что поверили в теорию «расовой чистоты» и в необходимость ликвидации «неполноценной жизни». Если отбросить приоритет человеческой жизни в качестве аксиомы, нетрудно прийти к выводу, что умственно неизлечимо больных, недоразвитых можно умерщвлять. В наше время этого, кажется, никто уже не утверждает. Эти психиатры БЫЛИ виновны, поскольку, согласно всеобщему убеждению, врачи не должны служить смерти.

Однако прогресс медицины ставит эскулапов перед дилеммами типа антиномий практического действия. Можно ли использовать новорожденных, которые приходят на свет без мозга (аненцефалы) и потому неспособны к жизни, в качестве «склада запасных частей» для пациентов, которые умерли бы без пересадки органов? Я полагаю, что это должно быть разрешено. Католическая церковь и этих анэнцефалов считает людьми, в таком случае с пересадкой следовало бы подождать, пока они умрут естественной смертью. Но после смерти большая часть органов подвергается изменениям, делающим пересадку невозможной.

Где провести границу между дозволенным и недозволенным?

К тому же существование людей, физиологически неспособных к самостоятельной жизни, можно поддерживать на чисто «вегетативном» уровне при помощи искусственных устройств (легкие, сердце, искусственная почка и т. д.). Вдобавок медицина умеет уже пересаживать все больше различных органов, но откуда их брать, если спрос превышает предложение?

Ко всему этому следует добавить еще возрастание стоимости все более совершенных новшеств в медицине. Даже в самых богатых странах невозможно предоставить ВСЕМ возможность пользоваться новейшими методами диагностики и терапии. За кем должно быть право «распределения» органов? Ведь часто речь идет о жизни и смерти! Следует ли оставить право окончательного решения за врачами? Законодатель не в состоянии сформулировать такие определения, которые сняли бы с медицины всякую моральную ответственность за выбор поведения.

Между невиновностью Марии Кюри-Склодовской (которая, хотя и открыла радий, НИЧЕГО не могла знать об отдаленных последствиях своего открытия) и поведением немецких ученых (которые постепенно удушали узников концлагерей в особых камерах; выкачивая из них воздух, и снимали агонию на пленку «в чисто научных целях») простирается широкий спектр моральной ответственности ученых. С точки зрения общества не важно, что сам ученый думал о своем поведении. Хотя Трофим Лысенко был неучем, верившим в свою теорию «расшатанной наследственности», и не только нанес огромный вред своей стране, но и способствовал гибели многих выдающихся генетиков (хотя бы Вавилова), я тем не менее не считаю, что следовало бы привлечь его к судебной ответственности. Границы моральной ответственности гораздо шире сферы действия судебных кодексов.

Я не вижу иного выхода из этой ловушки, кроме сознательного выбора: либо служить науке, сознавая возможность оказаться «морально ответственным за ЗЛО», либо пойти в поэты, портные, сапожники, ибо это единственная надежная гарантия. Познанию законов природы всегда сопутствуют какой-то аверс и какой-то реверс. Чувство вины, преследовавшее Эйнштейна до самой смерти,— это моральные издержки профессии ученого.

Ученого, так или иначе влияющего на общественные процессы и в некоторых случаях вопреки собственному желанию вынужденного «приспосабливать» себя к «правилам поведения» в обществе.

ВСЕДОЗВОЛЕННОСТЬ ДЛЯ ДИЛЕТАНТА

на собственной шкуре познал все основные типы общественного устройства нашего века: бедный капитализм довоенной Польши, господство гитлеризма в годы немецкой оккупации, сталинизм в СССР, его польскую разновидность, «оттепель» и сменившие ее «заморозки», кризис, «взрыв» «Солидарности», ее упадок и нынешнее начало перестройки... Таким образом, я — «ученик многих эпох», хотя сам того не сознавал. Это наложило отпечаток на большую часть моего творчества, заставив работать мою СОЦИОЛОГИЧЕСКИ ориентированную фантазию.

Научная фантастика оказалась при этом неплохим материалом для моделирования. При ее помощи я показывал, что происходит, когда «индивидов приспосабливают к обществу», и наоборот, когда «общество приспосабливают к индивидам». Как можно устранить полицейский контроль и любые уголовные санкции, в то же время не ввергая общество в состояние анархии? Своими произведениями я спрашивал: в самом ли деле человек — творческое существо, способное постоянно совершенствоваться под влиянием культуры? Куда ведет непрерывное возрастание благ, их доступность, вплоть до бесплатной раздачи,— не приведут ли эти «утопии пресыщения» к причудливым разновидностям ада, к «электронной пещерной эпохе»? Ибо автоматизированное окружение, исполняя любые капризы людей, делает их ленивыми, оглупляет либо разжигает в них пламя агрессии. Бессильной, поскольку ничто, кроме уничтожения накопленного всебогатства, не способно стать объектом желаний и снов.

Из истории нам известны результаты нашествия «всадников Апокалипсиса» — нищеты, голода, войны и заразы. Но нищета благосостояния, отупение от избытка, такая легкость достижения намеченных целей, которая лишает их всякой ценности,— все это явления, которые маячат на горизонте в немногих наиболее развитых странах. Я знаю: отбивать у изголодавшихся аппетит на лакомства, живописуя недуги, нехорошо. Однако меня интересовала ВСЯ гамма, весь спектр возможных типов общественного устройства: и наименее любопытный в интеллектуальном плане тиранический деспотизм (его я высмеял в «Кибериаде»), и «благоденствие с протезированной технологически нравственностью» («этикосфера» в романе «Осмотр на месте»), и «тайнократия» — власть, имитирующая собственное существование благодаря тотальной монополии на информацию, то есть тотальной дезинформации («Эдем»). Я даже пробовал придумать тоталитарную идеологию, в буквальном смысле слова замыкающую разумные существа в государстве-ловушке (тоже в «Осмотре на месте»).

Тоталитаризм тем отличается от «обычной тирании» и от абсолютизма, что выдвигает собственную идеологию, а общество ее хотя бы в какой-то степени усваивает, или, другими словами, начинает в нее верить. Гитлеризм обещал немцам «жизненное пространство» благодаря внешней экспансии. Он увлек их на военные экспедиции, внушая им идею «исторической миссии» — завоевания мирового господства. Марксизм же, гуманистическая идеология, возникшая из нравственного возмущения социальной несправедливостью, обращался ко всем («Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов»). Расхождение теории и практики маскировалось блокадой правдивой информации и ее заменой фальсифицированной информацией. Поскольку, однако, коммунисты искренне верили в свою идеологию, олицетворением которой был в самые трудные годы Сталин, обнажение фальсификации истории должно было оказаться для них настоящей трагедией. Напротив, национал-социализм — это стоит заметить — рассыпался в прах вместе с трупом Гитлера, потому что он сам полностью дискредитировал свое учение в глазах собственного общества.

Наш век ускорения познания и технического ускорения отчасти благоприятствует человеческим обществам, отчасти же чреват угрозой их распада. Ибо он порождает одну за другой проблемы и их решения, но проблем порождает больше, чем решений... Мы вынуждены принимать решения отдаленные — то есть СОЦИАЛЬНЫЕ,— ПОСЛЕДСТВИЯ И ИЗДЕРЖКИ которых часто неизвестны. Пока никто не мог поворачивать реки, не было и проблемы, что с такими реками делать. Пока демократизация не появилась в программах коммунистов, не было проблемы, как далеко можно и следует ее довести.

Прямая, тем самым будто более совершенная демократия — это не правление представителей большинства, но терминалы компьютеров, доведенные до жилища каждого. Любое предписание, любой закон подлежали бы при этом всеобщему и тайному голосованию. Путем простого нажатия кнопки каждый высказывал бы свое «да» или «нет» о данном проекте (например, правительственном законопроекте о профессиональных союзах, о налогах и так далее). «Всекомпьютерный референдум», таким образом, возможен технически, но его последствия были бы фатальны, поскольку большая (и притом всевозрастающая) часть решений, которые приходится принимать, оказывается выше уровня компетентности дилетантов. Такова антиномия практического действия: «цивилизация как правление экспертов» или как «правление всех».

РАЗУМ — ТОЖДЕСТВО СВОБОДЫ

втоэволюция человека, то есть самопреобразование вида, кажется мне нежелательной и — к счастью — чрезвычайно удаленной во времени возможностью. Я старался скорее показать — ибо тут трудно говорить о ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ в собственном смысле слова,— что РАЗУМНОЕ и ПОТОМУ внутренне свободное существо никакими переделками нельзя превратить в «элемент совершенного общества». Только что значит «совершенного»? Ведь не в боевую же машину обратить человека, что было идеалом фашизма. Даже овладение «хрономобилизмом», то есть передвижением во времени (это иронически описано мною в «Повторении», где речь идет о «повторном сотворении мира» — в компьютере), привело бы к «экспедициям в прошлое» для «исправления ошибок и искривлений», и стрелка истории с одного бедственного пути была бы переведена на другой,— после чего, наверное, дошло бы до «схватки за власть над временем».

Рая на Земле никогда не будет, если в нем должны жить люди свободные и разумные. Свобода достигается в устремлениях, а не в таком их осуществлении, после которого оставалось бы только почивать на лаврах победы.

Можно было бы (после — пока еще весьма отдаленного — составления «карт нашей наследственности»; подобные проекты УЖЕ разрабатываются) позаботиться об устранении генов, виновных за ошибки в развитии организма, а в самой далекой перспективе — о том, чтобы естественный человек НЕ вытеснил самого себя из своей экологической ниши (или попросту не уничтожил условия своего земного существования) при помощи созданных им самим технологий.

Ведь не о том речь, чтобы «все, что пока еще делаем мы», включая умственную, познавательную работу, выполняла бы ЗА НАС автоматизированная среда обитания. Не имеет значения, что такую среду сегодня пока невозможно сконструировать. Важнее гораздо, чтобы изобретательность человека НЕ «катапультировала» нас из нашего человеческого естества. Ибо из-за тождественности, биологической и психической, вида «человек разумный» самому себе в будущем начнутся сражения (бескровные, как я полагаю), которые я ТАКЖЕ пытался изобразить в «Осмотре на месте». Потому что, сочиняя книгу за книгой, спустя какое-то время я замечал недостатки своих опусов и возвращался к проблемам,— но не к темам,— чтобы не наскучить ни себе самому, ни читателю.

То, что получилось в «Сумме технологии», можно обозначить, как «Пасквиль на эволюцию», свое продолжение он нашел в «Големе XIV», который ныне, четверть века спустя, звучит более правдоподобно, чем в момент выхода. Потому, наверное, что благодаря новым знаниям о строении нашего организма мы заметили накопившиеся в нем в ходе эволюции как «ненужные сложности», так и «слишком узкие места». Для рассказа о тех и других понадобилась бы солидная книга. Генная инженерия многое может усовершенствовать в человеке, не упраздняя его человеческой сущности, сконцентрированной, как бы там ни было, в мозгу.

Наш вид не должен утерять своей преемственности, то есть идентичности с историческими предками. Если бы мы уничтожили в себе эту идентичность, это было бы равнозначно уничтожению многовековой культурной традиции, созданной разумными усилиями тысяч поколений. На такую «оптимизацию» я бы не согласился, ведь ВЗАМЕН мы могли бы получить разве что сытое довольство необычайно здоровых, не подверженных болезням лентяев. Неудовлетворенность собой, своими достижениями, негодующее осуждение любого отречения от канонов нравственности (которые, правда, не до конца отчетливы и последовательны, но тем не менее существуют как кантовский «нравственный закон во мне») — все это не атрибуты истинно человеческого, но и истинно человеческое в своей сущности.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

У меня нет более ревностных и внимательных читателей, чем советские. От них я получал письма с указанием даже мелких погрешностей, противоречий, ошибок в тексте — свидетельство серьезного и внимательного чтения, которое ценнее голословных похвал. К сожалению, я не имею возможности ответить на все письма. Если бы мог, охотно приехал бы в вашу страну снова. Увы, здоровье уже не позволяет...

Я читаю не так много периодических изданий, но «Огонек» в их числе. Каждый номер просматриваю от доски до доски, для меня важно все — от писем читателей до последней страницы. Невыразимо жаль, что много моих русских друзей не дожили до перестройки и гласности — от моей переводчицы Ариадны Громовой до Владимира Высоцкого...

Каждому западному журналисту, приезжающему в Краков, чтобы взять у меня интервью, я заявляю: в СССР происходят перемены, которые несколько лет назад каждый счел бы невозможными, а вы почти совершенно перестали интересоваться этими гигантскими преобразованиями в сфере сознания и установок; сразу поняв, что вам уже не приходится бояться Советов как агрессора, вы занялись исключительно наполнением своих карманов и желудков! Думаю, это как-то выражает мое отношение к вашему журналу.

Конечно, одним лишь писанием мир не изменить. Но то, что у вас уже произошло, и то, как развиваются события, свидетельствует о том, что правда — стократно погребенная, похороненная, затоптанная — берет реванш за свои поражения годы спустя. Народы имеют ПРАВО знать правду о собственной истории, ибо только глупцам замалчивание собственных поражений, «внутренних» преступлений и бед кажется самым простым и самым лучшим способом разделаться с прошлым.

Я не могу — да и никто не может — знать будущего перестройки. Она не сможет обойтись без потрясений, пройти легко и гладко, однако я знаю, что ее поражение было бы поражением не только Советского Союза, но и всего мира. Хотя в Польше много пишут о поддержке перестройки и о том, чтобы последовать вашему примеру, нам не хватает вашего тона безусловной искренности в спорах, дискуссиях... Но хотя не всего, о чем мечтается, можно достичь, мы — благодаря вам — уже обрели надежду.

Россия была страной могучих талантов; и могучими, наверное, были силы, заставившие ее молчать. Наступает время, когда Россия может заговорить снова.

Краков

СТАНИСЛАВ ЛЕМ. СТАЛИНСКИЙ НАРКОМ

Юрий ГЕЛЛЕР

За семь десятилетий существования Советского государства во главе вооруженных сил перебывало более полутора десятков различных военачальников. В среднем каждые четыре-пять лет менялись наркомы обороны (министры обороны). Единственным военачальником, который побил рекорд пребывания на посту наркома обороны, был К. Е. Ворошилов. На этом посту он пробыл почти полтора десятилетия.

К. Е. Ворошилов — сталинский выдвиженец, он начал формироваться как угодник Сталина еще в 1907—1908 годах в Баку. Хотя надо все же сказать, что до 1918 года он был деятельным революционером.

Если проследить, как руководил Ворошилов вооруженными силами, то нетрудно заметить, что в первые четыре-пять лет он продолжал военные реформы, начатые до него, а затем в течение десятилетия шло разрушение армии. В этом и заключалась трагедия Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Издавна известно: каковы командные кадры, такова и армия. Хорошо подготовленные в профессиональном отношении и опытные офицеры превращали армию в сильный боевой инструмент, способный решать самые сложные задачи. И наоборот, при отсутствии таких кадров армия больше походила на «сборище едоков», нежели на организованную военную силу.

1930 год запомнился многим ветеранам партии и войны не только строительством крупных предприятий, коллективизацией сельского хозяйства, но и репрессивными акциями, которые стали уже более чем заметны. Арестам в 1930 году в армии подверглись многие преподаватели из числа бывших военных специалистов. Позже нам стало известно, что аресты преподавателей и работников окружных и центральных управлений проводились в Москве, Ленинграде, Харькове и в других городах. Среди репрессированных оказались такие широко известные ученые, как Верховский, Лигнау, Лукирский, Какурин, Сапожников, Свечин, Снесарев, Сухов и другие. Разгром военно-научных кадров лишил войска тех деятелей, которые разрабатывали военную теорию, обобщали исторический опыт, конструировали новую технику. Поэтому в Наркомате обороны даже не заметили новых тенденций в развитии способов вооруженной борьбы. Случилось нечто невероятное: Генеральный штаб и командование округов пытались вести войну с фашистской Германией методами первой мировой войны.

Особенно трагические последствия имели репрессии в 1937—1938 годах. Одному из ветеранов Красной Армии, генерал-лейтенанту А. И. Тодорскому, после восемнадцатилетних скитаний по тюрьмам и лагерям довелось возглавить одну из комиссий по реабилитации жертв сталинского произвола. В то время он составил небольшую справку, которую передал некоторым своим друзьям и знакомым. Один экземпляр ее достался мне как главному редактору «Военно-исторического журнала». Выдержки из нее уже публиковались, но некоторые факты уместно напомнить еще раз.

Из пяти Маршалов Советского Союза как жертвы террора погибли трое: М. Н. Тухачевский, А. И. Егоров, В. К. Блюхер. Остались живы К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный. Погибли оба армейских комиссара 1 ранга — Я. Б. Гамарник и П. А. Смирнов. Из пяти командармов 1 ранга погибли трое: И. Э. Якир, И. П. Уборевич, И. П. Белов. Погибли оба флагмана флота 1 ранга — В. М. Орлов и М. В. Викторов. Погибли все командармы 2 ранга: П. Е. Дыбенко, М. К. Левандовский, И. Н. Дубовой, А. И. Корк, Н. Д. Каширин, А. И. Седякин, Я. И. Алкснис, И. А. Халепский, И. И. Вацетис, М. Д. Великанов. Погибли оба флагмана флота 2 ранга. Погибли все пятнадцать армейских комиссаров 2 ранга. Из 67 комкоров были репрессированы 60, из них погибли 57. Погибли все шесть флагманов 1 ранга. Из 28 корпусных комиссаров репрессированы 25, из них погибли 23. Из пятнадцати флагманов 2 ранга погибли девять. Из 199 комдивов репрессированы 136, из них погибли 125, возвратились из заключения одиннадцать человек. Из 97 дивизионных комиссаров репрессированы 79, из них погибли 69. Из 397 комбригов репрессированы 221, из них погибли 200...

Далее в справке указывается, что только в армии с мая 1937 года по сентябрь 1938 года был репрессирован 36 761 военачальник, на флоте — свыше 3 тысяч. Следовательно, менее чем за полтора года подверглись репрессиям около 40 тысяч командиров Красной Армии и Военно-Морского Флота. Мировая история не знала случаев, чтобы перед надвигавшейся войной с таким неистовством и размахом уничтожались военные кадры в собственной стране.

В начале 60-х годов мне неоднократно доводилось встречаться с Ворошиловым. Он охотно рассказывал о своем жизненном пути, даже то, как он оказался в одной из пещер Кисловодска на совещании участников «новой оппозиции» во главе с Зиновьевым. Но когда в ходе беседы речь заходила о массовых репрессиях, он сразу тушевался, отвечал на вопросы весьма сдержанно. Однажды я его спросил, сожалел ли когда-либо Сталин о гибели выдающихся полководцев. Вот что он ответил: «Сталин не столько сожалел об их гибели, сколько стремился возложить ответственность за этот тяжкий грех на одного меня. Конечно, я с этим согласиться не мог и всегда отбивался». «Решение о расправе над Тухачевским и другими,— продолжал он,— навязывали нам Сталин, Молотов и Ежов».

Мне довелось беседовать по этому вопросу с П. К. Пономаренко и Г. К. Жуковым; они говорили о том, что в критические моменты на фронтах Сталин вспоминал о некоторых погибших военачальниках, делая вид, что сам он неповинен в их уничтожении.

Н. ПАВЛЕНКО,
генерал-лейтенант,
профессор,
доктор исторических наук

Летом 1937 года в одной из центральных газет был опубликован дружеский шарж, изображавший двух «сталинских наркомов», обменивающихся крепким рукопожатием. Это были самые популярные тогда лица из ближайшего окружения «вождя всех народов»: Климент Ефремович Ворошилов и Николай Иванович Ежов. В их честь слагали стихи и пели песни. Нарицательными стали выражения «ежовы рукавицы» и «ворошиловский стрелок». Однако в истории страны память о них запечатлена по-разному. Ежов стал символом массовых репрессий, Ворошилов остался эмблемой доблести и героизма.

Справедливо ли это?

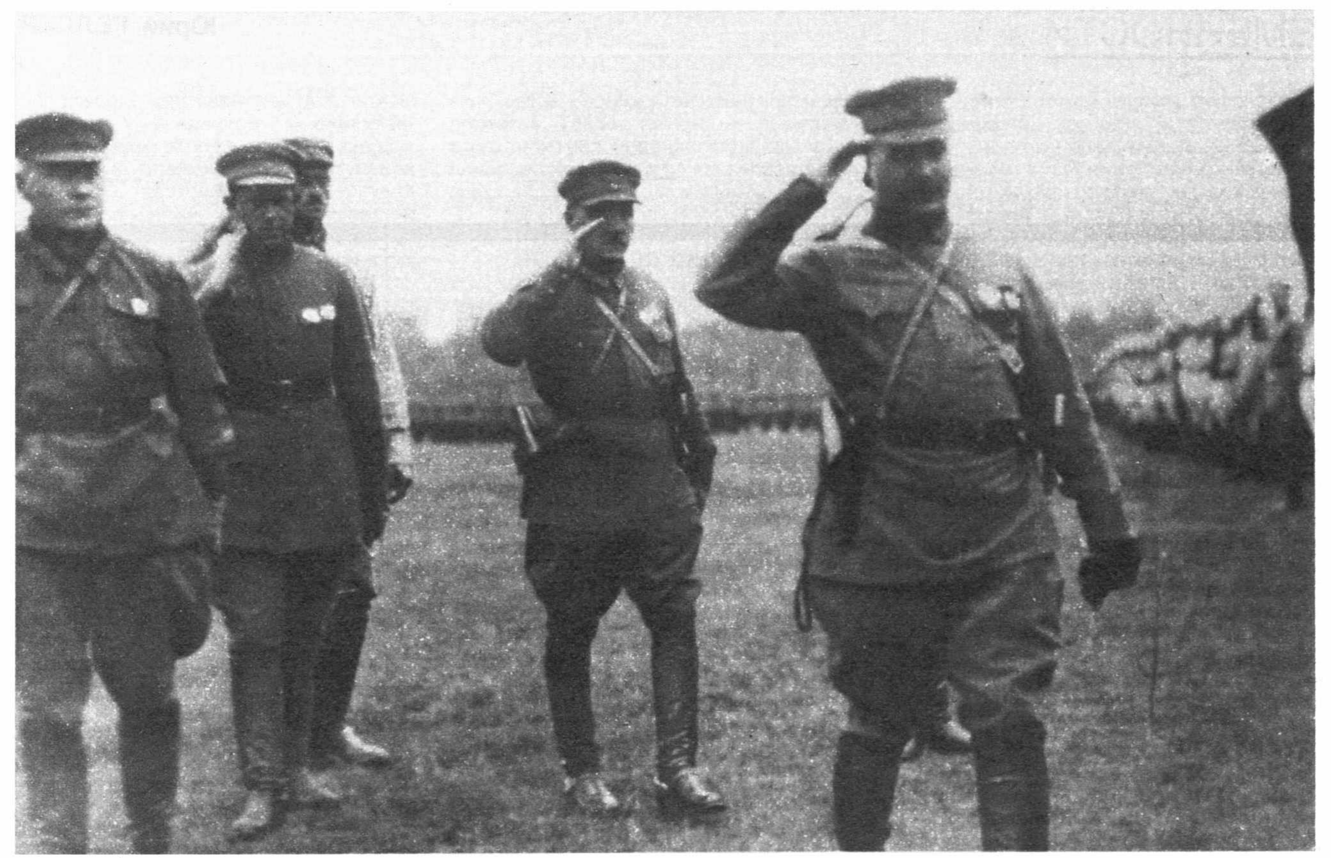
Тандем Сталин — Ворошилов, сформировавшийся в начале гражданской войны, летом 1918 года, просуществовал до трагической осени 1941 года, но — фактически до смерти Сталина. Ворошилов, переживший своего патрона на шестнадцать лет, кумиру своему не изменил. Он тридцать пять лет входил в ближайшее окружение Сталина и остался почти единственным, кого за столь долгий период Сталин не поставил к стенке.

Биография К. Е. Ворошилова хорошо известна. Данные о том, когда родился, когда умер, что делал до революции, какие должности занимал после нее, какие и когда получил награды, имеются во всех энциклопедиях и словарях. Повторяться не стоит. Лучше сказать о том, что не вошло ни в какие справочники и биографии. Тандем Сталин — Ворошилов принес нашему народу, нашей стране неисчислимые бедствия. Ворошилов — один из главных организаторов массового уничтожения десятков тысяч ни в чем не повинных людей — посмертно носит придуманную для него биографию «легендарного полководца» и «народного героя». Давайте посмотрим настоящую, непридуманную биографию Ворошилова. Причем должен предупредить, первооткрывателем не являюсь. Почти все, что здесь написано, было давно известно и даже опубликовано много лет назад, кстати, при жизни Ворошилова.

Два будущих полководца — «великий, всех времен и народов» и «легендарный» — впервые сошлись на военной ниве в начале лета 1918 года. Сталин был чрезвычайным уполномоченным ВЦИК по вопросу о хлебе, Ворошилов руководил группой войск, отходивших из Донбасса к Царицыну. Оба вошли в Военный совет СКВО (Северо-Кавказский военный округ) и, естественно, немедленно вмешались в оперативное руководство войсками на том основании, что один — представитель центра, а другой — командующий группой войск, составивших значительную часть сил СКВО; то был партизанский табор, из которого еще нужно было формировать боеспособные части.

Может ли стать военачальником человек, никогда до этого не служивший в армии? Может! Есть немало тому примеров. В РККА — М. В. Фрунзе, И. Э. Якир и другие известные герои гражданской войны. Причем Фрунзе и Якир стали профессиональными военными. Для этого нужно упорно учиться. Сталин и Ворошилов, напротив, никогда не учились. И остались малокомпетентными в военных вопросах людьми. Сильно отредактированный Жуков считал, что Ворошилов так до конца жизни и остался на невысоком уровне, а Сталин-де к концу войны чему-то научился. Последнее не подтверждается, как ни странно, ни самим Жуковым, ни другими военачальниками. Из их воспоминаний, иногда помимо их воли, ясно видно, что Сталин до конца своей жизни оставался невежественным в военном деле человеком. Зато амбиции у Сталина и Ворошилова были огромны, они очень хотели считаться полководцами.

Давайте сразу определим смысл слова «полководец». Полководец — это не должность, а качество. Это умение руководителя армии, включающее в себя большое количество компонентов: от уровня эрудиции до масштабного поли-

Парад на Октябрьском поле в Москве. 1925 г. (Справа налево): М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилов, И. Э. Якир. За Якиром Н. В. Лисовский — зам. нач. штаба МВО, крайний слева неизвестен.

тического и военного прогнозирования. С этой точки зрения ни Сталин, ни Ворошилов полководцами не были. Сталин вообще не был военным человеком, хотя и любил военную форму. О Ворошилове же речь может идти только как о военачальнике.

Под Царицыном в 1918 году Сталин и Ворошилов попытались осуществить свои желания — водить полки. Не получилось. Их предпочтение партизанских методов созданию регулярных частей и непонимание военной обстановки привели к ухудшению положения красных войск и к конфликту со штабом округа, с его военным руководителем А. Е. Снесаревым, опытным военачальником и военным ученым. Конфликтовать со Сталиным и Ворошиловым было всегда опасно: решали не правда, не логика, не интересы дела, а их личные амбиции. Сам Снесарев и десятки бывших офицеров, служивших в штабе и частях округа, были арестованы и объявлены «врагами и предателями», причем без каких-либо доказательств. Из Москвы, чтобы разобраться в конфликте, приезжали специальные комиссии. Снесарева удалось спасти: он был назначен военруком Западного участка Завесы. А остальных военспецов Сталин и Ворошилов репрессировали, все они погибли.

На этом первый конфликт в Царицыне завершился. Тяжело раненный эсеркой Владимир Ильич Ленин лежал в полубессознательном состоянии в квартире в Кремле, так что в те дни «обуздать» Сталина было трудно: расследования никто не проводил. Оба «лихих» революционера вкупе с председателем Царицынского исполкома С. К. Мининым остались безнаказанными. А 17 сентября 1918 года они вошли в состав РВС вновь сформированного Южного фронта.

Командующим войсками фронта был назначен бывший генерал П. П. Сытин. Ворошилов и Минин немедленно предложили избрать Сталина председателем РВС фронта, хотя такая должность директивой Реввоенсовета Республики не предусматривалась. Новый командующий категорически отклонил некомпетентное вмешательство Сталина и Ворошилова в оперативные вопросы: снова вспыхнул конфликт.

Нарушив партийную, государственную и военную дисциплину, Сталин и Ворошилов отстранили Сытина от руководства войсками фронта и сделали командующим... Ворошилова. Однако на этот раз ЦК и РВС Республики проявили решительность: троицу (то есть тандем и Минина) из РВС фронта убрали. Сталина отозвали в Москву, Ворошилова направили в войска, Минина на другую работу. П. П. Сытин был восстановлен в должности командующего.

Но эпизод даром не прошел. Цепь конфликтов потянулась от Царицына до Астрахани, затянулась партизанщина, не были вовремя сформированы боеспособные регулярные части, и в результате на Северном Кавказе укрепился грозный враг Советской республики — генерал А. И. Деникин. Он сформировал там свои армии для похода на Москву. Никаких оснований превозносить Сталина и Ворошилова в связи с обороной Царицына нет. Но превозносили и превозносят!

К. Е. Ворошилов как военачальник гражданской войны? Под словом «военачальник» подразумевается не только высокая командирская должность, но и главным образом его умение эту должность исполнять. Ворошилов был храбрым человеком, обладал он и небольшими организаторскими способностями. Это необходимый минимум для начала; дальше нужны знания, талант стратега, воинская доблесть. Вот до этого «дальше» Ворошилов так никогда и не дошел. Он весной 1918 года сформировал отряд, был избран командиром объединения партизанских отрядов, получившего наименование 5-я Украинская армия. Командарм Ворошилов отступал от Донбасса к Царицыну и там участвовал в обороне города. После вывода его из РВС фронта Ворошилов некоторое время командовал X Армией. Трудно сказать, верило или нет руководство Реввоенсовета Республики заключениям военспецов Снесарева и Сытина о некомпетентности Ворошилова в оперативных вопросах? Но вскоре его перевели на гражданскую службу наркомом внутренних дел УССР, каковым он и был до июня 1919 года.

В марте 1919 года на VIII съезде партии возродилась связка Сталин — Ворошилов. Одним из главных вопросов на съезде был вопрос о Красной Армии. Как строить армию социалистического государства? Какой она должна быть?

Красная Армия должна быть революционной кадровой армией, возглавляемой назначенными вышестоящими органами командирами-специалистами, с революционной железной дисциплиной — таково было мнение В. И. Ленина.

Красная Армия должна быть милиционной (ополченческой), партизанской, с выборностью комсостава и обсуждением приказов — так считала сформировавшаяся на съезде «военная оппозиция», фактическим, точнее, закулисным, лидером которой был тандем Сталин — Ворошилов, через десять лет объявивший себя «настоящим, подлинным» создателем и организатором Красной Армии.

Официально Сталин к оппозиции не примкнул. Наша наука утверждает, что «военная оппозиция» была направлена лично против Троцкого и «засилья троцкистов» в армии, и потому участие в ней как бы извинительно. Действующие до сих пор штампы конца 30-х годов, пытающиеся представить Троцкого автономной силой в армии, в сущности, направлены на дискредитацию ЦК и заставляют думать, что главную роль в победе советского народа в гражданской войне сыграли не Ленин и ленинский ЦК, а некто другой, мудрый и дальновидный.

По-моему, на самом деле «военная оппозиция» была направлена против Ленина и его стремления создать регулярную армию. Участие же и лидерство в оппозиции Ворошилова объясняются отнюдь не благородными «идейными» целями, а субъективными мотивами. Во-первых, боязнью с приходом военных специалистов лишиться возможности командовать, т. е. утратить даром доставшуюся власть над тысячами людей, и, во-вторых, полным непониманием принципов организации и комплектования современных вооруженных сил.

На посту наркомвнудела Украины Ворошилов участвовал в борьбе с поднявшим в мае 1919 г. восстание против Советской власти атаманом Григорьевым. Лично руководя группой войск на Кременчугском направлении, потерпел неудачу. После разгрома «григорьевщины» войсками Украинского фронта (командующий В. А. Антонов-Овсеенко) обратился в руководящие органы по многим адресам с клеветой на своих товарищей, требуя расправы с ними и «постыдно преувеличивая» (слова Антонова-Овсеенко) свои заслуги.

Командная деятельность Ворошилова на фронтах гражданской войны завершилась в том же 1919 году: 7 июня он был назначен командующим XIV Армией. А через две с небольшим недели, не сумев выполнить директивы командующего фронтом о мерах по обороне города, сдал Харьков деникинцам. Ворошилова судил военный трибунал. Трибунал подробно разобрался в происшедшем. Общее мнение судей выразил М. Л. Рухимович. Все знают, сказал он, что Ворошилов опытный подпольщик и хороший парень. Но командовать он может ротой, батальоном, с натяжкой — полком. Командармом быть не может — не умеет. Это его беда, а не вина. Его нельзя было назначать командармом...

Ворошилова послали формировать 61-ю стрелковую дивизию. Но он ее так и не сформировал. ЦК решил использовать Ворошилова на комиссарской работе. В ноябре 1919 года он был назначен членом РВС I Конной Армии и оставался на этой должности до конца гражданской войны.

Как комиссар Ворошилов вложил немало труда в создание первого объединения нашей стратегической конницы — I Конной Армии. Но и здесь «сбоев» не меньше, чем заслуг. Тандем продолжал действовать: Сталин сыграл решающую роль в назначении Ворошилова членом РВС I Конной. Но и эта должность оказалась Ворошилову фактически не по плечу. Он так и не сумел наладить в армии настоящую воинскую дисциплину. И неудивительно: он и сам проявлял образец недисциплинированности.

Преследуя отступающие деникинские войска, I Конная и VIII Армия 7—8 января 1920 года заняли Ростов-на-Дону. Теперь необходимо было отрезать деникинцев за Доном, не дать им отступить к Новороссийску, переправиться в Крым. Иначе они могли усилить действовавшую там белогвардейскую группировку и открыть новый фронт против Советской республики. Для этого необходимо было форсировать Дон, взять Батайск и перерезать железную дорогу, идущую к Новороссийску... Обе армии — I Конная и VIII — вышли из состава Южного фронта (там членом РВС был Сталин) и вошли в Юго-Восточный (с января 1920 года — Кавказский) фронт. Командующий фронтом В. И. Шорин потребовал от Конармии энергичным ударом форсировать Дон и взять Батайск. И сразу возник конфликт! Конармия и ее командование не пожелали выполнять приказы Шорина. Двенадцать дней топтания на месте привели к срыву операции. Белые укрепились, и форсировать Дон теперь было очень трудно. Шорина назначили помглавкома РККА (фактически отозвали). Новым командующим фронта стал М. Н. Тухачевский.

Эпизод этот, известный как «Батайская пробка», из истории гражданской войны... выпал. В 1925 году В. И. Шорина вынудили уйти из армии. Правда, в приказе, подписанном М. В. Фрунзе, говорилось, что он, как герой, «навечно зачисляется в состав РККА»... Вне армии Шорин активно трудился над вопросами новой техники и был одним из организаторов знаменитого ГИРДа, где начиналось освоение ракетной техники. Василия Ивановича Шорина Ворошилов не забыл: в 1938 году 68-летнего старика расстреляли...

М. Н. Тухачевский попытался осуществить идею Шорина по-другому. Но опять подвела недисциплинированность командования Конармии. В телеграмме членам РВС Кавфронта И. Т. Смилге и Г. К. Орджоникидзе Ленин писал: «Крайне обеспокоен состоянием наших войск на Кавказском фронте, полным разложением у Буденного...». Тогда же, очевидно, родилась неприязнь Ворошилова и Буденного к Тухачевскому, перешедшая в ненависть после событий на польском фронте.

В общем, деникинцам удалось отвести основные части к Новороссийску и переправить их в Крым. Советская республика получила новый фронт, врангелевский...

Зато оба политических руководителя Конармии — Ворошилов и Е. А. Щаденко — в это же время приняли активное участие в расправе (скорее всего были инициаторами расправы) с героем гражданской войны Борисом Мокеевичем Думенко, командовавшим тогда I Конно-сводным корпусом. В деле трибунала, судившего Думенко и его товарищей, сохранились доносы, собственноручно написанные и подписанные Ворошиловым и Щаденко, а также командармом Буденным, которого эти двое тогда же уговорили написать донос. Показания трио были решающими для приговора: Думенко и его товарищи были казнены.

Неудача в польской кампании 1920 года до сих пор освещается в жестких и лживых сталинистских рамках: виновниками неудачи называют только Главкома С. С. Каменева и командующего Западным фронтом М. Н. Тухачевского. На самом деле это неправда, не вся правда.

У Советской республики перед войной и во время войны с белополяками было много трудностей, как экономических, так и военных. Учитывавший все это стратегический план Тухачевского был принят ЦК и Главным командованием. План этот предусматривал на заключительном этапе кампании нанести обоими фронтами — Западным и Юго-Западным — удар по Варшаве. Это могло бы привести к быстрому завершению войны и достойным для РСФСР условиям мира.

Сорвал операцию Сталин.

Под его нажимом командующий Юго-Западным фронтом А. И. Егоров не повернул в нужный момент свои армии на Варшавское направление, а продолжал бесполезное наступление на Львов. Снова Сталин отказался выполнять директивы Политбюро, ЦК и приказы Главкома. За это был отозван и снят с фронтовой работы. Большая часть сил фронта, в том числе и Конармия, были переданы Западному фронту. Но командование I Конармии — Буденный и Ворошилов — под различными предлогами не выполняло приказы своего командующего. И сорвало Варшавскую операцию, приведя всю кампанию к полной неудаче.

В сентябре 1920 года I Конную перебросили на врангелевский фронт. По дороге — тяжелое происшествие. Такого в РККА еще не было: целую дивизию Конармии за бандитизм осудил трибунал! Зачинщиков расстреляли. Дивизию условно расформировали, конармейцам предложили смыть вину кровью.

В докладе В. И. Ленину командующий фронтом М. В. Фрунзе сообщал: «Обращаю внимание на необходимость серьезных мер по приведению в порядок в политическом отношении I Конной Армии. Полагаю, что в лице ее мы имеем большую угрозу для нашего спокойствия в ближайшем будущем. Желателен приезд в части Армии т. Калинина».

М. И. Калинин вместе с А. В. Луначарским, Д. И. Курским, Н. А. Семашко и другими сотрудниками специального поезда «Октябрьская Революция» действительно побывал в расположении I Конной, чтобы навести в армии политический порядок.

Планируя заключительную операцию против Врангеля, М. В. Фрунзе поставил не I Конную в первый эшелон войск, а II Конную Армию Филиппа Кузьмича Миронова. А позже герой Миронов был оклеветан и убит в апреле 1921 года в Бутырской тюрьме. И через несколько лет все боевые заслуги его конармейцев приписали Ворошилову и Буденному.

В октябре 1925 года на операционном столе внезапно скончался руководитель Красной Армии 40-летний М. В. Фрунзе, видный политический и военный деятель, служивший исключительно делу, неподконтрольный Сталину и ни в какие группировки не входивший. Пролив крокодилову слезу на его торжественных похоронах, Сталин сумел «водрузить» на место Фрунзе напарника по тандему — Ворошилова.

Так Ворошилов стал председателем РВС СССР и наркомвоеном. Ни по уровню своих возможностей, ни по уровню знаний он для такого высокого поста не годился. Он был и оставался всю жизнь креатурой Сталина и, следуя в фарватере сталинских «дел», нанес на этом ответственном посту невосполнимый ущерб обороноспособности страны и Красной Армии.

Почти пятнадцать лет Ворошилов, сопровождаемый хором аллилуйщиков, руководил Красной Армией. Кончилось все это полным крахом. Конечно, глобальные вопросы военной политики решал не Ворошилов, а Сталин. Ворошилов, будучи наркомом, должен был, опираясь на штаб РККА (Генштаб) и высшее руководство армии, готовить, формулировать проекты этих вопросов, отстаивая нужды и интересы своего ведомства. Так, как это делают все руководители военных ведомств во всех странах. У нас все было не так.

Практически все вопросы готовил и формулировал Сталин — от стратегических до ведомственных и кадровых. Я думаю, что совсем не из-за отсутствия других забот. Может быть, он понимал ненадежность Ворошилова? Ненадежность не политическую — Сталин в личной преданности Ворошилова не сомневался,— а военную некомпетентность. Тем не менее до середины 30-х годов Ворошилов имел большой вес и реальную власть. Хотя некомпетентность Ворошилова чувствовали его подчиненные, а некоторые из них, например, М. Н. Тухачевский и С. С. Каменев, просто знали о ней!

1931—1936 годы были годами расцвета Красной Армии. В этот период заместителями Ворошилова (их было всего-навсего два) работали Я. Б. Гамарник и М. Н. Тухачевский. Главной фигурой в организации стремительного нарастания боевой мощи РККА в тот период на передовой военно-научной основе был, конечно, Михаил Николаевич Тухачевский. Тогда Ворошилов и Гамарник поддерживали Тухачевского. Ворошилов, видимо, понимал огромную значимость Тухачевского в военных делах, во многом помогал (а его помощь тогда очень много значила), во всяком случае, не мешал. Этот краткий период совместной работы был весьма результативным. Красную Армию удалось поднять до уровня лучших армий мира. Она могла отбить любое нападение и сурово наказать агрессора.

То, что произошло дальше, с точки зрения нормальных, человеческих взаимоотношений необъяснимо. В 1936—1938 годах Ворошилов предал своих товарищей и Красную Армию... Он стал участником и организатором массовых репрессий комсостава РККА. Вместе с командирами были репрессированы десятки тысяч членов их семей и родственников.

Подпись Ворошилова стоит под тысячами фамилий командиров, изгнанных из армии со стандартной формулировкой: «уволен вовсе из РККА за невозможностью дальнейшего использования». Что это означало, знали и знают все. Ходили слухи, что Ворошилов кому-то помогал, и это даже нашло отражение в литературе. Не знаю. К Ворошилову обращались сотни отчаявшихся людей, некоторые из этих писем сохранились, многие уничтожены. Я не читал ни одной положительной резолюции наркома, чаще всего на обращениях вообще не было резолюций. Может быть, и были военачальники и командиры, которым Ворошилов помог, но я ни одного такого не знаю. Зато знаю о личном участии его в организации арестов В. М. Примакова, И. Э. Якира, П. П. Григорьева и многих других.

Как такое могло случиться?

Я задаю вопрос не для того, чтобы выяснить тайные пружины сталинского заговора. Я хочу лишь попытаться понять поведение Ворошилова. Наши гражданские и военные историки до самого последнего времени предпочитали не связывать имя «легендарного маршала» с уничтожением Красной Армии. Предпочиталось нейтральное и безличное: «необоснованные репрессии».

Ворошилов оказался предателем. Почему?

Еще раз оговоримся: в наших официальных публикациях ни такого вопроса, ни ответа на него нет. Я выскажу только те мнения историков, которые мне известны по беседам и дискуссиям. Многие историки считают, что Ворошилов сопротивлялся готовящимся репрессиям. Я считаю, что все было подругому.

Единственное, в чем преуспел Ворошилов на посту наркома, это фальсификация истории гражданской войны и превознесение роли Сталина (ну, и собственной, конечно). Это он в 1929 году начал атаку на Красную Армию и на правду о ее делах в своем выступлении «Сталин и Красная Армия», посвященном 50-летию патрона. И я не слыхал, чтобы Ворошилов когда-нибудь отказался от своего выступления. Это Ворошилов в 1930 году попытался расправиться со многими военачальниками РККА — бывшими генералами и офицерами царской армии. Правда, тогда не вышло, и не по «вине» Ворошилова. В середине 30-х годов он недрогнувшей рукой выгнал из армии нескольких военачальников, оклеветанных и арестованных НКВД (Г. Д. Гай и другие). В первой половине 30-х годов он просто терпел наших выдающихся военачальников, поскольку они делали то, что сам Ворошилов со Сталиным делать не умели — воссоздавали армию, оборону страны. Когда Ворошилов и Сталин решили, что все в порядке, они просто избавились от мешавших им людей. Во-первых, те хорошо знали о сталинско-ворошиловском извращении истории страны, армии и войны, а во-вторых, они мешали установлению абсолютной власти тандема над армией и страной (Ворошилов еще не предполагал, что Сталин позже выкинет его из «упряжки»). Что касается количества жертв, их это не интересовало — народ велик, подрастут новые поколения.

Все события 30 и 40-х годов свидетельствуют о невежестве правительства Сталина, одной из опор которого в свое время был Ворошилов в вопросах руководства страной, ее экономикой, социальным развитием, наукой и культурой. С еще большей справедливостью это положение подтверждается в отношении армии. Тандем так и не понял, что армия — это не военные мундиры, о которых оба проявляли повышенную заботу. Армия — это военный инструмент в руках политики. Для того чтобы он действовал, нужны военная наука, военное искусство, военное дело в стране. Обезглавив армию, Сталин и Ворошилов, в сущности, ликвидировали военную науку, военное искусство и военное дело. Военные события конца 30-х годов и Великая Отечественная война полностью подтвердили это.

Чтобы продемонстрировать моральный облик сталинского наркома обороны, приведу один из его многочисленных приказов, подписанный 31 мая 1937 года: «Отстранить от занимаемой должности, исключить из состава Военного Совета при НКО СССР и уволить из РККА зам. наркома Обороны и Начальника Политуправления РККА армейского комиссара 1 ранга Гамарника Я. Б. как работника, находившегося в тесной групповой связи с Якиром, исключенным ныне из партии за участие в военно-фашистском заговоре».

Эти слова написал человек, не только знавший и понимавший выдающуюся роль, которую сыграли Ян Борисович Гамарник и Иона Эммануилович Якир в советском военном строительстве, но и сам состоявший с ними «в тесной групповой связи», много лет с ними друживший! Друживший с ними домами!..

Сталин до конца жизни так и не понял, что никого нельзя назначить в полководцы — полководцем нужно стать.

Полководцы. На снимке (слева направо): К. А. Вершинин, Г. К. Жуков, К. Е. Ворошилов, М. В. Захаров, К. К. Рокоссовский.

Действительность многократно подталкивала его к правильному пониманию этого вопроса, однако Сталин упорно ей сопротивлялся.

Зияющие провалы в обороноспособности страны сказались практически сразу же после того, как обезглавили РККА. И в 1938 году на Хасане, и особенно в 1939—1940 годах во время советско-финского конфликта. В мае 1940 года Ворошилова из армии пришлось удалить. Но Сталин, пока не подозревавший, что кто-нибудь, кроме конармейцев, сумеет руководить Красной Армией, назначил на его место С. К. Тимошенко, панически боявшегося Сталина. Итог: трагические события на фронтах 1941—1942 годов.

В июле 1941 года Ворошилов вновь оказался на одной из главнейших командных должностей. Он был назначен главкомом Северо-Западного направления, главной задачей которого была оборона Прибалтики и Ленинграда. Такая высокая должность снова обернулась бедой. На этот раз бедой для всей страны. Ворошилов проявил полную неспособность руководить войсками в современных военных операциях. На его совести трагедия Краснознаменного Балтийского флота: Ворошилову не хватило мужества без санкции Сталина разрешить своевременную эвакуацию главной базы флота из Таллинна в Кронштадт. Надо думать, он все же понимал преступность малейшей задержки с эвакуацией... В конце концов эвакуация прошла под дулами орудий немцев, обошедших Таллинн, вышедших к побережью и стеной огня перекрывших узкий фарватер Финского залива, вдобавок густо начиненного минами. На дне залива оказались почти все транспорты с десятками тысяч людей — инженеров и рабочих базы, их семьями, семьями балтийских военных моряков... Полный провал произошел и в оборонительных сражениях на подступах к Ленинграду, а также в организации обороны города, где Ворошилов действовал совместно со Ждановым.

Ни в одной стране никто не миновал бы после таких провалов военного трибунала. А Ворошилова официально даже не поругали. Но Ворошилов был снят с командно-фронтовой работы и больше на нее не возвращался. Хотя в «руководителях» остался: был главкомом партизанского движения, представителем Ставки...

Почему?

Ворошилов стал символом сталинистского толкования истории гражданской войны и Красной Армии. И с этой точки зрения был неприкасаем. Он остался символом и после смерти Сталина. Человек-легенда, одним из авторов которой частично он был сам.

В 1956 году к собственному семидесятипятилетию и в 1968 году — к пятидесятилетию Советской Армии, видимо, в поддержку реноме «народного героя» и «легендарного полководца», Ворошилов был дважды удостоен звания Героя Советского Союза. Механически? Но в Положении о высоком звании совершенно четко сказано, что за прошлые заслуги — до 1934 года — никто награждению не подлежит...

За что же и после смерти «хозяина» награждали сталинского наркома? Почему он принимал новые награды? А как же коммунистическая мораль и человеческая совесть? Очевидно, их не было...

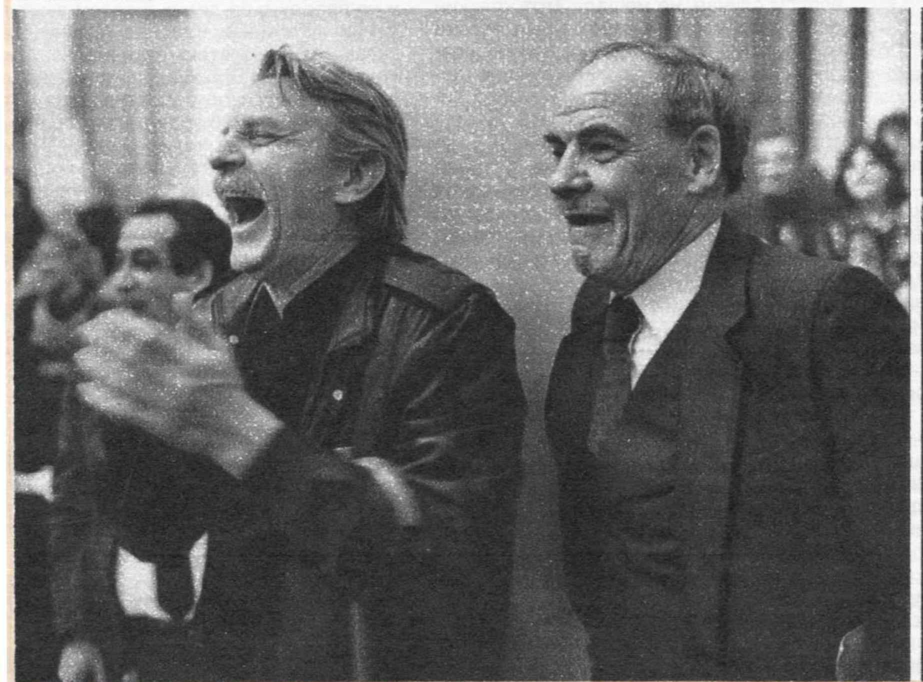
Самое худшее, когда победы ослепляют и никто не хочет подумать, какой ценой они достались. Еще хуже, когда в угоду мнимому благополучию фальсифицируется история. Все лучшие умы человечества, народная мудрость утверждают, что учиться и воспитывать армию надо не только на победах, но и на поражениях. На ошибках! Именно поэтому необходимо полностью отказаться от лживого сталинистского стандарта в изложении нашей военной истории. И начать, наконец, ее полное и фундаментальное изучение. Накладно держать в секрете свои поражения и провалы.

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Калининцы коронуют президента ГАСК Евгения Жарикова.

Дискуссия... Слово Иннокентию Смоктуновскому.

И радость, и слезы награжденных.

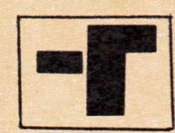
Сегодня актеры Юрий Назаров и Михаил Глузский стали зрителями.

«Бурда моден» на высоте!

Станислав ГОВОРУХИН

ОБ ОДНОМ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОМ СОБЫТИИ

де ты был?
— В Твери.
— А где это?

Какая у нас короткая историческая память!

На фестивале «Созвездие», который проходил в феврале этого года в Калинине, я наблюдал такую картину. Замечательная актриса Людмила Шагалова ходила среди участников фестиваля с большим плакатом «Мы — за Тверь!» и собирала подписи под воззванием. Я с удовольствием оставил под ним свой автограф. Кроме того, активно работает инициативная группа «Возрождение», которая борется за возвращение родному городу исконного названия. Каждое публичное упоминание слова «Тверь» встречается зрителями бурными аплодисментами. Словом, процесс развивается, и он необратим.

Но почему все-таки поздно, а не рано? Я задавал этот вопрос жителям города. Отвечают: горисполком говорит, что дорого... мол, надо менять вывески, переделывать карты... И смех и грех, ей-богу.

Но вернемся к Первому всесоюзному фестивалю актеров советского кино «Созвездие». Актеры сами родили эту идею, сами заработали деньги на призы и сами (актерское жюри под председательством Людмилы Целиковской) определили, какие роли из сыгранных в прошлом году достойны главных наград.

Лауреаты названы, имена их перечислены в прессе, поговорим о другом.

Фестиваль этот явился первой серьезной акцией Гильдии актеров советского кино.

Актеры организовали свою профессиональную Гильдию. Теперь они будут собственными силами решать свои проблемы. А их накопилось много. Тут и низкооплачиваемый труд, отчего артист вынужден подрабатывать, халтурить, соглашаться на все, что ему предложат,— играть даже то, против чего протестуют душа и сердце. Тут и унизительная зависимость от режиссера.

Никого из своих работодателей, то есть режиссеров, актеры на свой фестиваль не пригласили. Кроме Романа Балаяна. Его уважительное отношение к артистам общеизвестно.

Тут, конечно, взыграли старые обиды. Многие годы актерская братия пыталась освободиться от своих бед с помощью могущественной режиссуры. И ничего не добилась. Я однажды слышал, как на заседании секретариата Союза кинематографистов выступал известный артист, звезда первой величины. Говорил он о бесправном, унизительном положении актера в кино. Говорил с волнением, с горечью. Никто его не слушал — у секретариата были свои, более глобальные проблемы.

А ведь актер — это материализованное воплощение зрительской любви к кинематографу. Так уж сложилось: авторская группа, работавшая над фильмом, остается за кадром...

Самые острые споры на фестивале возникали во время заседания «круглого стола», за которым актеры обсуждали профессиональные проблемы, проблемы кинематографа в целом, решали, каким должно быть общественно-политическое лицо новой организации — Гильдии актеров.

То и дело в пылу полемики из уст советского актера можно было услышать: «Вот актер на Западе...»

Благосостояние любого западного актера зависит от степени его популярности. Чтобы мечтать о положении, которое занимает в обществе Сильвестр Сталлоне или Роберт Редфорд, нужно, помимо всего прочего, еще и обладать его популярностью во всем мире. Так как фильмы с участием Сталлоне и Редфорда идут во многих кинотеатрах многих стран. Следовательно, советскому кинематографу нужно еще завоевать международный рынок. До этого далеко!

Пока мы не создадим индустрию среднего фильма (именно он, средний фильм, а не шедевры, определяет уровень кинематографа), пока не научимся уважать своего зрителя, нечего и думать об иностранном. А наши уникальные актерские дарования (достаточно вспомнить о судьбах Аллы Ларионовой и Татьяны Самойловой) так и останутся материалом для внутреннего пользования.

Но как он, актер, может изменить ситуацию, если участвует в чужом, часто вызывающем внутренний протест проекте, подчиняется воле другого человека? Возможно, когда Гильдия станет сильна, организованна, когда у нее появятся средства, она сможет сама заказывать и субсидировать фильмы, то есть реально влиять на репертуарную политику. И тогда, возможно, сбудется давняя мечта актера: попробовать на роль режиссера несколько кандидатов с целью выбрать достойного.

...Отличительной особенностью фестиваля было то, что он стал праздником не для кинематографистов, а для зрителей. Город был взбудоражен, сбит с привычного ритма. Такого созвездия актеров Тверь не то чтобы не видела, но и не мечтала увидеть.

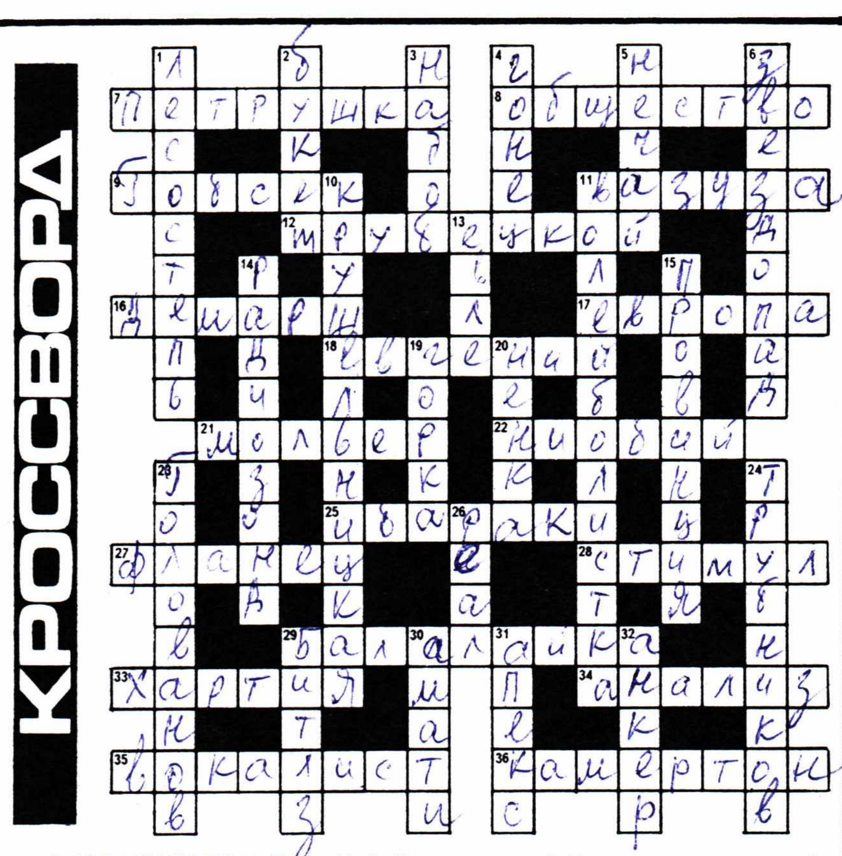
Работали все и работали помногу. От больших гала-концертов в цирке, от выступлений перед демонстрацией конкурсных фильмов до творческих встреч в каждом учреждении, на заводе, в институте, даже в исправительно-трудовой колонии. Могу, как очевидец, заверить: почти все актеры выкладывались до конца. Я видел, как молодой артист Саша Кузнецов, известный публике под именем Джека Восьмеркина, уставая говорить, брал гитару, пел песню, потом изображал животных: ежика, собаку, корову, то есть не стеснялся просто рассмешить, развлечь публику. И делал это чрезвычайно талантливо.

Но вот появилась первая публикация о фестивале в центральной газете. Когда в это утро я спустился к завтраку, актеры гудели. Газету передавали из рук в руки. В заметке сообщалось, что некий анонимный актер не явился на встречу с публикой, потому что еле держался на ногах. Первая публикация о фестивале была озаглавлена: «Попросту не держала земля». Под таким заголовком и все остальное выглядело в неприятном освещении. Даже в совершенно правдивом сообщении, что артист Алексей Баталов не приехал на фестиваль потому, что попал в дорожно-транспортное происшествие, усматривался некий намек: мол, не приехал потому, что его плохо держала земля. Неудивительно, что по приезде в Москву знакомые вместо приветствия встречали меня вопросом: «Весело было там у вас?! Говорят, здорово погуляли...»

Репортеры, пославшие ту информацию о фестивале, дали мне прочесть оригинал корреспонденции. Ни по форме, ни по настрою это совершенно не было похоже на то, что опубликовала «Советская Россия». Откуда у редакции такая неприязнь к деятелям культуры? Что она хотела сказать? Мол; вот она какая, наша богема?..

Я вот думаю. Всю жизнь нам придумывали врагов. Не внешних, так внутренних. Чтобы было на кого свалить наши неудачи. Если то, чем все мы сейчас живем, на что надеемся и уповаем, провалится, захлебнется, остановится, — обязательно возникнет образ врага, который сорвал грандиозные планы. Кто будет этим врагом? Уже сегодня имеется сколько угодно людей, готовых назвать этим врагом творческую интеллигенцию: кинематографистов, художников, писателей, журналистов. Когда пробьет час, они закричат: ату их! Это они дестабилизировали положение в обществе, сорвали перестройку!..

Сейчас ясно только одно: в отличие от всех предыдущих фестивалей (кроме двух одесских), проводившихся в нашей стране, этот не был убыточным. А скорее всего принес ощутимую прибыль. И государству, и городу, и Гильдии. Теперь Гильдия актеров будет располагать первоначальными средствами для оборота.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Балет И. Ф. Стравинского. 8. Исторически сложившийся тип социальной системы. 9. Роман О. Бальзака. 11. Река в Смоленской и Калининской областях, приток Волги. 12. Декабрист. 16. Протест, предостережение одного государства другому. 17. Часть света. 18. Герой поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник». 21. Французский комедиограф XVII века. 22. Химический элемент, металл. 25. Город в Японии. 27. Соединительная часть труб, валов. 28. Побудительная причина к действию, поведению. 29. Русский струнный музыкальный инструмент. 33. Старинная рукопись. 34. Метод научного исследования. 35. Певец-профессионал. 36. Источник звука, эталон его высоты при настройке музыкальных инструментов и хоровом пении.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Природная зона. 2. Подобранные в пучок цветы. 3. Роман А. Доде. 4. Картина Н. К. Рериха. 5. Сподвижник Б. Хмельницкого, герой народных песен. 6. Песня А. Н. Пахмутовой. 10. Украинская певица. 11. Спортсменка, участница командной игры с мячом. 13. Порт в Швеции. 14. Прибор для измерения давления, температуры, влажности в атмосфере. 15. Административно-территориальная единица в некоторых зарубежных странах. 19. Фигура пилотажа. 20. Представительница основного населения некоторых автономных округов в РСФСР. 23. Дирижер, композитор, народный артист СССР. 24. Герой кинофильма «Председатель». 26. Старинная монета стран Латинской Америки, Португалии. 29. Английский вокально-инструментальный квартет, популярный в шестидесятые годы. 30. Семья итальянских скрипичных мастеров XVI—XVII вв. 31. Точка небесной сферы, к которой движется Солнце. 32. Деталь часов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Дискуссия. 10. Дегейтер. 11. «Калевала». 13. Гильен. 14. Курако. 15. Триолет. 18. Вишня. 20. Талас. 21. Дендрология. 22. «Жизнь». 24. Одеон. 26. Пушкино. 28. Заявка. 29. Лосось. 30. Директор. 32. Коммунар. 33. Глоксиния.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Диктант. 2. Якир. 3. Усик. 4. Диалект. 6. Демилитаризация. 7. Демьян. 8. Тверца. 9. Александровская. 12. Циолковский. 16. Рандеву. 17. Ермолин. 19. Ягель. 20. Трико. 23. Неврев. 25. Диспут. 26. Пастель. 27. Олимпия. 31. Рюкю. 32. Клич.

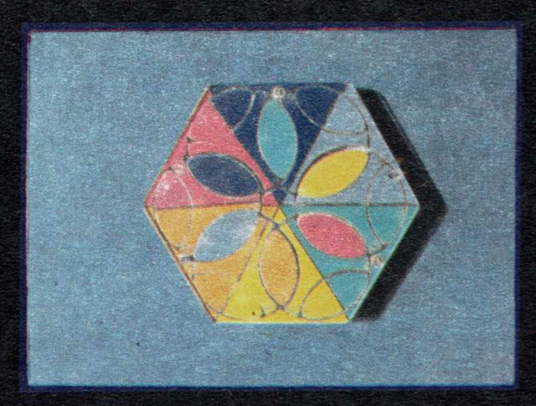

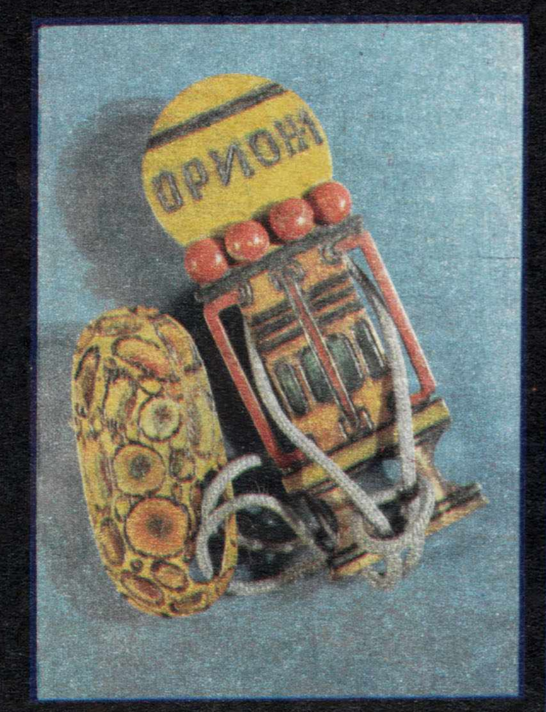
Рисунок Аркадия ГУРСКОГО (Минск).

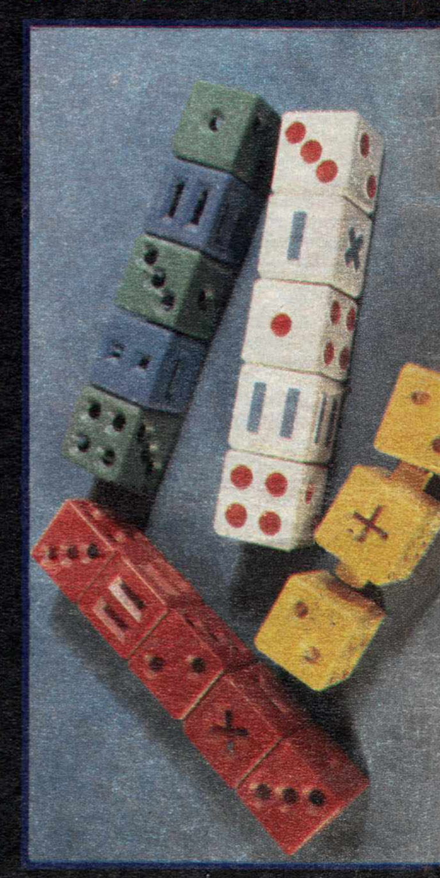

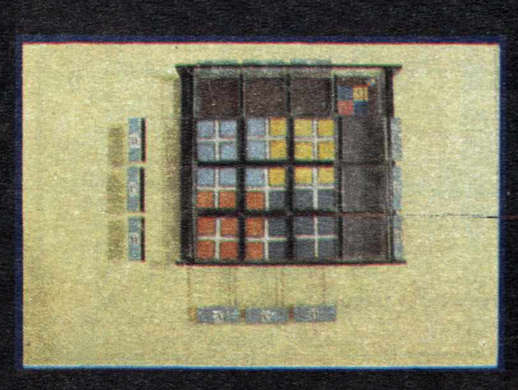

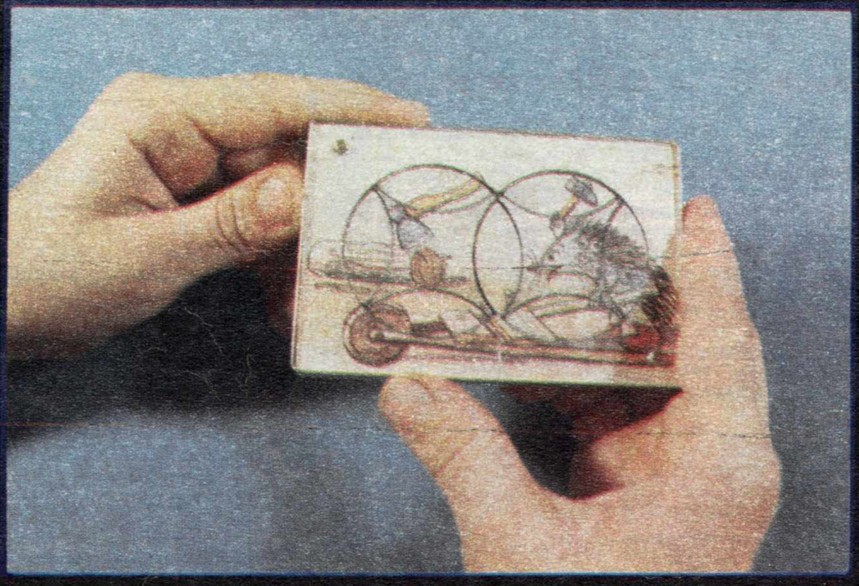

Коллекция головоломок и логических игр инженера В. И. Красноухова из подмосковного города Подольска поражает своим разнообразием. Здесь и занимательные игрушки для шестилеток, развивающие логическое мышление и пространственное воображение, и интеллектуальные игры для старших школьников.

Помощником и соавтором у Владимира Ивановича сын Денис — студент инженерно-физического института. Отец разрабатывает идею, механику, сын просчитывает на ЭВМ оптимальные варианты. Десятилетняя дочь Оля тоже не остается в стороне. Она придумывает играм названия.

Промышленность выпускает только две игры Красноухова «Арифметика на кубиках» и часы «Тик-так». Хотя многие игры экспонируются на ВДНХ. Пополнят ли они небогатый арсенал наших магазинов или останутся в единственных экземплярах у автора и на выставках?

Наигравшись вволю, я впервые, наверное, за долгую журналистскую работу пожалел, что не взял с собой в командировку внуков.

Михаил САВИН,
фото автора.

40 коп.
Индекс 70663